

УМЦЦЦЦЦЦЦ

#БОГРЪ-АНУМЕ

Я воевал в половине горячих точек мира, защищая интересы своей страны. Я посадил дерево, построил дом, воспитал сыновей. Я прожил хорошую и вместе с тем страшную жизнь. И за все свои грехи и подвиги я получил награду по заслугам.

Я умер. И я переродился в мире так похожем и так не похожем на мой. Здесь все еще жива империя, сословия и аристократия. Я бы хотел прожить эту жизнь тихо и спокойно, но я — самый лучший солдат своей страны, и мне придется защищать ее в этом чужом и новом мире.

Мире, полном войны и магии.

Рация зашипела:

— Охотники на позициях.

— Что там? — спросил я, рассматривая здание.

Стеклянный офисный куб с трудом угадывался в неосвященной местности. Ублюдки выбрали отличное место, чтобы окопаться. Вокруг перепаханное поле начинающейся стройки и ни столба, ни кустика. Простреливается идеально — обороняться можно бесконечно долго.

Никогда не любил штурмы — ни в той жизни, ни в этой. Раскатать бы этих упырей вместе со всем зданием, но...

Нельзя.

— Здесь магические глушилки, — выплюнула рация недовольно.

Логично, я бы тоже так сделал.

— Часовые? — спросил я.

— Передаю координаты, — отозвалась рация другим голосом.

Коммутатор на запястье пикинул.

— Принял, — отозвался я, рассматривая россыпь красных точек.

— Штурм по моей команде, — приказал я, откладывая рацию.

Глушилки — это не проблема. Проблема сидит внутри этого гребаного здания...

Я повел рукой и в воздухе завис ряд тонких и убийственно эффективных длинных ледяных игл. Щелчок, тусклый блеск льда, и ветер услужливо донес мне звуки оседающих тел.

Думали, магические глушилки вам помогут? Лучше б заглушили систему навигации, дебилы.

Я взял рацию и скомандовал:

— Начали.

И пока мои бойцы зачищали подземную парковку и запасные входы, я, как положено человеку моего аристократического сословия, вошел через парадные двери. С максимальной помпой.

Пока я шел к зданию, толстое стекло входной группы покрылось морозным узором. Щелчок — и стекло рассыпается мелкими осколками, демонстрируя мне обалдевших от такой наглости боевиков.

— Кто-то в теремочке живет? — громко поинтересовался я, переступая через крошево.

Мой голос заставил боевиков очнуться. Дула автоматов вскинулись на меня, я же выставил левую ладонь в защитном жесте и-и-и... в тишине пустого холла раздалось холостое щелканье.

Сюрпри-и-и-и-из.

Магия металла превратила первоклассное оружие в бесполезный кусок железа. А в следующее мгновение я чиркнул указательным пальцем по воздуху, и боевики рухнули на мраморную плитку.

— Подвал — чисто, — отчиталась одна из групп захвата.

— Проверить на первом этаже, — скомандовал я, пересекая холл.

Нужно было торопиться — мало ли что этим отморозкам придет в голову, и тогда все

происходящее вообще потеряет всякий смысл. Между лестницей и лифтами пришлось выбирать последние. Современное здание не предполагало, что кому-то придется подниматься пешком наверх, и все двери открывались на лестницу. Идти вслепую означало сильно шуметь, а мне не хотелось терять фору.

Красивый и новенький металлический лифт лениво и медленно поднял меня на нужный этаж, приятно пискнул, уведомляя о прибытии, и распахнул двери.

В свежестроенном, почти что хрустящем коридоре стоял десяток боевиков. Эти уже оказались более расторопные, а потому принялись палить сразу, едва я вышел из лифтового холла. Пули летели уверенно, но обтекали меня, словно вода камень. Прошла целая минута беспорядочной пальбы, чтобы обороняющиеся это заметили.

Я же стоял, скрестив руки на груди, и со скучающим видом размышлял, что же произойдет быстрее: кончатся патроны, или эти идиоты поймут, что на меня не действуют глушители магии.

Первыми кончились патроны.

— Вы тут что-то обронули, — оскалился я и ткнул в боевиков пальцем.

Все выпущенные по мне пули метнулись обратно, мгновенно изрешетив своих бывших владельцев, которые падали прямо поперек коридора. Пока я перешагивал эти малоприятные импровизированные баррикады, мои парни продолжали работать.

— Первый этаж — чисто, — раздалось в гарнитуре.

И следом почти сразу же:

— Второй этаж — чисто.

— Третий этаж — чисто.

В конце коридора виднелась цель моего пути — красивая двустворчатая дверь из какого-то декоративного дерева, уже немного изрешеченная возвращенными мной пулями.

Щелчок, и тяжеленная конструкция из массива дерева просто падает вместе с коробом и куском стены вовнутрь.

— Тук-тук-тук, — мрачно произнес я.

Человек, которого я надеялся и очень не хотел найти, все-таки оказался внутри. И ужас, медленно проступающий на его вечно самодовольном аристократическом лице, все-таки немного сгладил испорченные выходные.

— Я... я... я... — начал заикаться мужчина, чего раньше за ним никогда не наблюдалось. — Я полезнее живым!

— О, жить ты будешь, — согласился я и, когда на лице мужчины отразилось облегчение, добавил: — Плохо, но недолго.

Некоторое время назад

Вспыхнул дежурный свет и заработало радио прямо на середине новостной сводки. Приятный женский голос рассказывал о том, что акции поднимаются вверх и опускаются вниз, что планируется рекордный урожай пшеницы и сахарной свеклы, и что цесаревич направился куда-то на границу с Китаем познавать тяготы и радости службы.

Дверь в купе резко распахнулась:

— Просыпаемся, скоро Москва! — бодрым голосом человека, который скоро сдает смену, пропела проводница и упорхнула в следующее купе.

Я еще несколько минут лежал на полке, тупо пялясь в потолок. Мне снилась прошла жизнь, и сон этот нельзя назвать приятным. Мы выбили противника и заняли его

укрепления. Но данные об этом еще не дошли наверх, и нас начала бомбить своя же авиация. И я снова запускал в небо красную звезду, которую истребители на своих сверхскоростях просто не замечали.

— Мам, мам, а мы ходим в детский мир?

— А на Красную площадь?

— А к тете Нине на работу?

Тетя Нина работала на кондитерской фабрике Абрикосова, и об этом знал весь вагон. Собственно, моими соседями по купе была очень уставшая молодая женщина с двойняшками — мальчиком и девочкой — лет пяти. И я счел, что пора применять тактическую хитрость и совершать отступательный маневр, пока детвора не присела и мне на уши.

— Доброе утро, — бодро поздоровался я, легко спрыгивая с верхней полки.

— Доброутро! — пискнули двойняшки.

Я подмигнул девочке и, прихватив несессер и закинув полотенце на плечо, вышел в коридор.

Самый обычный коридор купейного вагона. И, если не знать, то никогда не догадаешься, что это немного не тот вагон, не тот поезд и, если уж быть до конца честным, не та Россия.

Восемнадцать лет назад я переродился в мире так похожим и так отличающимся от моего родного. Здесь не случилось революции, и империя не рассыпалась. Романовы все так же правят страной, от которой никто не отгрыз ни пяди земли. Здесь не построили Питер, но его функции выполнял Выборг. Правящая семья не роднилась с европейскими, а потому и не пострадала от болезней близкородственных браков. США не стали печатным станком мировой валюты, хоть и отделились. Здесь это главное рабовладельческое государство мира — юг победил. Британцы все так же ненавидят всех вокруг с высоты своего заплесневелого высокомерия. Инки сожрали конкистадоров и периодически напоминают соседям, почему лучше их не трогать. Реконкиста захлебнулась, и на мысе Рока стоит самая красивая мечеть Европы.

А еще здесь была магия.

Не возникла из воздуха, а была всегда. Стояла наряду с наукой и технологиями. Магия была в каждом, но не однородно. Как цвет волос или глаз она подчинялась законам генетики, и немцы здесь, как и там, пытались создать арийскую магическую расу. Конечно, им это не удалось, хотя они очень старались. И будучи на подъеме своей гипотезы, также развязали кошмарную войну.

Но магия подчиняется законам генетики. А все знают, что самые породистые животные самые нездоровые. К счастью, я не застал период этих попыток вывести высшую магическую расу, но о впечатляющем размахе бедствия имел неплохое представление по страницам учебников. Здесь тоже была мировая война, и она тоже несколько лет пила кровь миллионов людей.

Сейчас магический дар является чем-то вроде склонности, определяющей твою жизнь в будущем. В моем мире были технари и гуманитарии, а здесь есть еще третий вариант — маги. И мне, можно сказать, повезло, — я обладал достаточным даром для получения магического образования. А как сын погибших при исполнении бойцов еще и квотой на поступление.

Так я оказался в поезде, подъезжающим к Москве.

Где купейный вагон третьего класса для неблагородной публики ничем не отличался от

купейного вагона моего прошлого мира. Плацкарт, как несложно догадаться, был четвертым классом. Во втором классе примерно в тех же условиях, что и я, ехали благородные, но бедные. А в первом классе типа СВ путешествовали люди при деньгах. Или при деньгах и титуле, но, естественно, в разных вагонах. А еще все это прекрасное разнообразие условий проезда имело цветовую дифференциацию штанов: вагоны красили в разные цвета.

Если бы в прошлой жизни я был историком, наверное, этот мир привел бы меня в экстаз. Ну или близкое к этому состояние: все-таки здесь сохранился тот дух имперской России, промышленников и благородных офицеров, который часто романтизировали мои современники. Но я в прошлой жизни был военным, так что и особого восторга от антуража альтернативного мира не испытывал. Мир и мир.

Можно сказать, еще одно задание. Только теперь задача была простой и миролюбивой: жить и наслаждаться жизнью. Почти что пенсия по выслуге лет, только с бонусами.

Я плеснул себе в лицо плохо прогретой воды и посмотрел в уже порядком заляпанное зеркало. Оттуда на меня смотрел парень того классического славянского типажа, какие рисуют в детских мультиках для девочек. Голубые глаза, светлые коротко стриженные волосы, ямочка на подбородке. У этого тела был отличный генофонд, хотя фотографий родителей мне не досталось.

Я провел в царском приюте всю сознательную жизнь. Элитном приюте, надо сказать, куда свозили детей таких же боевых родителей, что и у меня. Хотя, наверное, жизнь в приюте не показалась бы мне легкой, если бы я на самом деле был мальчишкой-сиротой.

Но я им не был.

Казанский вокзал этой Москвы почти ничем не отличался от казанского вокзала той. Те же ларьки с едой, газетные киоски с одноразовыми книжками и узкий заплыванный перрон. Скучающие полицейские с откормленными Мухтарами.

Но чем ближе ты подходил к вокзалу и изголовью поезда, тем чище становилось под ногами, громче шумела людская толпа, а благородные пассажиры, высаживающиеся из своих красных вагонов за ограждением из толстого армированного стекла, казались немного нелепыми. Как будто не их ограждали от плебса, а плебс ограждали от них.

Я путешествовал налегке с одним рюкзаком, вместившим все мои нехитрые пожитки. Сироты были на полном гособеспечении, но при таком подходе личных вещей нажить практически невозможно. От родителей, может, и осталось какое-то наследство, но этим вопросом я мог заняться только после наступления совершеннолетия, которое догнало меня второй раз в жизни три дня назад.

Дойдя до вокзала, я растерянно замер, пытаюсь вспомнить, куда идти. Это было чисто рефлекторное, но абсолютно бесполезное занятие — несмотря на внешнюю схожесть, внутри помещение отличалось до неузнаваемости. Например, не было типичных ларьков с хот-догами, зато были пирожки, а вот шаурма и здесь прижилась.

Пока перекусывал за высоким стоячим столиком в местной закуской, отыскал глазами бессмертную букву «М». Все-таки Москва — красна, и метро здесь тоже обозначали красным символом. Вот только было оно не имени Ленина, а имени Николая III, в народе именуемого Железным за то, что активно развивал тяжелую промышленность.

Прихватив бутылку кваса с собой, я отправился на поиски своего будущего учебного заведения. Именовалось оно Императорский Московский Университет и располагалось когда-то в удаленном от жилых кварталов месте. Но город рос и теперь ИМУ находился ближе к центру, чем к окраине Москвы. Одним боком он прижимался к Москва-реке, а

другим к Большой Донской улице, в моей памяти именуемой Ленинским проспектом.

Собственно, университет занимал территорию Нескучной усадьбы, и обучали там исключительно магически одаренных студентов. А теперь и одного перерожденца.

Идя вдоль высокого глухого забора из красного кирпича, я думал больше о военной части, чем о светском учебном заведении. С другой стороны, здесь была концентрация магов-недоучек в период гормонального взрыва, так что, возможно, к глухой стене следовало бы еще добавить колючую проволоку под напряжением. Все-таки кругом мирные жители, а через дорогу вообще монастырь.

Ну и не прошел я сотни метров, как моей гипотезе нарисовалось самое красочное подтверждение. У распахнутых настежь парадных ворот назревал типичный конфликт на тему у кого длиннее и толще.

— Ты кто вообще такой? — лениво растягивая слова проговорил парень мажористого вида.

Он был среднего роста, средней комплекции и, судя по всему, среднего интеллектуального развития, но о его статусе и финансовом благополучии кричало все. Вообще все. Одежда с шильдиками модных домов, зализанные гелем русые местами покрашенные волосы, которые долго укладывают, чтобы они торчали как будто в художественном беспорядке, серьга в ухе с неким бриллиантом. Я бы считал его кем-то из нуворишей, но перстень на пальце свидетельствовал о принадлежности к аристократии. Парень смотрел высокомерно, холодно и, видимо, думал, что выглядит эффектно, но выглядел смешно, хотя за его плечами стояло человек десять группы поддержки.

— Тот, кто впечатает твою рожу в асфальт! — представился его собеседник. — Руки от девчонки убери, пока я их тебе не переломал!

Второй парень тоже был из благородных, но, видимо, не слишком благополучных. Он был бы блондином, если бы не короткая стрижка под машинку. Безликая белая футболка и джинсы — одежда простого народа, никак не аристократа, сам в таком иду. Но перстень, перстень палил его породистое происхождение.

— Ты серьезно думаешь, что у тебя силенок хватит со мной тягаться? — искренне изумился мажор.

— Круче меня только драконьи яйца, — оскалился второй парень, — и они у меня с собой. Показать?

И потянулся к ремню брюк.

От такого ответа охренели вообще все присутствующие: и собеседник, и его группа поддержки, и несчастная рыжая девчонка, которая, кажется, хотела мимикрировать под кирпичную стену. И это ей могло бы удаться — от последней фразы бедолага пошла красными пятнами.

Я же против воли ухмыльнулся и чуть замедлил шаг, размышляя, обходить начинающуюся потасовку или еще понаблюдать за настоящими аристократами в их естественной среде обитания.

— Дуэль! — выплюнул мажорик быстро-быстро. Видимо, чтобы собеседник все-таки не показал свою аргументацию.

— Легко, — отозвался парень.

Оглянулся, словно ища глазами кого-то, а затем внезапно ткнул в меня пальцем и заявил:

— Этот будет моим секундантом.

Я?!

— Он же неблагородный, — процедил кто-то из группы поддержки мажорика. — Что плебс может знать о настоящей дуэли?

Не то чтобы мне сильно хотелось влезать в чужие разборки, но вообще-то технически мои родители погибли, защищая интересы страны, чтобы эта напояженная задница могла гнуть пальцы на папины деньги. Так что...

— Ну руки тебе сломать знаний хватит, — отозвался я, вставая рядом с парнем против уже нормально так заведенной компании. — И он, — я ткнул в обладателя драконьих яиц, — будет моим секундантом. Извини, перчатки нет, могу в рожу плюнуть. Подойдет?

Мой внезапный секундант заржал, а наших противников перекосило.

— Через час на полигоне, — процедил крашеный мажорик и, развернувшись на каблуках, устремился куда-то вглубь территории. Свита молча направилась за ним, лишь мой будущий противник кинул на меня такой уничтожающий взгляд, что, если б мог — убил бы.

Едва противники отошли на достаточное расстояние, мой секундант воскликнул:

— Ну ты даешь! Красавчик!

Протянул мне руку и представился:

— Боярич Иван Новиков.

Я крепко пожал его ладонь и ответил:

— Александр Мирный.

— Вы с ума сошли?! — воскликнула рыжая девица, ставшая причиной предстоящего замеса. — Они же вас покалечат!

— Лучше, чтобы они покалечили тебя? — поинтересовался боярич.

— Да что они мне сделают? Я — Мария Нарышкина!

Заявлено это было таким тоном, словно княжеский титул давал индульгенцию от идиотов.

— Вот именно поэтому и сделают! — зло рявкнул Иван.

Я больше чем уверен, что парень добавил себе под нос «дура», но оскорблять боярышню, за которую только что вписался бить лица, было бы глупо.

— Мне нужно заселиться, — прервал я их милую перепалку.

Боярич кинул взгляд на наручные часы:

— Не успеешь, там сегодня с документами какая-то чехарда и жуткая очередь.

Я скривился: на очереди у меня была аллергия еще с перестройки, и тратить свою прекрасную юность на толчею снова у меня не было никакого желания. Видимо, скривился я весьма красноречиво, потому как Новиков с видом Архимеда щелкнул пальцами, только воскликнул не «Эврика!», а:

— Идея! Пойдем, кинешь вещи ко мне, я уже заселился. А потом договоримся с комендантом.

— Но ты же живешь в крыле для благородных, — округлила глаза Нарышкина и обратилась ко мне: — Не принимай на свой счет, но тебя там сожрут, если ты решишь задержаться. Таких напыщенных павлинов, как Максимус с его шайкой там на каждом этаже три штуки.

— Пф! — отмахнулся Новиков. — После сегодняшней дуэли к нам только на полусогнутых будут подходить.

Я чуть улыбнулся, подумав, что юные аристократы этого мира ничем не отличаются от детей топ-менеджеров моего бывшего. И те, и другие умеют пользоваться всеми вилками на свете, но в отсутствии старшего поколения ведут себя как обычные дети: курят, матерятся и лезут в драку. Новиков даже представился без отчества, что по местному высшему этикету непозволительная вольность, зато очень модно среди благородной молодежи.

— Хорошо, идем, — согласился я.

Не то чтобы мне хотелось жить среди мажориков, но сейчас точно стоило скинуть рюкзак. Являться с ним на местный полигон было бы неудобно.

— Наш человек! — одобрительно кивнул Иван и махнул следовать за ним.

Территория университета была ухоженная. Даже, я бы сказал, вылизанная. Мы шли по асфальтированной дороге, такой ровной, что от зависти потрескались бы немецкие автобаны моего прошлого мира. Вокруг зеленели идеально подстриженные газоны, подозрительно симметричные деревья и фигурно обрезанные кусты.

В моей памяти нескучный сад был чем-то средним между заброшенным садом и недоухоженным парком, так вот с этой территорией ничего общего у моих воспоминаний не было.

— Ты не из Москвы, — констатировал шедший рядом Иван.

— Это имеет значение? — лениво поинтересовался я, больше интересуясь пейзажем,

чем вынужденным собеседником.

— Нет, просто ты так крутишь головой, словно впервые видишь магический ландшафт, — пожал плечами парень.

— Действительно впервые, — не стал отрицать очевидное я.

Но комментарий боярича Новикова оказался весьма полезен — я действительно не понял, что эта исключительная четкость линий рукотворна. Природа не терпит такой симметрии. Другое дело люди. Точнее, маги.

— Говорят, проштрафившихся студентов отправляют равнять газон, — охотно поделился со мной Иван. — Но редко кто открывает дар Земли на первом курсе, так что нам это не грозит.

И без перерыва спросил:

— Откуда ты?

— Спиридонград, Татарское княжество.

— О-о-о-о, — протянул боярич, — это там, где рядом нефть нашли?

— Верно, — кивнул я, немного удивившись такой осведомленности парня. — А ты откуда?

— Сибирь-матушка! — гордо ответил Иван.

Я усмехнулся. Сибирь-матушка — это, конечно, очень размытый ответ. А с другой стороны, вряд ли мне что-то скажет название какого-нибудь мелкого городишки, даже если бы Новиков его назвал. В то, что у семьи парня с землицей проблемы, было видно невооруженным глазом.

Дорога, по которой мы шли, вела от ворот к главному корпусу. Это было старинное, трехэтажное здание с колоннами и ажурными балкончиками блеклого песчаного цвета. И шли мы не туда. Практически перед самыми клумбами, разбитыми у центрального входа, дорога начинала активно ветвиться, и Иван уверенно свернул направо, ведя меня к общежитиям.

Жилые строения располагались ближе к центру столицы и не очень умело, но очень старательно пытались косить под ровесника главного здания. Те же башенки, балкончики, фасады цвета ничего. Но невооруженным глазом было видно, что возвели общежитие относительно недавно.

Это была сложная конструкция из нескольких отдельно стоящих строений, соединенных между собой галереями на разных этажах. Выглядело, конечно, очень красиво, но меня больше интересовало, что внутри. Памятуя о студенческих общежитиях своего мира, я был готов ко всему. В принципе, было бы даже смешно в жилище магов обнаружить двухуровневые кровати, один работающий сортир на три этажа с выломанной задвижкой и банальных тараканов.

Иван решительно шел между строениями и, если честно, я даже немного восхитился той уверенностью, с которой нес себя боярич. Это у меня есть прошлая жизнь без сословного общества, и я с некоторым скепсисом воспринимаю все эти приседания и расшаркивания по этикету. А когда ты не представляешь, что мир может преспокойно существовать без Табеля о рангах, а ты — всего лишь боярич безызвестного рода, общество так или иначе будет на тебя давить.

Пожалуй, с этой стороны задиристость парня даже понятна. С порога начинает вгрызаться в жизнь и отстаивать свое право на существование. Молодец.

Крыло аристократов внешне мало чем отличалось от прочих. Ну разве что на лавочке

перед входом сидели более холеные студенты, а в курилке меж корпусов смолили не дешевенькие папиросы 3 сорта какой-нибудь табачной фабрики Шапошникова, а настоящие сигареты фабрики Асмолова с золотым ободком. Я никогда здесь не курил дорогой табак, так что судить о различии в качестве не мог, зато точно знал, что фабрика Асмолова является официальным поставщиком двора Его императорского Величества. А раз уж сам император не брезгует этими сигаретами, то золотой молодежи ничего не остается, как раскошелиться на мажористый табак.

Иван все с тем же непрошибаемым видом хозяина жизни прошел мимо трущихся у входа студентов и зашел внутрь. Я поймал на себе любопытные взгляды и подумал, что, кажется, слух о предстоящей разборке уже побежал по студгородку.

А на входе, в лучших традициях студенческого общежития, сидел вахтер. Нет, там, конечно, стояла вертушка, пропуск по студенческому билету и прочие блага современных технологий, но вахтер — эта неотъемлемая часть университетской экосистемы — присутствовал.

Дородный мужчина с пышными усами и в немного заляпанной форме выцветшего синего цвета вписывался в этот магический мир так же органично, как и в мой предыдущий.

Шедший впереди боярич резко затормозил и обернулся ко мне:

— И тут я вспомнил, что у тебя, наверное, еще нет студенческого билета, — произнес парень с сожалением и растерянностью.

— Почему же? — приподнял бровь я и выудил из кармана маленькую плоскую карточку, присланную мне вместе с документами о зачислении.

— Ништяк! — заявил этот представитель аристократии и постучал костяшками в стекло вахтерской будки.

Мужчина, надо отдать должное, не спал и даже вроде бы не был пьяным. Но зато был выдрессирован борзыми аристократическими жильцами подведомственной территории, а потому лишь мазнул взглядом по нашим пропускам, и стрелка прохода вертушки загорелась зеленым.

Я задумчиво хмыкнул, размышляя о бессмертном ручном приводе, но Иван расценил мое хмыканье по-своему.

— Тоже считаешь, что это нарушение элементарной безопасности? — спросил парень, тыкая в кнопку вызова лифта. — Он ведь даже не проверил наши документы.

— Нет, я подумал, как так — в самом элитном университете страны до сих пор нет электронных пропусков?

Тут уже боярич издал задумчивое «Хм-м-м-м».

Двери лифта распахнулись, и мы вошли внутрь. Парень ткнул в девятый этаж и произнес:

— Хороший вопрос. Здесь же прорва денег крутится. И государственные дотации, и частные инвестиции.

И сказал он это с такой решительной злостью, что аж стало немного жалко парня. Наверняка идеалист.

Впрочем, это не мешало ему жить в двухкомнатных покоех со своим санузлом и гардеробной.

— Здесь все такое отремонтированное и хрустящее? — спросил я, проводя ладонью по светлым обоям.

— М-м-м... Тут вроде бы предыдущие жильцы разнесли все... и вот, — неуклюже

закончил Иван.

Я крутанулся на пятках, осматривая комнату, в которую завел меня парень. Большая, просторная, светлая. Из мебели — кровать, шкаф, рабочий стол со стулом. Все довольно аскетично, но очень дорого. Прямо совсем дорого.

— Занимай эту комнату, — скомандовал боярич, кинув взгляд на часы. — И нам пора выдвигаться.

Я молча бросил рюкзак на первую попавшуюся поверхность, и вышел вслед за Иваном.

— Ты знаешь, зачем нужны секунданты? — спросил меня парень, когда мы вышли из общежития.

Что-то такое черненькое забелелось в глубине моей памяти о прошлой жизни и Пушкине, которого тут не существовало, но ничего конкретного я не знал. Мой опыт подсказывал лишь, что, если начинается мордобой, безучастных не остается.

— Соблюдение правил? — предположил я.

Боярич вздохнул:

— Вообще, строго говоря, дуэли между благородными возможны только с высочайшего дозволения, — парень указал пальцем наверх, обозначая императора, — потому как между благородными дуэли проходят на магии. А у нас будет так...

— Драка, — подсказал я.

— Да, — кивнул Иван, — но пафосная.

Пафосная — это слабо сказано. На полигон, который предполагал отработку магической практики, стеклась куча народа. Подозреваю, все, кто не был занят стоянием в очереди на заселение, явились посмотреть на нас красивых.

— Ты такой популярный? — спросил я у Ивана, рассматривая толпу, активно рассаживающуюся по зрительским местам полигона, расположенным по периметру арены.

— Нет, — усмехнулся боярич, — это ты такой популярный. Бросил вызов благородному.

— Так, может, это благородный такой популярный? Кто он?

Не то чтобы имело особое значение, кому чистить рожу, но очевидно, что одним подходом это не ограничится.

— Это Долгоруков-младший.

Я быстро вспомнил место Долгоруковых в аристократической пищевой цепочке. Долгоруковы были из левых, любили громкие заявления на публику и изо всех сил старались изобразить, как они близки к народу.

— Так он же из Свободной фракции? — удивился я.

— Ты следишь за политикой? — удивился в ответ Иван.

Мне пришлось неопределенно пожать плечами. Не объяснять же пацану, что прошлая жизнь научила держать руку на информационном пульсе. Просто на всякий случай.

— Верно, из Свободной, — кивнул боярич. — Поэтому если ты сейчас подправишь ему профиль, это будет фурор.

Да уж, народ, за которого якобы радеют Долгоруковы, в моем лице сейчас сломает пару костей младшему радетелю. Папенька парня по голове явно не погладит.

— А ты кого вызвал? — спросил я.

— Распутина, — скривился парень.

— Тоже неплохой выбор.

В этом мире не было Николашки II, зато были Распутины и носили они целый княжеский титул. Не уверен, имелась ли какая-то корреляция с тем Распутиным, но каждый

раз, когда я слышал эту фамилию, у меня немного дергался глаз. Потому как здесь Распутины были практически синонимом продажной шкуры, но такой вертлявой, что императору формально не за что было прижать их к ногтю.

— Ну, пришли, — немного возбужденно констатировал Иван.

Полигон по площади легко бы вместил в себя парочку футбольных полей. Да и сейчас он тоже напоминал место для пинания мяча: идеально ровный уровень, аккуратно подстриженный газончик. Недалеко от входа стоял очень мрачный мужчина в форме университета.

— Кто это? — кивнул я на представителя местной власти.

— Распорядитель от ректората, — пояснил Иван.

— Не можешь остановить беспорядок — возглавь, — пробормотал я.

В принципе, это было логично. В институте смешанного типа, наполовину заполненном понторезами, разборки в той или иной форме были неотъемлемой частью коммуникаций. И лучше их контролировать, чем потом объяснять, почему родовитый отпрыск откинул копытца в драке с более удачливым сыном грузчика.

Наши противники уже стояли поодаль с неизменной недовольной рожей на месте лица.

— Представьтесь, — скучающим тоном человека, выполняющего обрыдлую работу, произнес распорядитель.

— Иван Новиков.

— Александр Мирный.

У мужчины едва заметно дернулась щека, но комментировать он не стал, лишь подозвал рукой наших оппонентов. С той стороны подошли Долгоруков и Распутин в комплекте с секундантами.

— Кто сражается первыми? — спросил мужчина, переведя взгляд с нас на них и обратно.

— Я и этот, — первее всех ответил Иван, кивнув на противника.

— Возможно ли решить ваши разногласия мирным путем? — без особой надежды спросил распорядитель.

— Нет! — рывкнули оба дуэлянта.

— Оружие? — уточнил мужчина.

Распутин лишь сделал жест. Такой барский, разрешающий выбрать оружие. Хотя, насколько я знал, выбирает оружие тот, кого вызвали. То есть разрешение Ивану не требовалось.

— Клинки, — коротко бросил парень.

Я посмотрел на товарища и подумал о том, что для парня это наверняка первый настоящий бой. Да еще и при таком скоплении народа. Неудивительно, что его слегка потряхивало от адреналина.

Распорядитель щелкнул пальцами, и к нам поднесли продолговатый футляр. Мне и второму секунданту предстояло подойти и оценить качество оружия. Как оценить клинки, лежащие на синем бархате?

Да никак, если у тебя нет хоть сколько-то профессионального навыкаковки или боя. Ну, я, как и секундант другой стороны, вынул клинок, проверил, что лезвие не отваливается от гарды, немного помахал им для вида. Потом мы поменялись оружием, манипуляции повторились. На этом, собственно, мое участие и закончилось.

Я хлопнул Ивана по плечу на удачу и отошел в сторону.

Дуэлянты демонстративно надели поднесенные им магические блокираторы, представлявшие собой блестящие наручные браслеты из белого металла в палец шириной. Противник Ивана тоже был первокурсником, поэтому, технически, никто из них не мог применять магию. Но техника безопасности есть техника безопасности, тут на чистоплотность заносчивой аристократической молодежи полагаться нельзя.

Пока распорядитель зачитывал последние ценные указания, я подумал о том, что стоит лучше изучить тему с артефактами. Их применение было нешироко, технологии вытеснили артефакторику с рынка, как более дешевые и простые в исполнении изделия. Но тем не менее этот гибрид магии и науки в каком-то виде в мире присутствовал, а я о нем к своему упущению имел весьма смутное представление.

— Колоть нельзя, только рубить! — не говорил, орал распорядитель. Видимо, чтобы лучше и точнее дошло до дуэлянтов. — Бой до первой крови! Применение любых техник запрещено! Стороннее вмешательство запрещено! Площадь поля тридцать на тридцать!

Щелчок распорядителя, и газон осыпался золотым песочком, образуя круглое поле заданной площади, усиленно напоминавшее мне песчаный берег Анапы.

— На позиции!

Защитники собственной чести разошлись на положенное расстояние, встали в хитрую стойку, абсолютно повторяющую друг друга. Полигон ободряюще шумел, подначивал, казалось, можно пощупать эмоции зрителей.

— Бой!

Ну что можно сказать про дуэль на клинках, названия которым я не знаю? Это красиво.

Парни двигались плавно, почти что синхронно. Это наталкивало на мысль об одной школе, но я мало что знал о местных благородных боевых искусствах. В Сети эта тема не была табуирована, но поскольку не представляла интереса для широких масс, информации почти не было. То ли дело кулачные бои, которых в этой Российской Империи имелось побольше, чем видов ушу, карате и кунг-фу вместе взятых в моем прошлом мире.

— Колотить нельзя, только рубить! — периодически орал распорядитель, наблюдавший за схваткой.

Парни сходились, сталь скрещивалась, и они снова отпрыгивали к кромке дуэльной арены. Щупали друг друга, оценивали противника и старались не показывать своих навыков.

Со стороны могло показаться, что дуэлянты просто красуются, но я-то видел побольше местной молодежи. Притирка затягивалась, трибуны начинали негодовать по этому поводу.

И Распутин первым решил зафиналить дуэль. Не знаю, на что он рассчитывал, но парень метнулся к Ивану, замахиваясь мечом наотмашь. Боярич такой прыти от соперника явно не ожидал, а потому отпрыгнул чуть ли не в последний момент: острие клинка противника вспорол рубашку, но не дотянулось до кожи.

Девичья половина трибун буквально завизжала от восторга: Иван продемонстрировал им все идеальные мышцы, кубики-рубрики и прочую красоту, что так нравится девчонкам на картинках. Массивный нательный крест тускло сверкнул, и парень рефлексивным движением сжал его в кулак.

По странному стечению обстоятельств магия здесь соседствовала с религией в умах и сердцах людей, а потому показалось, этот жест придал ему силы и решительности. И в следующий момент боярич атаковал так нагло, так напористо, что трибуны восторженно ахнули.

Фехтуя одной рукой и сжимая крест другой, Иван обрушил на противника град ударов, заставляя того уйти в глухую оборону. И, наконец, острие клинка боярича вывело замысловатый узор, оставляя в воздухе капли крови.

Иван задел княжича по щеке, хотя я был уверен, метил парень противнику минимум в глаз.

— Первая кровь! — рявкнул распорядитель, останавливая дуэль. Пытаясь остановить, точнее.

Куда там. Оскорбленный в лучших чувствах Распутин, кинулся на обидчика с намерением если не отомстить, то покалечить.

Но представитель ректората был мужиком опытным — щелчок — и песок под ногами превратился в зыбучие пески, мгновенно засосав противников по колена.

— Победитель дуэли — боярич Новиков!

Зрители встретили победителя одобрителем гулом, заставив парня надуться от гордости. Поигрывая мускулатурой, подмигивая и рассылая воздушные поцелуи красоткам, Иван подошел ко мне. Адреналин еще играл в крови у парня, и в широко распахнутых, немного пьяных от эмоций глазах плескалась удалая молодецкая дурь.

— Твоя очередь! — бодро проговорил боярич, протягивая запястья подошедшему сотруднику университета. — Надеюсь, ты оттяпаешь ему руки по самые ноги!

— Ничего не могу обещать, но постараюсь, — усмехнулся я.

Распорядитель без особых эмоций посмотрел на меня, потом на Долгорукова, а потом снова на меня, но уже округлившимися глазами.

— Смешанная дуэль? — уточнил мужчина слегка обалдевшим тоном.

Долгоруков поджал губы, я от комментариев воздержался. Трибуны притихли, ожидая первоклассное шоу. Да-да, чернь сейчас накостыляет барину, доставайте мобильники, можно включить прямую трансляцию.

— Возможно ли решить ваши разногласия мирным путем? — задал традиционный вопрос распорядитель.

— Нет, — процедил мой противник с самым высокомерным видом.

Распорядитель же растерянно вздохнул. Похоже, в его практике это первый случай такого нарушения социальной иерархии.

— Оружие?

— Клинки, — с превосходством проговорил Долгоруков. — Я преподам этому *человеку* урок владения благородным оружием. Может, тогда он поймет, в чем разница между нами.

Ну, это действительно будет интересно.

Пока мне надевали магические блокираторы, Иван изучал предлагаемое оружие. В отличие от меня, боярич понимал поболее, но прикопаться было не к чему.

— Колоть нельзя, только рубить! — повторил распорядитель. — Бой до первой крови! Применение любых техник запрещено! Стороннее вмешательство запрещено! Площадь поля тридцать на тридцать!

Первым, как ответчик, выбирал клинок Долгоруков. Он склонился над оружием на бархате, недовольно поцокал, несколько раз тянулся и отнимал руку и, наконец, когда я уже демонстративно закатил глаза, выбрал себе один из клинков. Я взял второй, и мы разошлись на позиции.

Пока я шагал свои пятнадцать метров, сделал несколько взмахов клинком. Все эти истории про вес, баланс и что-то там еще были мне бесконечно далеки, так что я просто проверял, как оружие лежит в руке.

Лежало оно, надо сказать, неплохо. Но учитывая частоту использования, сложно было ожидать плохое оружие от ректората.

Я замер на своей позиции и посмотрел на противника. Долгоруков сразу же принял эффектную стойку. Сложно сказать, была ли она эффективная, но перед девицами парень точно покрасовался. Мы же благородных институтов не кончали, так что я решил покрасоваться, как умел: заложил пальцы левой руки в карман, а клинок и вовсе опустил в землю, изредка постукивая себя плашмя по ноге.

Тишина была потрясающая. Трибуны молчали. Секунданты молчали. Представители ректората тоже молчали. Распорядитель сделал глубокий вдох и отмахнул:

— Бой!

Видимо, Долгоруков рассчитывал, что я полный дебил, раз вызвал благородного на дуэль. Но должно же было что-то закрасться в его напомаженную голову при виде моей расслабленной позы. Впрочем, неблагородному, вообще-то, особенно негде и незачем учиться фехтованию. И впервые в жизни я с теплотой вспомнил кошмарные увлечения младшего сына из прошлой жизни, который регулярно катался по лесам России-матушки с палатками, доспехами и репликами исторических колюще-режущих орудий. Собственно, чтобы наладить какой-то контакт с ребенком, мне самому пришлось кое-чему поучиться.

Нормальные отцы ездили рыбачить или охотиться, а я вот с мальцом тренировался махать мечами...

Кто б знал, что пригодится.

Долгоруков рванул с места в карьер, планируя нашинковать меня с наскока. Скорость у него была отменная, этого не отнять, вот только, кажется, он не ожидал от меня ничего. А потому впечатался в мой блок, как в железобетонную стену.

Трибуны восхищенно ахнули. Я же перекинул вес тела с ноги на ногу и сделал подсечку. Долгоруков начал терять равновесие и, чтобы не прочертить аристократическим профилем по песку, неловко отпрыгнул в сторону. Зрители хохотнули, я же медленно отходил от парня, прокручивая клинок в руке и размышляя, как бы не прибить ненароком сынулю влиятельных родителей.

А сынуля тем временем снова решил атаковать меня, но на этот раз уже не в лоб. Сталь поэтично зазвенела, трибуны зашумели, где-то на границе видимости мелькнуло сосредоточенное лицо боярича Новикова. Но на самом деле весь мир сузился до тридцати метров песка и моего противника.

Блок — атака — блок — атака — блок. Долгорукову не удавалось скрыть удивление: он не мог определить, где я учился фехтовать, а потому не знал, чего от меня ожидать. И уж тем более в самом страшном кошмаре мажора он не мог представить, что пацан без рода и племени из глухой обороны перейдет в атаку.

Атака — блок — атака — блок — атака — атака.

Я поймал его клинок на свой, отвел в сторону и с разворота впечатал ногу в грудь парня. Удар был такой силы, что Долгоруков выронил оружие, и его протащило через всю песчаную арену. Охренеть, как я, оказывается, могу. Сам от себя не ожидал!

Зрители, впрочем, тоже. Трибуны радостно заулюлюкали, прося крови. Я их настрой, конечно, разделял, вот только совсем уж тыкать котенка в дерьмо не хотелось. А потому я подошел к распластанному на песке и оглушенному ударом парню и чиркнул острием клинка, повторяя царапину Ивана.

Полигон затих.

— Пе... — голос распорядителя сел, и мужику пришлось прокашливаться, портя пафос момента. — Первая кровь!

И трибуны взорвались овациями.

В отличие от Ивана, я купаться в повышенном внимании не особенно хотел, а потому просто пошел в сторону помощников распорядителя, чтобы они сняли с меня эти сомнительные украшения. Отсутствия магии не ощущалось, но наручники нервировали.

— Как ты его! — восторженно воскликнул подошедший Иван. — Вот это силища!

Я лишь многозначительно ухмыльнулся. По правде говоря, мне еще ни разу в жизни не представлялось возможности бить людей хотя бы в половину силы. Да и сейчас я, прямо скажем, сильно сдержался, чтобы не зашибить или не покалечить Долгорукова. Так что на самом деле я слабо представлял себе все возможности своего нового тела. Но было стойкое ощущение, что у меня в арсенале не только бодрость молодого тела и духа, но и еще какая-то богатырская суперсилушка прибавилась.

— Где ты научился так сражаться? Меж тем допытывался Новиков.

— Да... — неопределенно протянул я. — Один парень научил.

— Парень? — с сомнением спросил Иван.

Вряд ли бы я смог рассказать бояричу, что продемонстрированные мной махи ногами

относятся к одному из смешанных типов контактного боя, разработанного специально для подразделений специального назначения. Пришлось сослаться на тяжелое детство.

— Да, один парень. Я же из имперского детдома. Там был, кхм, смешанный контингент.

— О... — растерянно произнес Новиков.

Это было довольно частое «О» в моей нынешней жизни. Почему-то собеседникам становилось ужасно неловко, когда всплывала тема приюта. Но боярич, к его чести, не стал делать сочувствующие глазки, а как настоящий мужик проигнорировал болезненное место и быстро свернул с этой темы.

— Так, ну я считаю, что нам надо отметить это шикарное представление, — кивнув на выход с полигона, произнес Иван.

Удивительное дело, но нас не забросали бельем фанатки и не кинулись жать руки фанаты. Народ уважительно расступался, не решаясь нас беспокоить. Возможно, причина была в том, что мы — представители разных, не пересекающихся сословий. И если неблагородная публика готова была качать меня на руках, а благородная — выражать восхищение моему товарищу на пафосных максималках, то вместе они все не понимали, как с нами коммуницировать.

— И как отмечают аристократы удачные дуэли? — живо заинтересовался я.

— Как и неудачные, — невозмутимо ответил боярич. — Кутят.

Не то чтобы мне хотелось набраться, но здоровое любопытство требовало выяснить, какие тут есть питейни и жиральни. На будущее.

— Ну, пойдём кутить, — согласился я.

Подъемных денег, выделенных детдомом, мне вполне бы хватило на месяц очень скромной жизни. Но плох тот студент, кто не пропивает стипендию в первый же день!

Прислуга на территории ИМУ не жила. Насколько я знал, это вроде бы как была дань древним традициям, когда магов-недоучек запирали под амбарный замок до конца обучения. Времена изменились, и никто ломать ноги за побег с территории уже не будет, а вот традиции остались.

Так что личного транспорта под боком у боярича не оказалось, и нам пришлось пройти пешком примерно в район станции метро Добрынинская. Удивительно, но метро здесь почти полностью совпадало с метро там. Но поскольку революции тут не случилось, названия у станций различались. Эта вот именовалась Серпуховской, по названию площади над ней. Триумфальные ворота, построенные в XVIII веке в честь очередной победы над турками, тут, кстати, сохранились. Стояла посреди переплетения дорог удивительно красивым памятником архитектуры, отреставрированным с такой любовью и усердием, что от оригинала не осталось и гвоздя, а бюджета было попилено немерено, пока не пришла мытарская, она же налоговая, проверка под ручку с прокуратурой.

Все это мне поведал Иван. Рассказывал парень не просто складно, а очень интересно, что я волей-неволей начал проникаться духом старой Москвы. Вот только возник один вопрос:

— Ты ж из Сибири, — удивился. — Откуда такие глубокие знания по архитектуре столицы?

Парень как будто смутился, но лицо удержал:

— Всю жизнь мечтал, надеялся и верил, что буду учиться в Москве. Влюблен в этот город с детства!

— Вот это целеустремленность! Заслуживает уважения, — покачал я головой.

В моем мире даже москвичи не слишком любили свой город, чего уж говорить о провинции. А здесь машина пропаганды работала как надо. Здесь не просто мечтали приехать в столицу и поднять бабла, здесь искренне любили сердце страны. И это, пожалуй, мне очень симпатизировало.

Тем не менее боярич повел меня не в пафосное место, соответствующую юноше его благородного происхождения, а в самый обычный бар. Ну как обычный — в моей реальности таким был каждый первый, а здесь пока судить сложно. Но судя по светящемуся от восторга лицу парня, он тоже не был сильно искушен в злых местах.

— Откуда ты узнал про это место? — спросил я, рассматривая вывеску «Стакан» с характерным граненым атрибутом на логотипе.

— Прочитал, — бесхитростно ответил Иван.

— И как, хвалят? — с сомнением спросил я, рассматриваю курящую у входа толпу мутных персонажей.

— Очень.

— Ну давай заглянем, — протянул я, жопой предчувствуя продолжение банкета.

По меркам моей прошлой жизни, бар был из очень недорогих, явно студенческий вариант. Отиралась тут в основном молодежь, так что атмосфера царила шевбутная.

Быстрый осмотр зала показал, что присесть негде и даже у барной стойки все забито. Иван немного растерялся, а я же выцепил из толпы взмыленного официанта.

— Места есть? — спросил я парня.

— Внизу, — ответил тот, немного испуганно косясь на меня.

— А «низ» где?

— Туда, — мотнул головой парень вглубь зала.

У дальней от входа стены действительно обнаружилась лестница. Только вела она не вверх, а вниз. Иван, святая простота, радостно поскакал в следующий зал. Мне же расположение жутко не нравилось, сказывался малоприятный опыт из прошлой жизни, но никакой логики в этих флешбэках не наблюдалось, так что пришлось спускаться следом.

Внизу народа было меньше, музыка была спокойнее и играла тише, а обслуга расторопнее. Из минусов — в помещении было душно. Кондиционеры гудели, но явно не справлялись с нагрузкой. Зато в дальнем углу висел дартс, к которому время от времени подходили посетители.

— На какой факультет ты поступил? — спросил Иван, когда нам принесли по бокалу пива.

Боярич заказал светлое крафтовое, я же решил ознакомиться с немецкой продукцией. Немцы в этом мире мало чем отличались от моего: все так же страдали желанием взять реванш за политические пинки от соседей и время от времени затевали бессмысленные войны.

— Юридический, — ответил я, хлебнув из бокала. — А ты?

Пиво было недурственное, мягкое и с приятной горчинкой.

— Экономика и управление, — скривился парень.

— Чем он плох? — поинтересовался я, хрустнув гренкой из ржаного хлеба, щедро натертой чесноком.

— Семейное дело требует определенных знаний, — пояснил боярич. — Так что это был выбор без выбора.

— А не заниматься семейным делом не вариант?

Иван жестко усмехнулся, мгновенно растеряв всю свою бесшабашность. От безмятежного молодого боярича, только попавшего в город мечты, не осталось и следа. Передо мной сидел истинный аристократ, в жилах которого текла кровь многих поколений благородных предков.

— Знаешь, у аристократов есть такая поговорка: не род для человека, а человек для рода.

— Подозреваю, наши сегодняшние соперники об этом не в курсе.

Боярич вздохнул:

— Увы, не все благородные семьи благородны. И это отдельная боль нашего сословия.

— Не могу сказать, что сочувствую, но понимаю, — кивнул я.

Парень отхлебнул еще пива, а когда бокал перестал закрывать его лицо, рядом со мной снова сидел озорной мальчишка. Интересно.

— Смотри, какая краля, — Иван кивнул на дартс.

Там действительно играла красотка. Девушка как раз дефилировала от мишени к линии броска. Она покачивала бедрами, эффектно взмахивала волосами, дышала так, что бюст в глубоком декольте майки призывно колыхался. Оттюнингованная крашенная блондинка, из тех, кто знает, сколько стоит, и сдерет с тебя всю цену до последней копейки.

— Уверен? — спросил я, без особого восторга рассматривая куколку.

— Так отдыхаем же! — бодро воскликнул боярич. — Может, она с подружкой? Как раз для тебя!

Я хотел сказать, что такие ходят не с подружками, а с проблемами, но Иван уже бодро шагал к блондинке. И за пружинистой походкой боярича наблюдало несколько ну очень многообещающих взглядов.

Ненавижу подвалы.

Я махом допил пиво и пошел присматривать за своим восторженным товарищем. Было ощущение, что у меня появился младший брат, которого впервые выпустили из-под домашней опеки, и ему срочно надо влезть во все приключения: пьянка, драка, бордель...

В общем, пока Иван завязывал ни к чему не обязывающий разговор с девицей, которая каким-то невероятным, поистине магическим движением сделала и без того нескромное декольте еще глубже и активно хлопала накладными ресницами, я подошел к мишени и собрал дротики. Большая часть из них валялась на полу, еще какое-то количество было воткнуто в пробковую доску вокруг мишени, и лишь один попал в цель, зато четко в центр. Смотрелся он сиротливо, но на определенные мысли наводил.

Пока я собирал дротики, девица начала громко, заливисто хохотать, привлекая не то что мое внимание, но вообще всего зала. А когда я шел к линии броска, услышал характерные, противные звуки отодвигаемых стульев. Их можно было различить даже сквозь фоновую музыку, которая, вот неожиданность, вдруг стала как-то громче.

Красотка меж тем уже кокетливо поглаживала плечо Ивана и активно облизывала губы. Я взвесил на руке первый дротик, смотря не на парочку, а на приближающуюся компанию из семи мужиков, отчаянно напоминавших конкретных пацанов с района из 90х. Технически, дротиков в моих руках хватило бы, чтобы взять по глазу у каждого, но, боюсь, тогда было бы сложно объяснить местной полиции, что это просто самооборона. Причем не меня, а моего товарища.

Персонал, заметив происходящее, благоразумно ретировался. Но не вверх по лестнице, а в помещение за барной стойкой. Из чего сам собой напрашивался вывод, что из зала есть еще один выход для служебных нужд. Которым, судя по всему, нам придется воспользоваться по итогам общения с уважаемыми людьми.

Я бросил первый дротик как раз когда мужики подошли к Ивану. Попал в десяточку, несмотря на то, что снаряд был уже изрядно пожеван временем и посетителями.

— Я смотрю, у кого-то слишком длинные руки, — с характерным говором южных регионов произнес самый крупный экземпляр местной фауны.

Господи, мир другой, а предьявы те же. Я кинул еще один дротик. Он воткнулся рядом с первым.

— Простите? — вежливо улыбнулся Иван, продолжая щупать хихикающую девицу за филей.

— Я говорю, что ты мою маленькую скромную сестренку скомпрометировал, — ухмыльнулся мужик. — Придется жениться. Или как там у вас, у благородных, принято, деньгами возмещать?

— Но позвольте, девушка же сама ко мне подошла... — продолжая вежливо, но уже натянуто улыбаться, проговорил Иван.

Девицу из рук он не выпускал, но вид имел не лихой и расслабленный, а напряженный.

— Хочешь сказать, шо моя сестра — шлюха?! — оскорбился в лучших чувствах мужик.

Я кинул еще один дротик, который воткнулся рядом с остальными. В принципе, от ответа боярича сейчас зависело, насколько насыщенно мы проведем остаток ночи. И парень, надо сказать, не подкачал.

— Ну как бы... да.

Мужики от такого ответа выпали. А я, признаться честно, не сдержался и заржал. Маги, конечно, против обычных людей — как танк против перочинного ножика, но, во-первых, они строго ограничены законом в применении дара в населенных пунктах и против мирных граждан, особенно если последние из неблагородных. А во-вторых, как говорится, простая табуретка по затылку эффективнее некоторых пафосных техник. Так что хорошо одетый мальчик, даже если он сверходаренный, должен был сейчас вежливо извиниться, сделать три раза «ку», отдать все с себя, и в труселях и с позором ретироваться, дабы не огрести от значительно превосходящей силы.

А тут такая наглость!

— Ты че, твое благородие, страх потерял? — процедил мужик, вплотную подходя к бояричу.

Девушка в этот момент уже благоразумно испарилась в направлении служебного выхода. Я метнул еще дротик. Красиво вставали, ровненько. Интересно, успею докидать, пока они перейдут от предварительных ласк к делу?

— Почему же потерял? Я его и не находил.

— Ах ты!..

Ну и тут, как говорится, понеслась.

Остатки посетителей рванули вверх по лестнице, а местная гопота накинута на боярича. Тот ловко и довольно успешно принялся от них отмахиваться, используя подручные средства, типа посуды на столах и элементов мебели. Я продолжал играть в дартс, оставаясь незамеченным участником беспредела, как будто попал им между глаз.

— Сам справишься или как? — вяло поинтересовался я, взвешивая в руке последний дротик.

— Было бы... крайне любезно... с твоей стороны! — порядком запыхавшись, крикнул Иван, отмахиваясь одновременно от двух мужиков.

Больше одновременно атаковать боярича просто не позволяло пространство.

Я кинул последний дротик, завершив выкладывать «смайлик» на мишени, и пошел выручать товарища.

Надо отдать гопоте должное, драться они умели. Я даже немного удивился, так хорошо у некоторых из них были поставлены удары. В целом все происходящее напоминало сюжет песни одной небезызвестной панк-группы. Только вина и рома нам никто не подносил, да и огнестрелов, на наше счастье, не было. Я даже начал напевать в процессе, выбивая плечевой сустав одному из противников. Мужик отрубился от болевого шока.

— Молишься? — брызгая слюной, рявкнул следующий пациент.

— Ага, — ответил я, от души вдарив ему в грудь. Противник опрокинулся на последний целый стол, и тот с грохотом под ним развалился. — За упокой.

Еще один почему-то решил, что лучший тактический ход — это напасть на меня со спины. Глаз на затылке, конечно, мне в этом мире не отсыпало, зато считать до семи я умел виртуозно. А еще имел в запасе уникальный опыт битья дебилов.

Пока мужик изображал нетопыря, я сделал шаг в сторону и немного подправил его траекторию, не слишком препятствуя полету. Веса атакующей туши хватило как раз, чтобы прыгун впечатался головой в стену и затих. Не насмерть, конечно, но сотрясение того, что у обычных людей считается мозгом, нетопырю было гарантировано.

Гопники кончились, и мы с Иваном переглянулись. Парень выглядел немного помятым и взъерошенным, но в глазах у боярича плескался чистый восторг. Зал был разнесен чуть

менее, чем полностью, и у меня нехорошо засосало под ложечкой от ценника, который нам сейчас выкатит хозяин.

Где-то сверху лестницы раздавался топот то ли подмоги, то ли полиции, то ли еще черт знает кого.

— Там вроде запасной выход, — сказал я, кивнув на дверцу за барной стойкой.

— Кто последний, тот и платит! — согласился Иван, и мы дали деру.

За барной стойкой в держашуюся на честном слове дверь, мимо душевой кухни с забившимся по углам персоналом, вверх по узкой лестнице, явно оставшейся еще со времен постройки дома несколько веков назад... холодный сентябрьский воздух ночной Москвы показался мне пьянящим.

Мы с Иваном пронеслись еще два квартала вдоль Садового кольца, прежде чем сбавить обороты. Дурь молодецкая начала выдыхаться где-то в районе Крымского моста. Внешне он мало чем походил на мост из моего мира, потому как здесь не случилось советской архитектуры. Это была помпезная, ажурная конструкция, если можно считать ажурным литые многотонные завитушки. По центру сохранились трамвайные пути, и в ночи я различил веселое треньканье городского транспорта.

— Как мы их! — весело воскликнул Иван, смотря на меня глазами, полными восторга. — Как ты их!

— Да, неплохо размялись, — хмыкнул я. — Теперь главное, чтобы нам не выкатили счет.

— А, — отмахнулся боярич, — ерунда. Никто не станет пытаться предъявлять претензии в адрес благородных, когда сам же их и спровоцировал.

Я не стал уточнять, что из нас двоих благородный только он, просто потому что камер в зале не было. Видимо, хозяин заведения имел с помятых нами братков свой гешефт, но теперь ему придется утереться. Время было позднее и по-хорошему стоило уже двигаться в сторону общежития.

Но тут Иван выпучил глаза от восторга и воскликнул:

— Ты посмотри! Посмотри!

И совершенно неаристократично ткнул пальцем в какой-то из невзрачных домов за моей спиной. На стене дома периодически подсвечивался неоновый рисунок в виде фонаря. Красного фонаря.

Что я там говорил про пацаненка, выпущенного из домашней опеки?

— Нам туда надо, — категорично завил боярич. — Бордели в пределах Садового кольца — лучшие во всей Европе!

— Откуда такая осведомленность? — скептически спросил я.

— Новости читаю, — не моргнув глазом, ответил пацан.

Новости он читает, ага. Но, в конце концов, дурь молодецкая тут не только у этого жизнерадостного мальчишки. Удивительное дело, но то ли восторг провинциального боярича был заразителен, то ли мое молодое тело требовало веселых приключений, но именно сегодня во втором часу ночи идея посетить проститутушную показалась мне максимально гениальной.

В общежитие мы в ту ночь так и не добрались. Точнее, добрались, но лишь чтобы привести себя в более-менее приличный вид и переодеться в форму. Несмотря на то, что Императорский Московский Университет был гражданским, все маги, как и медики, были

военнообязанные и призывались в период военных действий в первую очередь. А потому и форма студентов тоже была некоторым отражением военной: пиджак типа кителя со стоячим воротником, широкий пояс, отчаянно напоминавший португую, классические брюки, и все темно-синего цвета. Раньше студенты носили еще и портфели типа кейсов, но, на мое счастье, пару лет назад в моду вошли рюкзаки, которые в моем мире именовались «городскими».

На самом деле суть формы была в визуальном сглаживании различий между сословиями. Несмотря на довольно жесткое разделение аристократов и простых смертных в некоторых аспектах жизни типа транспорта, в учебных заведениях смешанного типа старались сделать вид, что сословного общества не существует. С одной стороны, конечно, это было логично — хороший маг без титула ценнее какого-нибудь придурковатого княжича. Хорошего мага можно соблазнить государственной, а то, чем черт не шутит, и военной службой, а за особо выдающиеся заслуги пожаловать какой-нибудь необременительный титул. И это в разы полезнее благородного сынули богатенького папаши. Но с другой стороны, если поставить меня рядом с Иваном, сразу становилось понятно, какой пиджак шился у хорошего портного, а какой на выселках цивилизации. И мне казалось, что социальное разделение при таком сравнении еще больше должно было бы бросаться в глаза.

— Надеюсь, здесь есть кофе, — бормотал полдороги до столовой Новиков.

Хороший кофе — это было бы, конечно, прекрасно, но меня лично интересовала яичница, желательна на сале. Предвкушая каждый свой завтрак, мы шагнули сквозь стеклянные двери в довольно внушительный зал.

Внешне он напоминал столовую в ресторанах «ол инклюзив». Линии раздач располагались по периметру, столы были укрыты белыми скатертями и в некоторых местах уже сдвинуты под большие компании, везде сновали студенты с подносами, и в целом в помещении витало ощущение суеты.

Но в общем хаосе броуновского движения при ближайшем рассмотрении можно было легко различить четкую стратификацию не только плебса на благородных, но и самих благородных. И это наталкивало на определенные мысли.

Мы с бояричем прошлись вдоль всей линии раздач, ни в чем себе не отказывая. Ну, я не отказывал себе в овсяной каше, щедро сдобренной фруктами, яичнице на сале с весьма симпатичными сосисками на гриле, бутербродах с бужениной и сладкой выпечкой. Иван же, как истинный аристократ, набрал всякой ерунды типа салатов, сыров и каких-то красивых, но совершенно бесполезных закусок, и теперь смотрел на меня с видом печальным, жуя свою траву.

— Что, невкусно тебе? — усмехнулся я, собирая хрустящей булочкой с тарелки яичный желток.

— Привычка — вторая натура, — вздохнул Иван.

Я хотел предложить ему сходить за приличной едой, но боковым зрением заметил, что к нам шел парень.

Он был старше нас, и в нем, как говорится, сразу видна была порода. Среднего роста, с широким разворотом плеч, темно-русыми, курчавыми волосами, карими глазами, внимательным взглядом и тяжелой челюстью он разительно контрастировал с большинством уточенных аристократов. Здесь сразу было понятно, что в роду у парня потоптались русские богатыри.

— Привет, бойцы! — широко улыбнулся парень. Блеснувший на пальце перстень, единственное разрешенное украшение по уставу университета, однозначно определял, что перед нами какой-то аристократ.

Расслабленно жуящий салат Иван мгновенно подобрался. Еще мгновение напротив меня сидел пацан, страдающий после бурной ночи, а теперь уже знающий себе цену аристократ. Серые глаза чуть прищурились насмешливо, хищно. Я мысленно хмыкнул, ожидая очередную пикировку, но неожиданный гость меня приятно удивил.

— Видел вчера вашу дуэль, весьма впечатлен.

Иван кинул на меня короткий взгляд, и я кивнул, разрешая говорить за обоих. Мне в политику лезть было без надобности, а пацану может быть какое-то полезное знакомство.

— Благодарим, — вежливо ответил боярич.

— Особенно меня поразила ваша дуэль с Долгоруковым, — резко обернувшись ко мне, произнес парень.

— Не то чтобы я планировал развлекать высшее общество, — медленно проговорил я.

— Какое развлечение, что вы, — улыбка собеседника стала немного напоминать оскал, — но ведь всегда приятно, когда твоего идейного противника утыкают носом в землю.

— Технически, он упал на спину, — усмехнулся я.

— Технически, вы его пощадил, — ответил парень, смотря на меня внимательным взглядом.

Я не стал отвечать в зале, полном ушей. Сословное общество — дело такое. Одно неверное слово, и придется потом на дуэли ходить вместо завтрака, обеда и ужина. А я тут надеялся поучиться. Поэтому лишь вежливо улыбнулся, не совсем понимая, к чему идет этот разговор.

Иван вежливо кашлянул, привлекая к себе внимание.

Наш собеседник моргнул, прекращая сканировать меня взглядом, и снова широко улыбнулся.

— Я, кажется, забыл представиться. Княжич Алексей Ермаков. Не хотите пересесть за наш стол? — парень указал в сторону того самого стола.

Князья Ермаковы здесь вели свой род от того самого Ермака и владели довольно приличной территорией в западной Сибири. Как и все сибиряки, они были родом богатым, сильным, продолжавшим военную династию по мужской линии не для галочки и красивых эполетов, а ради реального боевого опыта. А еще князья Ермаковы были родом крайне правым.

Одного взгляда на стол, за который нас звали, хватило, чтобы понять: там сидели дети из семей Императорской фракции. Политика для начинающих, так сказать.

И меня только что туда пригласили по праву силы.

Надо отдать Ивану должное, перед тем, как согласиться менять дислокацию, он снова кинул на меня вопросительный взгляд. Наверное, сирота без рода и племени должен был быть в восторге от открывающихся перспектив. Ну или, наоборот, их испугаться. Но вот проблема, я-то в первой своей жизни вырос не в сословном обществе, и меня все эти регалии не трогали. Да, в моем мире тоже были богатые люди, которым дозволялось больше чем остальным, но и их время от времени осаждали. Так что в ответ я равнодушно пожал плечами, и мы пересели.

За столом собралась весьма интересная компания. Помимо княжича Ермакова тут имелась еще и уже знакомая мне Нарышкина. Нарышкины имели боярский титул и занимались внутренней государственной безопасностью. Насколько я знал, должность эта хоть и не была наследуемая, но передавалась уже несколько поколений. Впрочем, учитывая общую стабильность в государстве, нельзя было сказать, что Нарышкины работали плохо.

— Приветтики, — улыбнулась рыжая бестия, стрельнув глазами в Ивана.

Девушка явно нарывалась на приключения интимного характера, что аристократкам было несвойственно. Как ни странно, но целомудрие благородных женщин продолжало быть основной валютой в торговле между родами. Поудачнее продать дочь замуж было таким же обыденным делом, как и обучить наследника семейному бизнесу.

Новиков кивнул девушке с достоинством, а княжич Ермаков принялся представлять остальных присутствующих, из чего я сделал вывод о его лидерском положении в группе.

— Боярич Алексей Лобачевский, — произнес Ермаков, указывая на щуплого парня в очках.

Лобачевский был типичным ботаником, только стильным и при деньгах. И при влиятельных друзьях. На фоне Ермакова он выглядел вообще невнятно, но за толстыми стеклами очков прятался живой ум. Его род был одним из первых, кто почувствовал выгоду в вычислительной технике и начал активно инвестировать в это направление. Результат не заставил себя долго ждать, и всегда нищие, но породистые умники и умницы рода Лобачевских теперь купались в деньгах и кушали с золота.

— Княжич Кирилл Нахимов, — продолжил Ермаков наше знакомство.

Нахимовы были не только старым родом морских военных, но еще и владельцами весьма впечатляющего количества верфей, спускающих на воду исключительно боевые корабли. Их ультрасовременные военные суда нервировали вообще всех соседей, с которыми Российская Империя имела границу по воде, и чуть меньше раздражали всех остальных государей, обладавших собственным флотом. Нахимовские корабли ходили и на воде, и под водой, и с некоторых пор даже по льду. Короче, род был действительно серьезный, и кивнувший мне представитель этой семьи выглядел весьма впечатляюще — очевидно, сказывалась семейная муштра с детства.

— Княжна Дарья Демидова, — Ермаков с нескрываемой нежностью посмотрел на девушку, что не оставляло сомнений о намерениях молодого человека.

Демидовы отличались весьма своенравным характером: сидели за Уралом на железе, не сильно любили Москву, почти не отсвечивали в политике, но тем не менее были одним из самых влиятельных родов в империи. А все потому, что Демидовы были как Нахимовы, только на суше — одни из главных оружейников страны: ковали танки, ракеты, самолеты,

уверенно ползли в сторону космических спутников. Третий род, профилирующийся на военной промышленности, род князей Калашниковых, занимался индивидуальными средствами защиты и нападения. Знаменитые «калаши» были и здесь, но помимо неубиваемых автоматов дом Калашников выпускал пистолеты, бронежилеты, оптику и прочие полезные игрушки личного состава.

И юная княжна была достойным олицетворением своего рода — русая коса в кулак толщиной, синие хитрющие глаза и легкая усмешка женщины, знающей, что за ней стоит невероятная сила.

— А это наш Тугарин Змей, — закончил перечисление княжич Ермаков, кивая на огромного, реально огромного парня татарской наружности. — В мире известный как княжич Алмаз Юсупов.

Юсуповы сидели на татарской нефти в прямом смысле этого слова, так что могли заткнуть за пояс тех же Лобачевских, по меркам местных аристократов являвшихся чуть ли не нуворишами, ведь титул они получили сравнительно недавно — всего-то пару веков назад. И за что? За какие-то там научные достижения.

— Друзья, к нам согласились присоединиться боярич Иван Новиков и его товариш Александр Мирный.

«Друзья» смотрели больше на меня, чем на боярича, но в их взгляде не было типичного интереса аристократа к плебсу. Скорее я видел... восхищение?

— Александр, мы в восхищении, — произнесла Демидова, — редко случается наблюдать столь увлекательные дуэли со столь фееричным завершением.

И девушка улыбнулась, но милой эту улыбку было назвать нельзя. Оскал хищной кошки, не меньше. Чувствуется, к Долгорукову тут у половины присутствующих были претензии.

— Последний раз Долгорукова по земле возюкал Тугарин, — мечтательно прикрыла глаза Нарышкина, — и это было прекрасно.

Татарин подмигнул рыжей боярышне и пробасил:

— Дениска у нас редко когда доводит свои пикировки до дуэли. Как правило, умудряется сгладить ситуацию словом или смазать чем посущественнее. Но и его при желании можно подловить.

Удивительное дело, даже мажоры не любят борзых мажоров. Или просто эти ребята адекватнее?

Вообще в этой Российской империи существовало четыре политических фракции. Проправительственная — императорская фракция, с частью представителей которых я сейчас сидел за одним столом. Здесь все было понятно, это в основном древние рода, связанные с военкой и тяжелой промышленностью.

Свободная фракция была либеральной, и у меня при упоминании об их творческой деятельности всегда зудело на подкорке. Было что-то в этих ребятах тревожное, нездоровое. У меня не было никакой информации, потому как цензура здесь работала не в пример лучше, чем в моем мире, и в Сеть мало что просачивалось. Но и того, что я находил случайно или намеренно, что проскальзывало в новостных заголовках, которые никак нельзя скрыть, хватало, чтобы понять — у этой либерды явно где-то спрятаны террористические ячейки. Но Нарышкины не зря ели свой хлеб, и никаких терактов за всю мою жизнь тут я не застал. А периодически горящие склады с чьим-то добром к делу не пришьешь с моим уровнем информированности.

Третьей фракцией обязательно должны были быть центристы и прочие

неопределившиеся аристократы. Их было немного, но они были и как правило уравнивали первые две фракции, если кого-то заносило. Эдакие неофициальные посредники между левыми и правыми.

И четвертая фракция состояла полностью из неблагородных, но очень богатых людей. Фракция промышленников включала в себя монополистов и просто удачных дельцов, которым в свое время по разным причинам не досталось приличного титула. А теперь вроде как отсутствие титула являлось обязательным для присутствия в этой фракции. Ведь промышленники радели за выгоду своих капиталов, а титулы зачастую создавали конфликт интересов.

— Волнуетесь перед распределением? — вдруг спросила Нарышкина, кокетливо хлопнув глазками Ивану.

— Распределение? — не понял я.

— Да, у всех первокурсников измеряют магический потенциал, — охотно пояснил Лобачевский, — и в соответствии с ним определяют наставников по магическим дисциплинам. Вот, например, я вошел в десятку лидеров в год своего поступления, а Алексей, — парень кивнул на Ермакова, — в тройку.

Княжич Ермаков сдержанно улыбнулся, принимая сказанное за комплимент, и мне осталось лишь кивнуть.

— Ясно, — ответил я.

Я мало интересовался магией, потому что мои карьерные амбиции лежали в другой плоскости. Но теперь, после того, как я чуть не проломил грудину Долгорукову, мне было действительно интересно узнать результаты собственного замера. Есть подозрение, что там что-то выше среднего.

Остаток завтрака прошел в беседе, больше напоминавшей выжимку из великосветского сплетника. Юные аристократы обсуждали события прошедшего лета: кто куда ездил, кто где кутил, кого застали за компрометирующими делишками. Время от времени всплывали разговоры про бизнес и торговлю, но здесь мне очень не хватало контекста. Удивительно, но Иван тоже не спешил вливаться в диалог и преимущественно молчал, составляя мне компанию.

Впрочем, долго нам проводить время в приятной компании не удалось: пора было отправляться на местное тестирование магических способностей.

Ребята пожелали нам удачи, и все разошлись по своим парам. Мы же с Новиковым отправились на полигон.

Был в моем мире анекдот про то, как одна звездно-полосатая страна купила у отражения моей нынешней родины чертежи подводной лодки, построили и получили паровоз, и так несколько раз. Звонят в Россию матушку и возмущаются: мол, наедало какое-то, должна быть подводная лодка, а на деле паровоз. А наши им в ответ, что инструкцию надо до конца читать, там мелкими буквами как раз написано «полученное изделие доработать напильником».

Вот с магическим резервом и магическим потенциалом была примерно та же история. У тебя мог быть бездонный потенциал, но без напильника стать имбой было невозможно.

В этом мире была стихийная магия. Всего имелось десять стихий и открывались они строго в определенной последовательности. Чем выше резерв и чем выше уровень обращения с собственным даром, тем больше стихий может открыть маг. Первая стихия открывалась после инициации, проводимой в магических учебных заведениях под строгим контролем

разного рода специалистов. Вроде как считалось, что раннее открытие магического дара может навредить рассудку мага, так что с детишками перестали экспериментировать пару веков назад, и теперь во всем мире восемнадцать лет — это не только совершеннолетие, водительские права, возможность посещать злачные места, а в некоторых странах еще и голосовать. Восемнадцать лет — это время, когда, наконец, можно начинать колдовать.

Собственно, я думал, что уже сегодня можно будет начать практиковаться в магии, но оказалось, что перед этим придется пройти распределяющую каску.

Ладно, не каску.

Магический резерв измеряла некоторая конструкция, чем-то напоминая старый аналоговый измеритель силы удара на курортах Краснодарского края, только с рулем от велосипеда вместо пенька для удара молотом. Первокурсник брался за две ручки, выполненные из янтаря, отполированного до блеска тысячами адептов, и дальше артефакт шаманил сам.

Мы толпились без особого порядка полукругом возле измерительного прибора и наблюдали за испытанием. Проводившие процедуру педагоги не пытались упорядочить студентов и просто вызывали нас по списку. Причем список этот был и не по алфавиту, и не по факультетам, и не по сословиям, а по какой-то другой, своей логике.

Шкала измеряющего артефакта, выполненная, между прочим, из какого-то белого камня, внешне похожего на малахит, имела сотню делений с цифровыми отсечками на каждом десятке. Прошедших процедуру замера магического резерва студентов били на группы. Причем первая группа включала в себя резервы до 50 единиц, вторая от 51 до 60, третья от 61 до 70 и так далее. У каждой группы стоял свой педагог, будущий тренер. Так вот, больше всего студентов, естественно, было в группе до 50, и с каждым новым десятком количество учеников уменьшалось. Тренер группы от 91 единицы стоял в гордом одиночестве, хотя больше половины студентов уже прошли процедуру измерения магического резерва.

Я успел подумать, что печально быть педагогом без студентов, когда свет артефакта пробил 90 и с некоторым трудом докатился до 92 единиц.

Присутствующие дружно ахнули, потому что за артефакт держалась девушка. Невысокая, но фигуристая, с длинными светлыми, почти белесыми волосами, доходящими до поясницы, она стояла, запрокинув голову, и смотрела на цифру артефакта с приоткрытым ртом. Нежные, славянские черты лица были аккуратно и без фанатизма подчеркнуты макияжем, отчего глаза зеленые девчонки казались цвета морской волны.

— Василиса Корсакова, результат 92, первый разряд! — не без удивления констатировал вызывающий педагог.

Девушка, еще не веря в произошедшее, замедленно отцепилась от артефакта и неуверенно зашагала к одинокому, суровому и мрачному тренеру. Тот жизнерадостности от появления ученицы не прибавил, видимо, был не большим фанатом тренировки юных дев.

— Хороша, — негромко констатировал стоящий рядом Иван, без особого интереса наблюдая за распределением следующих студентов.

— Ага, — согласился я. — Но тебе нельзя, ты ж боярич. А мне — можно.

«Ты ж боярич» хмыкнул:

— Некоторые простолюдинки проблемнее аристократок будут. Может, она внебрачная дочь какого промышленника? На ней же не написано.

— Несущественные мелочи, — отмахнулся я.

Иван хотел сказать еще что-то воодушевляющее, но тут его вызвали. Парень зашагал к артефакту горделивой походкой, как и положено настоящему аристократу. Коснулся янтаря, мгновение, другое и...

Световой столб докатился до отметки в 95 единиц, заставив присутствующих завистливо замолчать, а потом не менее завистливо зашущукаться. А Новиков с таким самоуверенным видом, будто его совсем не удивил результат тестирования, присоединился к Василисе.

А еще он успел на ходу скорчить мне рожу в продолжение нашей беседы, за что я вынужден был из-под локтя показать ему кулак. На наше счастье, все внимание было приковано к продолжавшей сиять цифре 95, а потому эту дружескую пантомиму никто просто не заметил.

Но Новиков ушел, и я остался ждать в одиночестве. Студенты медленно заканчивались, в один момент у меня даже закралась мысль, а не потеряла ли мои документы местная канцелярия. Но нет, меня все же вызвали, и вызвали самым последним.

Вчерашняя дуэль придала моей персоне некоторую медийность, а потому народ смотрел с живым любопытством. Я на их месте тоже бы сгорал от нетерпения узнать о перспективах парня, уложившего аристократа на лопатки одной левой. Точнее, одной пяткой.

— Александр Мирный! — произнес мужчина, и я спокойно, без суеты подошел к артефакту.

По команде положил ладони на янтарные дуги, а затем окружающий мир немного смазало. Казалось, мне под самую кожу ладоней проникают тысячи и тысячи солнечных янтарных лучей, сливаясь с кровью, двигаясь в ритме сердца. В груди разлилось невероятное чувство эйфории, полного восторга. И оттого казалось, что в моих руках сосредоточена такая огромная, необъятная сила, что я могу обращать горы в пыль и поворачивать реки вспять.

Но я моргнул, и все пропало. И чувство восторга, и эйфория, и ощущение невероятной силы. Остались лишь ладони на янтаре, и странная, звенящая тишина. Преподаватель, который вообще-то должен был объявить мой результат и разряд, тарачился на меня, как на ожившего сказочного персонажа.

Я поднял взгляд, чтобы самому узнать результат тестирования, и в принципе понял, почему у окружающих возникла такая странная реакция.

Световой столб артефакта пробил сотню и терялся где-то высоко в небесах.

Выглядело это все, конечно, очень красиво, но тишина и шокированное молчание затягивались.

— Ну так что, я пойду? — спросил я, повернувшись к распорядителю.

Тот захлопнул рот, набрал в грудь воздуха и объявил:

— Александр Мирный, результат... результат... — сдулся мужик, затрудняясь подобрать цифру. Но потом собрался и выкрутился: — Первый разряд!

Я кивнул мужчине и зашагал в сторону своего будущего тренера, который уже был не настолько суров и мрачен, как при первой ученице. Которая, кстати говоря, смотрела на меня с чисто женским любопытством. А вот Иван, наоборот, скалился во все тридцать два. Еще и хлопать начал, зараза. В удивленной тишине его одинокие хлопки были ну просто сущим издевательством.

Пока все присутствующие не подхватили аплодисменты, и не оказалось, что иду я под бурные овации.

Тренер стоял с каменной миной, и у меня закралось подозрение, что бояричу Новикову еще аукнется этот перформанс.

Наконец, после грозного рыка парочки педагогов все уgomонились, и нас развели по разным аудиториям. Разряды поменьше ушли в аудитории побольше, а мы вчетвером отправились в небольшой кабинет. Обычный такой, ничем не примечательный кабинет с обшарпанными партами и местами поломанными откидными лавками. В моей прошлой юности в таких кабинетах проходили семинары по какой-нибудь физике или высшей математике.

— Меня зовут Дмитрий Евгеньевич Разумовский, и с этого дня я ваша мама, папа и лучшая подружка.

В Дмитрие Евгеньевиче Разумовском легко и непринужденно угадывался ветеран активных боевых действий. Несмотря на то, что мужику явно было чуть за сорок, выглядел он сильно за пятьдесят. У таких, как правило, всегда за душой есть какая-то история, поломавшая бойца так сильно, что он не смог вернуться в строй. Преподавательская деятельность не самый плохой выход для таких людей. Чаще всего у этих ребят проблемы со стаканом.

— У нас есть с вами пять лет, чтобы реализовать ваш магический потенциал, — меж тем продолжил Разумовский.

Василиса приподняла брови, но задать вопрос постеснялась. А я вот нет:

— А почему только пять лет?

Тренер поднял на меня тяжелый взгляд и попытался меня этим взглядом придавить. Пожалуй, будь перед ним действительно юнец, это, может, и сработало бы, но я видел кое-что пострашнее ветерана с поломанной судьбой.

— Кто-нибудь знает ответ на этот вопрос? — спросил Разумовский у Ивана с Василисой.

Иван, если и знал, предпочел промолчать, а девушка и вовсе отрицательно помотала головой.

— Как правило, — медленно проговорил Разумовский, — резерв податлив к изменениям ограниченное количество времени после инициации. Считается, что время

реализации потенциала — пять лет.

— Но вы с этим не согласны, — заметил я.

— В моей практике резерв теряет эластичность через пару лет после инициации, — подтвердил Разумовский. — Но это... — мужчина криво усмехнулся, — не репрезентативная выборка.

Я кивнул, принимая ответ. Василиса нахмурилась, а Иван склонил голову набок и с задумчивым видом рассматривал тренера.

— Итак, завтра вас ждет инициация. Это малоприятная, болезненная и небыстрая процедура откроет вам дорогу к магии и нашим тренировкам. Вопросы? Вопросов нет. Свободны.

Когда дверь в кабинет за нашими спинами закрылась, Иван со свойственной ему непрошибаемой жизнерадостностью заявил:

— Так, ну, полагаю, это дело надо обмыть!

— Пожалуй, я воздержусь, — негромко произнесла Василиса, чуть сторонясь Ивана и случайно или намеренно приближаясь ко мне.

— Как же так? — возмутился Иван. — Мы такой ответ не принимаем! Да, Александр? Девушка кинула на меня умоляющий взгляд и, как бы мне ни хотелось узнать ее поближе, я произнес:

— Не хочет идти — пусть не идет. Уверен, у нас будет еще много хороших поводов провести время вместе.

Василиса благодарно улыбнулась и тут же как-то ловко исчезла, завернув то ли в ответвление коридора, то ли в какую-то аудиторию.

— Зря, — покачал головой Иван.

— Ты, боярич, привык к тому, что титул дает некоторые преференции при общении с женщинами. Но в реальной жизни иногда надо брать свое военной хитростью, — усмехнулся я.

— Титул дает только политические выгодные браки, друг мой, — вздохнул Иван так печально, что не оставалось сомнений — бедолаге уже выбрали супругу, и она ему не слишком нравится.

Но обсудить дела сердечные нам не дали — Иван замолк, смотря куда-то вперед. Боярич подобрался и как-то так нехорошо прищурился, что никакого веселого раздолбайства в нем не осталось ни на грамм.

Я проследил за его взглядом: к нам уверенной походкой шел молодой человек, явно и старше нас, и выше по социальной лестнице. Он был среднего роста и средней комплекции, с волосами невзрачного мышиного цвета, но внешность его на самом деле вообще не имела никакого значения. Походка, жесты, взгляд — все вместе говорило о невероятном, просто животном обаянии и нечеловеческом магнетизме приближающегося парня.

И судя по Новикову, которого едва не перекосило, нас ждала очередная дуэль. Так что я тоже на всякий случай подобрался — мало ли что от этих аристократов можно ожидать. Но удивительное дело, приближающийся парень скользнул по Ивану равнодушным взглядом и подошел ко мне.

— Александр Мирный? — уточнил парень, на пальце которого блеснул сословный перстень.

— С кем имею честь? — вопросом на вопрос ответил я.

— Княжич Максим Меншиков. Уделите мне минуту вашего времени для частного

разговора?

Даже не оборачиваясь на Новикова, я почувствовал, как того корежит от Меншикова, словно черта от ладана. Но разборки аристократов меня мало волновали, а вот нездоровое внимание к своей персоне у сынули главы Свободной фракции вызывало закономерные вопросы.

— Вы меня заинтриговали, — честно ответил я.

— Встретимся позднее, — сказал Иван, явно не испытывавший особого желания находиться в присутствии Меншикова.

Я кивнул Новикову, и мы с княжичем отправились на «приватную» беседу. Беседовать княжич предложил мне в одной из кофейен на территории университета. Примечательна эта кофейня была ценами и, соответственно, публикой. Только благородные, точнее, богатые благородные, могли позволить себе там вкушать кофий.

— Кофе за мой счет, — барским жестом заявил княжич, когда к нам подошла хорошенькая официантка.

— Благодарю, — чуть улыбнулся я, — но я могу себе позволить кофе. Кофе по-турецки, милая девушка.

Милая девушка, привыкшая ко всяким флиртам, к моим словам оказалась равнодушна, а вот Меншиков явно такого ответа не ожидал и потому немного подслулся, но быстро взял себя в руки.

Едва нам принесли кофе: мне черный, а княжичу — лавандовый раф на каком-то там молоке из сена, Меншиков заговорил:

— Думаю, стоит начать с того, что между нами возникло легкое недопонимание.

Я отхлебнул кофе, старательно прищербнув, сделал «ах-х-х», как учил отец в прошлой жизни, чтобы мы вдвоем могли доводить мать до белого каления, и заметил:

— Мы с вами знакомы четверть часа, а уже возникло недопонимание?

Княжич держал лицо профессионально, но еще парочка таких глотков, и глазик у парня точно задергается.

— Не между нами лично, но между нашим славным обществом и вами, — произнес Меншиков мягко, точно лиса подкрадывалась, — Долгоруков имеет характер вспыльчивый, но отходчивый, и уже раскаялся в своей несдержанности.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся я.

— Я понимаю, что волей случая у вас возникла некоторая связь... может быть, даже симпатия с бояричем э-э-э... Новиковым? Но это мимолетное знакомство вряд ли будет вам хоть сколько-то полезно.

— Считаете, я ищу пользу? — спросил я, добавив в голос металла.

— Нет, что вы. Уверен, вами движет лишь благородство и стремление поддержать товарища. Но... уж простите за прямоту, вы человек далекий от благородного сословия и вряд ли понимаете, что оно неоднородно. И Новиков, и, кхм, Ермаков с его друзьями вряд ли могут отвечать интересам и стремлениям человека вашего положения. А наше общество может дать вам гораздо больше, чем закорюченные имперцы.

— Вот как? — я изобразил живой интерес.

— Увы! Я понимаю, что мировоззрение чаще всего прививается с детства, и мне очень жаль, что столько светлых умов оказалось во власти стереотипов. Но с этим мы уже ничего не можем поделать. Другое дело — вы. Вас еще не успело коснуться их тлетворное влияние. Ваш взгляд свеж, вы прибыли из провинции и лучше многих понимаете ее боли и чаяния.

Я слушал мягкий, почти что мурлыкающий голос Меншикова, и думал, что у меня стойкое ощущение дежавю. Мир другой, социально-экономический строй другой, даже эпоха, можно сказать, другая, а либералы все те же. Идеи, идеалы, приемы — ну прям стандартный набор. И даже модненький кофе на неорганическом молоке — и тот я уже видел.

С трудом удержавшись от закатывания глаз, я задал самый животрепещущий вопрос этой беседы:

— А с чего вы, собственно, взяли, что знаете, какие у меня интересы и стремления?

— Я кое-что понимаю в людях в силу воспитания, — снисходительно заметил Меншиков, — так что это было не сложно.

— Ну просветите меня.

— Вы — сирота, и детство ваше вряд ли можно назвать счастливым. Нахлебавшись в приюте, вы вытянули счастливый студенческий билет и приехали из глубинки в столицу с острым желанием покорить ее. Создать свое дело, заработать побольше денег, увереннее встать на ноги. Ваш факультет — юридический, значит, в будущем вы видите себя адвокатом. И поверьте, нигде вы не найдете лучшей практики и более хлебных заказов, чем те, что может предоставить вам Свободная фракция.

— М, — ответил я, глотнув кофе.

— Я прав? — спросил Меншиков, даже не пытаясь скрыть триумф от своего «чтения» моей скромной персоны.

— Ну, в целом, конечно, правы, — не стал я разочаровывать парня. — Но есть расхождение в небольших деталях. А дьявол, как мы знаем, кроется именно там.

— Что же это за детали? — снисходительно улыбнулся княжич, позволяя мне уточнить его блестящую гипотезу.

— Я действительно сирота и рос в приюте. Но в имперском приюте не так уж и скверно живется. Его Величество весьма жестко контролирует обеспечение детских домов. Большое заблуждение, что дети там питаются картофельными очистками, а железные игрушки прибиты к потолку. Конечно, нам не хватало отеческой любви, но и в полных семьях не все могут похвастаться этим. Например, вы.

Глаза парня вспыхнули, подтверждая точность моего попадания, но Меншиков — не Долгоруков, он себя вести умел.

— Я действительно вытянул счастливый студенческий билет, но не собираюсь оставаться в столице. Мне абсолютно безразличен блеск местных витрин и звуки ночного города. Я рассчитываю вернуться к себе в, как вы сказали, глубинку.

Меншиков удивленно поднял брови. Понимаю, парень, тебе кажется, что предел мечтаний всех и каждого обосноваться в столице, и в твоей надушенной голове не укладывается, что кто-то может хотеть уехать из нее.

— Ну и третье, пожалуй, самое важное незначительное расхождение. Да, я поступил на юридический факультет. Вот только я не собираюсь быть адвокатом. Я планирую быть прокурором.

Тут у княжича вообще, кажется, случился культурный шок. Парень с первым разрядом хочет уехать из Москвы в Усть-Ужопинск и пойти работать в систему, чтобы встать на сторону обвинения в судопроизводстве. В системе ценностей Меншикова сегодня случился конкретный такой разрыв шаблона.

— Так что видите, Роман, какая штука, — произнес я, доставая портмоне. — Вы вроде

бы правы. Но не во всем. Информация, конечно, зависит от того, как ее преподнести. Но в нашем случае детали оказались слишком существенны.

Я положил на стол деньги за себя с чаевыми сверху, встал и ушел, не дожидаясь ответа от Меншикова. Впрочем, вряд ли бы он мог что-то мне сказать — парень пытался примириться с новой картиной мира.

А спустя четверть часа я встретился с Иваном у входа в огромную аудиторию, по габаритам напоминавшую кинотеатр, где первокурсники нескольких факультетов, и мы с бояричем в том числе, должны были заслушать вводную лекцию по теории магии.

— И чего хотел Меншиков? — без предисловий и реверансов спросил Новиков с видом самым серьезным и сосредоточенным.

— Жениться, — усмехнулся я.

Иван удивленно моргнул, прежде чем до него дошел иносказательный смысл моих слов.

— А ты?

— Отказал, — пожал плечами в ответ. — Я ж не по этому делу.

Кажется, боярич облегченно выдохнул на мои слова. Но это не точно, потому как двери в аудиторию распахнулись, впуская студизусов, и человеческий поток внес нас внутрь.

Конечно, каждый вправе выбирать религию и политику по себе. Да и Меншиков так-то правильно сказал, аристократы практически наследуют места во фракциях вместе с титулами и деньгами. И перекрестить левого в правого или правого в левого практически невозможно — они ведь впитали эти идеи с молоком матери. Но я живу вторую жизнь и не собираюсь отказываться от принципов, что принял для себя еще в том мире.

Я выбираю защищать свою страну, а не разрушать ее.

Как и всякое замкнутое пространство, в котором вынуждены находиться представители разных сословий, студенты в лекционной аудитории предмета «Общая теория магии» мгновенно стратифицировались. Точнее, разбились на группы по интересам.

Первые ряды заняли представители неблагородного сословия, сохраняя традиции моего мира. Ближе всего к преподавателю старались разместиться те, у кого образование было единственным шансом на социальный лифт. И чем выше и дальше от кафедры с доской были ряды парт, тем выше был социально-экономический достаток и сословие студентов.

Если на первой парте наверняка размещались дети каких-нибудь не слишком успешных сельских жителей или разнорабочих, то на галерке были все сливки общества. Просто хрестоматийная иллюстрация фразы «преимущество у тех, кто сверху».

По идее, согласно этой негласной иерархии, мне стоило занять первую парту или даже лучше сесть перед ней на пол. Но я предпочитал сидеть в центре аудитории, а потому уверенно двинулся туда. Иван так же уверенно шагал за мной.

Усевшись, я окинул взглядом аудиторию.

— Она сидит справа впереди, — подсказал Иван.

На первом ряду правого сектора действительно сидела Василиса, оживленно обсуждая что-то с темноволосой девушкой. Словно почувствовав, что я смотрю на нее, Василиса подняла глаза и, встретившись со мной взглядом, очаровательно вспыхнула.

— Ты бы мог присмотреть себе кого-нибудь среди боярышень, — заметил Новиков. — С твоим разрядом, я больше чем уверен, со временем ты получишь титул.

— Возможно, — не стал отрицать я, продолжая смущать девушку взглядом. — но в чем смысл такого брака? Богатая жена со связями рода вряд ли сделает меня счастливым. А с хорошей женщиной и вверх карабкаться как-то веселее и задорнее. Лестница наверх приобретает смысл.

— Глубоко мыслишь, — усмехнулся боярич.

— Тебя это удивляет? — я перевел взгляд на парня.

— Пожалуй, — медленно кивнул тот. — Мало бы кто из наших сверстников на твоём месте отказался от легкого пути и радужных перспектив.

Мало у кого из наших сверстников за плечами брак, дети, перестройка, девяностые и пекло целой жизни.

— Ну, может быть, я просто наивный романтик? — хмыкнул я.

Новиков в это не поверил ни на секунду, но в аудиторию уже зашел лектор, и студенты притихли.

Это был мужчина неопределенного возраста за пятьдесят. Высокий, с весьма солидным брюшком, характеризующим скорее уровень материального благополучия, чем возраст, с короткой стрижкой, скрывающей залысины на абсолютно седой голове, и недельной щетиной, ухоженной местными брадобреями по последней моде. Он окинул аудиторию не особенно радостным взглядом и произнес:

— Меня зовут Андрей Нестеров, и я попытаюсь вложить в ваши головы понимание магической материи.

Голос у мужика был приятный, речь хорошо поставлена, но лекция вводная, и говорил он, в принципе, общеизвестные истины.

Магия в этом мире существовала за счет мозговой активности. Я бы отнес это к определенному виду мутаций, когда в мозгу зарождались не только электрические импульсы для нервной системы, но и некоторое излучение, способное формировать магию. Инициация была направлена на то, чтобы принудительно создать нейронные связи для работы с магией. Эдакая обратная лоботомия.

Так что технически магию даже можно было отнести к интеллектуальной деятельности, если бы не фактическое ее применение. А применения у магии было всего два — силовое и артефакторика. Первым регулярно пользовались только войска или выясняющие отношения аристократы, а второе относилось к жесткой монополии государства, так что существовало где-то за пределами обывательской реальности. На артефакторов даже не учили в открытых учебных заведениях. В местной классификации секретности это было где-то в районе ключей от ядерного чемоданчика.

По сути, эффективность у пожарного расчета и высококвалифицированного мага огня одинаковая, только первое дешевле в содержании, обучении и восполнении состава. Напасть профессиональных магов огня в необходимом количестве было физически невозможно, особенно с учетом 9 часовых поясов Российской Империи.

На сегодняшний день магия была изучена на довольно высоком уровне, что лично меня несказанно радовало. Хуже было бы, если бы я попал в какое-нибудь средневековье, где и понятия о науке-то еще не существовало.

Итак, первой стихией открывалась Вода. И открывалась по той простой причине, что человеческое тело на 60 % состоит из воды. Следующей стихией был Воздух, поскольку кислород все-таки даже здесь основа жизнедеятельности. Дальше шли Земля, Дерево и Огонь, тем самым образуя классическую во всех мирах пентаграмму стихий. И, как правило, большинство магов этим-то и ограничивалось.

Но после стандартного набора, естественно, начиналось интересное и, самое главное, практически недоступное простым смертным.

Шестой стихией было Электричество, и если раньше оно включало в себя только метание шаровых молний и попытки оппонентов придумать способы защиты в качестве заземления, то с расширением использования электричества в повседневной жизни этот дар начинал приобретать популярность.

После Электричества открывался Металл, применение которого тоже весьма сильно изменилось с веками, оставаясь, тем не менее, одним из наиболее желанных и недоступных стихий.

Дальше можно было покорить Свет и Тьму со всеми вытекающими из этого способностями по оптике, а вишенкой на этой стихийной конструкции лежал Эфир, отвечающий за природу самой магии, которой тут пользовались.

То есть, по сути, магия была эдаким подразделом физики. Ну, могла бы быть, при иных обстоятельствах. Собственно, Тесла здесь — это графский род, стабильно работающий со стихией электричества. И чтобы в его графстве из кранов сыпались электрические искры, не надо палить генераторы, достаточно выпустить юное поколение магов порезвиться.

Заканчивал свою лекцию господин Нестеров статистикой о частоте максимально открытых стихий. Если первые пять были широко распространены, шестая и седьмая — считалась высшим пилотажем, а восьмая и девятая — настолько редкими, что их обладателей, наших современников, можно было пересчитать по пальцам рук, то последняя, десятая стихия была легендарной.

Легендарной! То есть, по сути своей, теоретической!

— Вопросы? — произнес Нестеров, окинув взглядом сонно дремавшую аудиторию.

Надо было бы, конечно, промолчать, но человек технического прогресса во мне так и рвался напороться на дискуссию.

— Да? — кивнул мне лектор, не скрывая своего удивления.

Наверняка я один из немногих за всю его карьеру, кто на вводной лекции умудрился придумать вопрос.

— А как определили существования Эфира?

— Простите? — с максимально вежливой миной произнес Нестеров.

— Вы сказали, что Эфир — легендарная стихия, — принялся я развивать свою мысль, стараясь казаться максимально уважительным. — То есть ее существование не запротоколировано компетентными документами. Ее вывели теоретически? Или опирались на какие-то исторические факты?

Не то чтобы мне это было принципиально. Все-таки я не особенно планировал убиваться на магических тренировках, меня больше интересовала юриспруденция, чем колдовство. Но удержаться было просто невозможно.

Лектор совершенно по-простецки потер щетину на подбородке, размышляя над моими словами.

— Вопрос по существу, — медленно проговорил Нестеров, пройдясь по кафедре вдоль грифельной доски, по которой за время лекции ни разу не черкнул ни полсловечка. — Зовут вас? — спросил лектор, остановившись четко по центру напротив меня.

— Александр Мирный.

Лектор понимающе хмыкнул, но к его чести комментировать свое хмыканье не стал. Аудитория сохраняла молчание, но чувствовалось, что это уже не дрема, а любопытная тишина.

— Что ж, Александр. Ответ на ваш вопрос хоть и лежит на поверхности, но требует некоторых базовых знаний. Кхм... — мужчина снова потер щетину на подбородке. — Вы правы, никаких твердых носителей, если можно так сказать, подтверждающих существования стихии Эфира до нас не дошло. Однако существует определенная легенда... точнее, в настоящем времени мы можем вывести из всех существующих и ранее существовавших религий некоторый обобщенный миф о десятой стихии, называемой Эфиром. Но мы с вами находимся на предмете «Общая теория магии», а не «Легенды и мифы древних цивилизаций», поэтому я могу предложить вам кое-что посущественнее бабушкиных сказок.

С этими словами мужчина вывел на доске систему уравнений. У меня глаза на лоб полезли — уравнения были мне отдаленно знакомы еще из первого, инженерного образования прошлой жизни.

— Так принято обрисовывать систему магии, описывая ее математическим языком. Вы более подробно с ней ознакомитесь в течение всего периода обучения, однако уже сейчас даже самые скучающие из вас могут заметить, что уравнения системы описывают десять переменных. Эта система была выведена не теоретически, она была сформулирована на основе практических опытов каждой стихии. Но при формулировании системы для равновесия ей не хватало еще одного элемента. Имея в анамнезе легенды о стихии Эфира, считается, что он и есть последняя стихия.

Ага, для устойчивости этой табуретке не хватало еще одной ножки и ее придумали.

Интересная теория. Но ответ меня вполне удовлетворил, а потому я благодарно кивнул лектору, получив очень внимательный взгляд в ответ.

— На этом все, — произнес Нестеров, обращаясь к аудитории. — Встретимся через неделю.

Аудитория довольно бодро подскочила на ноги и принялась активно собираться. Я же буквально кожей ощущал чужие взгляды. И любопытных в них было примерное столько же, сколько завистливых.

— Смотрю, нацелился раскрыть свой потенциал по максимуму? — полушутливым тоном спросил Иван.

Глаза парня при этом оставались серьезными, как будто он определял степень моей адекватности.

— Боже упаси, — отмахнулся я. — Чисто академический интерес.

— А я бы на твоём месте почитал чего по теме, — не унимался Иван. — Представь, стать первооткрывателем стихии Эфира!

Ага, и мгновенно попасть под колпак. Нет уж, спасибо. Я рассчитываю на тихую, мирную жизнь. Хотя бы в этот раз мои дети вырастут при мне, а не во время очередной моей затянувшейся боевой командировки.

— Я, Иван, человек простой, практически от сохи, — ухмыльнулся я в ответ. — А этими вашими абстрактными перспективами семью не накормишь.

Новиков хмыкнул:

— Ну-ну.

Переубеждать боярича я посчитал занятием излишне трудозатратным, а потому просто свернул эту беседу.

— Какая у тебя сейчас пара? — спросил я.

— Что-то там про управление человеческими ресурсами, — с кислой миной ответил Новиков.

— Полезный навык, — кивнул я.

Боярич, как и положено аристократу, учился на одном из привилегированных факультетов Императорского Московского Университета — на факультете управления. В моём мире он назывался менеджментом и был как будто бы создан для деток богатых родителей. Собственно, тут это тоже было эдакое элитное гетто.

— А у тебя? — спросил парень.

Я извлек из бокового кармана рюкзака сложенный вчетверо лист с расписанием и ответил:

— Теория государства и права.

— Тоже так себе, — ухмыльнулся Новиков.

И разошлись на центральной лестнице корпуса, боярич вниз, а я — вверх.

На эту лекцию я шел не торопясь, с любопытством рассматривая интерьер корпуса. Это было действительно интересно и, честно признаться, производило определенное впечатление. Все лестницы в здании были мраморные. Причем в камне сохранились кольца для удержания ковровых дорожек. Легко можно было представить, как пару веков назад здесь все застилали красными ковровыми дорожками, но практичность взяла верх — на всех беспокойных студентов не напасешься химчисток.

Стены же, наоборот, были выкрашены приятной краской цвета ничего. Ну то есть был у нее какой-то теплый, светлый оттенок, ближе к бежевому, но на деле вряд ли кто-нибудь,

кроме профессиональных дизайнеров, смог бы определить эту колористику. И судя по тому, что на стенах не было ни потертостей, ни пятен, ни даже миленьких, присущих любому учебному заведению, записюлек, краска была ультра-антивандальная.

Беленый потолок был бы скучным, если бы не историческая лепнина. А в некоторых местах перед особенно большими и стратегически важными аудиториями, задрав голову, можно было с удивлением обнаружить иллюстрацию какого-нибудь исторического или эпохального события, связанного с жизнью кафедры, ведающей этим куском этажа.

Отдельного восхищения, конечно, заслуживали лестничные пролеты, окна в которых были украшены витражами. И это была не скучная геометрия калейдоскопа, а весьма тонкая работа, иллюстрирующая отечественных ученых прошлых веков.

Но больше всего на самом деле меня поразил пол.

Когда-то в прошлой жизни я со средней дочкой зачем-то ездил в МГУ. Жена уверенной походкой куда-то вела нас по главному зданию, разрезая толпу то ли студентов, то ли абитуриентов. И из этой поездки я запомнил только одно — прыгающие доски паркета под ногами. Поразило меня это тогда до глубины души, ведь, казалось бы, главный ВУЗ страны и такое!

Но тут, тут на полу был какой-то действительно уникальный шедевр, бережно сохраненный для потомков ответственными владельцами здания.

В общем, я шел по этажам и получал реально эстетическое удовольствие от учебы в таком ухоженном месте, местами напоминающем музей, который можно пощупать руками и потоптать ногами.

Лекционная аудитория, где весь ближайший семестр мне предстояло слушать «Теорию государства и права», как и аудитория по теории магии представляла собой амфитеатр. Только вместить могла не несколько факультетов, а всего один — профильный, юридический.

Читал лекции нам декан юридического факультета, мужчина лет сорока. Сутулый и со смешной прыгающей походкой, напоминающей трехмерную синусоиду. С первого взгляда на мужчину было понятно — неформал. Если это применимо к педагогическому социуму, конечно.

Он был одет в джинсы, мятый пиджак и, мать его, тexasский галстук. У меня чуть челюсть не выпала, когда я увидел этот шнурок на шее у уважаемого человека, читающего лекции будущим блюстителем закона и порядка в Российской Империи. Был бы тут Новиков, попросил бы его подтвердить, что меня глаза не обманывают. Но дергать за рукав сидящую рядом милую девушку, кидающую на меня томные взгляды, я посчитал неуместным. В конце концов, она так очаровательно и профессионально вздыхала, демонстрируя гораздо больше, чем могла позволить одна расстегнутая верхняя пуговица, что я не мог отвлекать ее от процесса. Когда профессионалы работают, зрителям нужно оставаться в зрительном зале!

— Добрый день! — меж тем поздоровался декан. — Чуть запоздало, но поздравляю вас с поступлением в Имераторский Московский Университет. И я рад видеть столько юных талантов на своем факультете. Юриспруденция — одна из самых важных профессий в современном мире! — пафосно заявил мужчина, подняв кверху указательный палец. А затем громким, театральным шепотом добавил: — Хотя некоторые технари, конечно, с нами бы не согласились.

Аудитория захихикала. А я, наоборот, почувствовал, что что-то с этим мужиком не то.

Когда тебе за сорок, ты декан факультета, а с аудиторией собственных первокурсников ты заигрываешь, как малолетка на дискотеке — с тобой явно что-то не то. Впрочем, возможно, это особенность факультета?

Однако более детально проникнуться атмосферой факультета юриспруденции мне не удалось — одна из входных дверей распахнулась, и в аудиторию просочился безликий человек в серой форме административного персонала университета. Он что-то негромко сказал декану, мужчина в ответ нахмурился, переспросил, недовольно пожевал губами, но потом все же согласно кивнул и обернулся к студентам.

— Александр Мирный, вас вызывают в ректорат.

Аудитория синхронно обернулась на меня, а у меня впервые в жизни не было ни одной идеи, по какому поводу меня хочет видеть высокое начальство. Наверх, как правило, вызывают за очень серьезные проступки, а я еще ничего не успел натворить достойного ректорского кабинета.

Самое страшное, что я успел нарушить за сутки после получения студенческого билета, это самовольное заселение в корпус для благородных. Но судя по безразличному виду коменданта, на которого мы напоролась утром, того бы заинтересовали собственные подопечные только в случае, если бы посреди жилого этажа развели пионерский костер.

Так что пришлось подняться на ноги и в гробовой тишине с видом независимым и гордым спускаться вниз из центра аудитории. Полые ступени амфитеатра глухо грохали под каблуками моих туфель, придавая происходящему трагичного пафоса.

Ректорат располагался под самой крышей отдельно стоящего административного здания. Здесь было, пожалуй, красиво. Максимально красиво и максимально пафосно. Стекланный купол потолка, пропускавший скупой осенний свет, делал огромный кабинет одновременно похожим и на иллюстрацию эльфийского зала из широко известного фильма, и на аквариум. Или террариум, тут как посмотреть.

Вообще, рассматривая ректорский кабинет, уставленный мебелью из дорогих пород дерева, увешанный картинами в тяжелых рамах, с наборным паркетом, рисунок на котором ни разу не повторялся в видимом моему глазу пространстве, можно было не сомневаться, что владелец помещения знает, откуда в учебном процессе появляются денежки.

Сам владелец, кстати, обнаружился сидящим за огромным столом и довольно нервно тушащим сигарету в малахитовую пепельницу. Ректором Императорского Московского Университета был Борис Леонидович Шмелев — чернявый мужчина средних лет с безвольным подбородком, глубоко посаженными глазами и слегка приподнятыми бровями, что придавало ему вид вечно немного удивленный.

Впрочем, возможно, он и правда был немного удивлен, поскольку в своем шикарном кабинете был не один. В одном из гостевых кресел сидел мужчина, и я по коротко стриженному затылку мог определить профессиональную принадлежность гостя.

— Вызывали? — спросил я, заходя в кабинет.

— Александр Мирный, — улыбнулся ректор мне той улыбкой, когда ты еще не определился — нравится тебе человек или не очень. — Присаживайтесь.

Шмелев сделал приглашающий жест, указывая на второе гостевое кресло.

— Представьте себе, как бывает, юноша, — проговорил ректор, — вы еще и дня не успели отучиться, а уже привлекли к себе массу внимания.

— Не могу сказать, что это было запланировано. Чистая импровизация, — вежливо улыбнулся я.

— Мы с Игорем Вячеславовичем так и подумали, — отозвался Шмелев, как-то немного нервно покосившись на сидящего рядом со мной мужчину.

Несмотря на то, что второй гость был в штатском, погоны прямо-таки проступали на плечах его байкерской куртки. На глаз бы я дал ему капитана, хотя тут могли быть варианты.

— Игорь Вячеславович Лютый очень заинтересовался результатами твоего тестирования, — меж тем начал прояснять ситуацию ректор. — Результаты, должен

согласиться, впечатляющие.

Я вежливо кивнул, принимая похвалу. Впрочем, с тем же успехом меня можно было хвалить за рост или форму ушей — повлиять на эти параметры не было никакой возможности.

— Борис Леонидович, — пробасил Лютый, подарив ректору тяжелый взгляд, — я бы хотел пообщаться с Александром наедине.

— Да, конечно. Вы можете воспользоваться переговорной...

— Вашего кабинета будет вполне достаточно, — с уверенностью асфальтоукладчика произнес Лютый, заставив ректора подавиться фразой.

Впрочем, то ли погоны у байкера были повыше капитанских, то ли в целом вес побольше, но ректор великодушно разрешил гонять свою секретаршу за чаем и откланялся на обед.

— Суетливый тип, — констатировал Лютый, проследив, как за ректором закрылась дверь. — Как думаешь, боится меня?

— Наверняка, — согласился я.

— А как думаешь, почему? — спросил мужчина, кинув на меня внимательный взгляд.

Я молча постучал двумя пальцами по плечу, заставив Лютого хмыкнуть:

— А ты молодец, соображаешь. Видишь, какие неоспоримые бонусы дает наша работа?

Несмотря на шутливый тон, взгляд у мужчины оставался цепким, тяжелым. Да и сам он напоминал матерого волка и никак не вписывался в интерьер помещения.

— Вижу, — послушно согласился я, чуть не ляпнув «знаю».

— Я представляю одно из подразделений особого назначения. Мы вообще-то редко когда предлагаем вступить к нам в ряды мальцам, но твой случай особый. Большие перспективы дает твой магический потенциал, если его реализовать. А в этом деле, как ты понимаешь, нельзя поставить кандидата на паузу. Плохой тренер может все просрать.

— Разумовский — плохой тренер? — уточнил я.

Щека у Лютого едва заметно дернулась при упоминании этой фамилии, но мужчина ответил почти без промедления.

— Дима, наверное, лучшее, что ты мог бы получить на гражданке. Но это нельзя сравнить с профильными тренерами у нас. У нас ты гарантированно реализуешь свой потенциал в лучшем виде. Я посмотрел твое досье и, будем откровенны, без хорошей протекции ты вряд ли пробьешься. А протекции у человека без рода в нашем мире неоткуда взяться, сам понимаешь.

— Я это понимаю, — спокойно ответил я. — Но также справедливо и другое, что, если честно, перевешивает.

— Интересно, — Лютый прищурился.

— Может случиться так, что мои дети будут расти без отца. И это не тот бесценный опыт, который я хотел бы им передать.

Мужчина усмехнулся:

— Мало кто в восемнадцать лет мысли такими категориями.

— У меня богатый опыт, — отзеркалил я его усмешку.

Лютый моим ответом был недоволен. Пожалуй, он вообще всем разговором не был доволен, и я его прекрасно понимал. Если бы я нашел талантливую парнишку и нацелился записать к себе в бойцы, то никак бы не ожидал, что того не заинтересуют все радужные перспективы, что я готов долго и вкусно описывать развесившему уши юнцу.

— Ты же понимаешь, что рано или поздно ты все равно придешь в систему? И лучше, если ты придешь в нее раньше, чем позже?

— Лучше ни раньше, ни позже. Лучше — вовремя, — спокойно ответил я, выдержав тяжелый взгляд силовика.

Мужчина недовольно цокнул, но давить не стал. В такие подразделения против воли не тащат, там все должно быть по большой любви, ведь от этого зачастую зависят не только жизни личного состава, но и мирняка.

— Мы не прощаемся, Мирный, — напоследок сказал мне байкер в погонах.

— Не прощаемся, — согласился я, покидая ректорский кабинет.

Из административного здания я вышел в весьма смешанных чувствах. С одной стороны, это был шанс пойти по накатанному пути, уже понятному и известному с довольно предсказуемым результатом. С другой стороны, у меня появился второй шанс прожить жизнь, и хотелось бы поменьше использовать в ней все те жестокие навыки, что я приобрел раньше.

По крайней мере до тех пор, пока обстоятельства меня не вынудят.

Впрочем, придаться рефлексии мне не дали. Из кустов на дорогу передо мной выскочил Долгоруков-младший. Ну, не совсем из кустов, конечно, технически там был закуток с лавочкой, но это не отнимало того милого факта, что княжич меня ждал.

— Надеюсь, тебя отчислили, — заявил Долгоруков без какого-либо вступления.

— Фу, княжич, что за манеры, — театрально поморщился я. — Вас в ваших гимназиях не учили, что сначала следует поговорить о природе и погоде, прежде чем переходить к сути вопроса?

Долгорукова перекосило. Пребольно же я вдарил по его самомнению, что парнишка превратился в моего преданного фаната всего за один день знакомства и теперь караулит на улице.

— Я смотрю, тебе хватило дури поселиться в нашем корпусе? Это ты зря, — процедил Долгоруков. — Многие аристократы, знаешь ли, брезгуют жить под одной крышей с простолюдином.

— Искренне им соболезную, — оскалился в ответ.

Долгоруков качнулся вперед, желая шагнуть ко мне, но в последний момент все же передумал. «Бойтся», — не без удовольствия отметил я.

— Ты или сам переедешь, или тебя перевезут, — высокомерно заявил княжич.

— Это ты что, угрожаешь мне, что ли? — изумился я. — Ты? Тот, кто не знает, с какого конца братья за клинок?

У парня было такое лицо, я даже подумал, что он на меня кинется прямо здесь с кулаками. Но Долгоруков лишь побледнел от бешенства и сверкнул безумным взглядом:

— Ты пожалеешь о том дне, когда решил сюда сунуться, — прошипел княжич и, развернувшись на каблуках, зашагал куда-то, гордо вскинув голову.

— Это вряд ли, — усмехнулся я вслед парню.

Ситуация была классическая, и оттого смешная — тупой и скучный пресс самого слабого звена в группе. А слабым здесь считались все те, у кого не было за спиной нескольких поколений родственников. Когда они если не влиянием задавят, так хоть численностью заплюют.

Но в своем стремлении произвести эффект Долгоруков оказал мне неоценимую услугу — предупредил о назревающем конфликте. Полезный дурачок получается.

Кабинет ректора Императорского Московского Университета

Игорь Вячеславович Лютый к сантиментам был не склонен, к политике был равнодушен и вообще предпочитал силовые методы решения проблемы. Свою работу он любил, парней своих берег, и при любом удобном случае отпускал их к женам.

Но самому Игорю Вячеславовичу с личной жизнью не свезло. Была одна заноза в сердце у него, давно была. Он еще только-только первые погоны получил, отправили на границу. Практику получать в реальных полевых условиях. И вроде застава была спокойная, и жильё худо-бедно обустроил. Ждал, когда доучится зазноба, да переедет к нему. Переехала, конечно, да только не на заставу в горах, а на спокойное морюшко к какому-то папенькиному сыночку.

И вот уже столько лет прошло, отболело вроде, а с личной жизнью не ладилось. И вряд ли бы вспомнил майор о том, что есть жизнь на гражданке, если бы не этот пацан, даже не ставший слушать про небо в алмазах.

Странный пацан с очень уставшим, взрослым взглядом. Такой взгляд мог быть у его сослуживцев, у кого-нибудь по ту сторону прицела, но не у восемнадцатилетнего пацана. Лютый кожей чувствовал, что парнишка не просто имеет безграничный магический потенциал, в нем было что-то еще.

Что-то как будто бы родственное, как будто бы родное. Эдакое чувство локтя, понимания с полуслова, которое могло бы возникнуть между старыми сослуживцами. Но никак не с мальцом, еще не открывшим дар.

Майор внезапно с совершенно ясной четкостью осознал, что вышедший из этого кабинета парень мог бы заменить его. Из Мирного бы вышел отличный преемник. Сын, которого у Лютого никогда не было.

А пока можно дать парню иллюзию выбора. Пусть немного подышит свежим воздухом под присмотром старых друзей Лютого.

Территория Императорского Московского Университета

День был до того выматывающе скучным, что я плелся к себе в комнату с одной мыслью — обнять подушку и уснуть. И вроде бы одни лекции, а такие занудные, что в половине случаев информация просто ускользала даже от самых ответственных студентов на первых партах. И это было видно невооруженным глазом, точнее, слышно — кто-то неудачно всхрапнул на последней за сегодня лекции.

Собственно, все было так сонно и спокойно, что ничто проблем не предвещало.

— Мирный? — окликнул меня какой-то парень в спортивном костюме без опознавательных знаков.

Я смотрел на него и испытывал некоторое ощущение дежавю. Если бы он сейчас спросил, нет ли у меня позвонить, я бы не удивился.

— Ну допустим, — ответил я.

За спиной раздался хруст гравия, и мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять: два, нет, еще три человека окружают мою скромную персону.

Общежитие виднелось в паре десятков метров впереди, но чудным, поистине волшебным образом сейчас на широкой дорожке не было ни души. Ну практически постановочная киношная драка, разве что только настоящая.

— Мой господин недоволен, что ему приходится жить под одной крышей с безродной

псиной, — начал излагать суть проблемы мой новый знакомый.

— Ну предложи ему отселить тебя из своей комнаты, — ответил я.

Собеседнику мой намек не понравился. Но он был не полный кретин — сразу кидаться с кулаками на меня не стал.

— Мой господин великодушен и любезно предлагает тебе занять подобающее тебе место в пищевой цепочке добровольно, — продолжил говорить парень. — Переедешь в общежитие для простолюдинов, и вопрос будет исчерпан.

Стоящие за моей спиной люди переминались с ноги на ногу, ожидая отмашки для атаки.

Я вздохнул и картинно задумался. Честно говоря, мне было без разницы, где жить, и если бы, например, пришел комендант с аналогичным требованием, я бы, может, и не спорил. Но переезжать только потому, что какой-то высокородной скотине запахло жить со мной в одном здании?

— Нет, — ответил я.

— Сам виноват, — усмехнулся парень, и все участники постановки пришли в движение.

Я резко припал к земле и ушел кувырком в сторону. Там, где я мгновение назад стоял, брызнули камни гравия. В голове успело пронестись, что по мне шмаляют магией, а затем адреналин вытеснил все мысли.

В такие моменты жизни работает инстинкт «бей или беги». У нормальных людей это «беги», но для таких, как я, понятие нормальности размыто.

А потому я поднялся на ноги и, рывком сократив дистанцию до говорившего со мной парня, пробил его защиту четко в горло. Под руками как будто рассыпалось какое-то стекло, но времени рассмотреть не было. Я крутанулся, поставив оседающее тело между собой и тремя другими атакующими.

Те на такой поворот не рассчитывали и продолжили бить какой-то магической дрянью, только уже не по мне, а по своему сообщнику. Тело задергалось, и я не был уверен, что бедолага уже очнется.

Но это меня волновало в последнюю очередь. Три очень злых парня с дарами против меня на открытом пространстве — плохо, очень плохо.

Бей или беги.

Бей или беги.

И я сорвался с места.

Прямо на них.

Влево. Вправо. Влево. Влево.

Магическая гопота такого не ожидала. Загнанный человек редко бросается в лобовую атаку, если есть возможность убежать. Они запоздало шмальнули по мне какими-то техниками, но попали лишь в мои следы на дорожке.

Первый, самый левый боец вообще не понял, что произошло. Я успел поймать его удивленный взгляд, прежде чем перехватил занесенную с очередной техникой руку и вывернул. Выломал. Выдрал из сустава. Попутно отправляя его же атаку в стоящего рядом.

Не знаю, чем они хотели меня угостить, но от прямого попадания стоящий рядом парень опрокинулся навзничь с коротким вскриком и затих.

Оставшийся гопник замер и даже, кажется, забыл, как дышать. Он пялился на меня с таким ошалелым ужасом, будто я отрастил рога и крылья. Плохое качество для бойца.

— Беги, — сказал я, и бедолага дал деру, оскальзываясь на гравии и оглядываясь на

ходу.

Я глубоко вздохнул и только сейчас понял, что на территории дурью орет сирена и прохладный женский голос вещает из всех динамиков «Несанкционированное применение магии».

А вот теперь у меня действительно появился отличный повод для посещения ректората.

Москва, княжеский особняк

За рабочим столом сидел мужчина в строгом деловом костюме. Он был уже немолод, но еще полон сил и энергии. А еще он обладал властью, и обладал ей не только по праву наследования, а по праву сильнейшего и умнейшего. Стать главой древнего рода на деле не такая уж и сложная задача, а вот усидеть в кресле — здесь одного везения и обаяния было недостаточно.

И все в жизни мужчины уже было стабильно и налажено, кроме одного.

Наследник.

Нет, дети у него были, но по скотскому стечению обстоятельств, когда родился сын, им некогда было заниматься. А когда появилось время, заниматься стало поздно.

И вот теперь перед его очами стояло безмозглое чадо, бесконтрольный доступ которого ко всем благам рода закончился самой идиотской выходкой. Был бы стоящий перед ним отпрыск бабой — у князя еще было бы хоть какое-то оправдание произошедшему, ведь всем известно, что бабы — дуры.

Но нет, в этот раз отличился его сын. Сынок. Кровиночка. И полное разочарование.

— Что. Это. Было? — по словам процедил мужчина, держа между двух пальцев лист плотной бумаги с вензелями Императорской Службы Безопасности.

Сын молчал. С видом независимым и гордым он смотрел сквозь отца, все свое внимание уделяя полке с антикварными книгами. Словно бы тема разговора его вообще не касалась.

— Денис-с-с-с... — прошипел Долгоруков, и в неровном свете камина глаза князя полыхнули магией.

— Они должны были просто его припугнуть, — нехотя проговорил княжич. — Припугнуть и все. Никто не думал, что парень без башки и будет отбиваться.

— Никто не думал? — со спокойствием ледовитого океана переспросил князь. — Или ты не думал?

Княжич промолчал, поджав губы.

— С твоей подачи мои люди напали на царского человека. На царского человека без магии. И это не просто какой-то там никому не интересный сирота. К этому парню уже только слепоглухонемые церковники не присмотрелись, но, думаю, уже кого-нибудь снаряжают для душевспасительной беседы. Ты хоть понимаешь, какие последствия будут у твоего поступка?

— Никаких? — с вызовом спросил княжич.

Долгоруков полыхнул взглядом, полным магии, но это не произвело на сына никакого эффекта.

— Никаких, — повторил княжич. — Потому что, если кто-нибудь узнает, что это твои люди напали на царского человека без магии, твои позиции в Свободной фракции пошатнутся.

— Самонадеянный щенок, — процедил Долгоруков. — Думаешь, я не найду на тебя управу?

— Я думаю, что я твой единственный наследник. И если в роду узнают о нашем конфликте, то как глава ты останешься без поддержки, — самодовольно произнес княжич.

— Пошел вон, — процедил Долгоруков.

Его наследник изобразил шутовской поклон и вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Князь же откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Ситуация со всех сторон скверная.

Но он бы не был главой рода, если бы не имел пары кропленных карт в рукаве.

Императорская служба безопасности

На мониторе крутилась запись с камеры видеонаблюдения. Запись была с шумами, ракурс просто дерьмо, но сидящим перед ноутбуком людям этого было вполне достаточно.

— Охренеть! — искренне восхитился мужчина с погонами полковника.

— Заценил, да? — усмехнулся сидящий рядом с ним товарищ в байкерской куртке.

— Ну-ка мотани еще раз на это место?

Человечки на записи смешно забегали задом наперед, чтобы снова повторить свои действия.

— Да-да, здесь. И помедленнее... еще медленнее... пауза! Ты же видишь то, что вижу я? — полковник посмотрел на Лютого, и тот расплылся в довольной улыбке.

— Огонь, да? — силовик откинулся на спинку стула. — Он без дара пробил магический щит. Пацан просто создан для нашего цеха! Я такого никогда не видел.

— Ну прямо скажем, я такое видел... — задумчиво протянул полковник. — А он точно ни чей-нибудь бастард? Такая силища на пустом месте вряд ли возникнет.

— Точно, — отмахнулся Лютый. — Я даже ДНК-тесты на всякий случай по-тихому запросил. Никто из уважаемых людей там не топтался.

— А что родители?

— Погибли при исполнении, — отозвался Лютый.

— Что, оба сразу? — с сомнением спросил полковник.

— Нет, по очереди. Отец — груз 200, мать — поножовщина в переулке столицы.

— Интересно...

Мужчины помолчали, еще раз прокручивая бой пацана с четырьмя довольно опытными бойцами.

— Как котят раскидал, — восхищенно выдохнул полковник.

Затем посмотрел на Лютого и добавил:

— Работай аккуратно. Такой кадр должен сам радостно скакать к нам в руки, подпрыгивая на бегу.

— Обижает, Кирюх. У нас же лучшие спецы по этому делу. А все лучшее — детям!

Детям, которые двигаются, как первоклассные убийцы. Детям ли?

Императорский Московский Университет

Вечер был испорчен. И не только потому, что какому-то дебилу стрельнуло в голову попытаться меня продавить, а еще потому, что после этой потасовки пришлось долго и нудно объясняться со всеми представителями закона и порядка.

Отвратительно занудный процесс.

Когда я добрался до своей комнаты, самое время было вставать на занятия.

— Где это тебя носило? — позевывая, спросил Иван.

Парень как раз плелся в санузел, перекинув махровое полотенце через плечо.

— Неужто с Василисой миловался? — поиграл бровями боярич.

— Лучше б миловался, — раздраженно ответил я и, проходя в свою комнату, добавил. — Кому-то из вашего сословия мое соседство мешает сладко спать на перине.

— Кому-то? — округлил глаза Иван, растерянно стоя посреди коридора.

— Кое-кому. Угадай с одного раза.

— Господи, я думал, такие идиоты только в анекдотах бывают, — пробормотал боярич, а затем встрепенулся: — А ты сам-то как?

— А, — отмахнулся я, — ничего нового они мне не показали. Зато служба безопасности все мозги выела чайной ложечкой.

Новиков нахмурился, мгновенно приобретя хищный, опасный вид.

— Что, болит сердце за Россию-матушку? — хмыкнул я, перетряхивая рюкзак в поисках чистой футболки. — Не переживай, в нашей стране добро с кулаками. Тут главное от идиотов отбиться.

— Угу, — отозвался боярич и больше не стал приставать с вопросами.

Зато вот наши новые товарищи себе в этом удовольствии не стали отказывать!

— Это правда, что на тебя напали ВЧЕТВЕРОМ?! — ахнула Нарышкина, прижав ладошки к груди в театральном жесте.

— Вчетвером? Я слышал, их было десять! — подал голос Лобачевский, смотря на меня с нескрываемым восторгом.

— Сто десять, — усмехнулся я, занимая свое место за столом.

— Александр, удовлетвори наше любопытство, — подала голос княжна Демидова.

Девушка смотрела на меня таким повелительно-заинтересованным взглядом, что я на месте Ермакова бы начал задавать невесте неудобные вопросы.

— Да, собственно, нечего особенно рассказывать, — пожал плечами я. — Кому-то не дает покоя, что я поселился в вашем корпусе. Вся история.

— Господин Мирный скромничает, — покачал головой Нахимов. — Но уже все университетское общество обсуждает, как первокурсник без дара отпинал четверых магов.

— Господин Мирный — хорошо воспитанный молодой человек, — подал голос Ермаков. — И не хвастается своими победами. Кислое лицо нашего старого друга Долгорукова является лучшей иллюстрацией произошедшего конфликта.

— Два раза за три дня! — пробасил Юсупов и показал мне большой палец. — Уважаю!

Наш стол дружно хохотнул, привлекая к себе внимание и раздражая пафосную общественность. Впрочем, кажется, я и так за последнее время успел нажать себе врагов больше, чем друзей. Какая-то паршивая статистика для старта взрослой жизни.

— Я бы на вашем месте не налегал на еду, — вдруг произнес Лобачевский. — У вас же сегодня инициация.

— И что? — спросил Новиков, в этот раз скопировавший мой рацион и уже занесший нож с вилкой над дымящейся яичницей.

Старшекурсники переглянулись, и Лобачевский, неловко кашлянув, пояснил:

— Ну вот вспомните самое тяжелое ваше похмелье, умножьте на десять и прибавьте тысячу. Результат будет отдаленно напоминать ощущения после инициации.

Мы с Новиковым, не сговариваясь, синхронно отодвинули подносы с едой. Боярич еще и вздохнул так жалостливо-печально, провожая взглядом зажаренный до хруста бекон.

— Удачи, — попрощались с нами ребята, когда мы поднялись на ноги и отправились получать свою первую магию.

Магические дары, как несложно догадаться, здесь открывались не на тренировочном

полигоне и не в лекционной аудитории. Инициация проходила в медицинском отсеке, занимающим целое отдельно стоящее здание.

Туда уже стекались первокурсники разной степени сосредоточенности и собранности. Кого-то наверняка поугадили старшие товарищи из чисто студенческой традиции поглумиться над ближним. Кто-то был равнодушен к происходящему, скрываясь за щитом собственного пафоса, как, например, Распутин. А кому-то предстоящее казалось интересным приключением. Вот мне, например.

Я вообще шел на инициацию, погруженный в свои мысли — пытался вспомнить самое страшное похмелье в обеих своих жизнях. По всему выходило, что похмелье становилось страшнее с годами, и вот самое отвратительное догнало меня на собственный пятидесятилетний юбилей. Меня тогда это знаменательное событие застало в командировке, и друзья грузили в купе через начальника поезда, потому как рано утром требовалось быть в другом городе для продолжения банкета на домашнем торжестве. Все, что я помню из следующих суток, это ехидное выражение лица любящей жены, время от времени предлагающей опохмелиться, потому как даже смерть не могла бы явиться оправданием за неявку на банкет имени себя.

И такими яркими были эти воспоминания, что я отвлекся от нынешней реальности. Из того мира в этот вернул меня чувствительный тычок под ребра.

— Эй! — возмутился я.

Иван вместо ответа кивнул на вход в медицинский корпус, где с ноги на ногу мялась Корсакова.

— На ловца и зверь бежит, — ухмыльнулся я и направился к девушке.

— Доброе утро, — поздоровался я с девушкой.

— Доброе, — тихо ответила она, смотря на меня снизу вверх. — Я слышала о вчерашнем... инциденте. И волновалась о... вас.

— «Тебе», — поправил я.

— А? — девушка приподняла брови.

— «Волновалась о тебе». Я же не какой-нибудь там аристократ, чтобы нам приходилось общаться по всем правилам скучного этикета и в присутствии дуэньи.

Василиса совершенно очаровательно вспыхнула.

— Волновалась о тебе, — тихо произнесла девушка, смущенно опуская взгляд.

— Мне приятно твое беспокойство, — не стал лукавить я. — Но, как видишь, со мной все в порядке. Я подготовлен чуть лучше, чем может показаться на первый взгляд.

Василиса снова подняла на меня глаза потрясающего зеленого цвета, но нашу милую беседу прервали самым бесцеремонным образом.

— Эй, голубки! — рявкнул Разумовский, стоящий на крыльце со скрещенными руками. — Я вас долго ждать буду?

— Идем, — громко ответил я за нас обоих и уже тихо сказал Василисе: — Удачи сегодня.

— Спасибо, — вздохнула девушка.

Едва мы подошли к Разумовскому, тот окинул нас с Корсаковой неприязненным взглядом, затем поискал глазами Новикова, флиртующего с какой-то первокурсницей с факультета международных отношений, и, гаркнув: «Новиков!», развернулся и пошел в здание.

А мы втроем поспешили за ним.

Но, увидев, собственно, куда нас привели, я всерьез засомневался, стоило ли вообще сюда поступать.

Каждому первокурснику выделялась комната, похожая на дурку для особо буйных. Только стены были не мягкие, а выполненные из металла и в центре стояло кресло. Кресло такое, что я обошел его, ища подключенные провода — уж больно походило на электрический стул. Правда, электрический стул повышенной комфортности, поскольку был обтянут местами потрескавшимся кожзамом.

— Что, уже не так весело? — спросил Разумовский.

— Ну что вы, очень праздничная атмосфера, — усмехнулся я. — Так как проходит процедура?

— Садись в кресло и ждешь, пока начнут плавиться мозги, — гадко улыбнулся тренер.

— А потом?

— А потом, если очень повезет, идешь отлеживаться.

— А если нет? — приподнял бровь я.

— А если нет — уносят.

— Ясно.

Разумовский собрался уходить, но в дверном проеме обернулся и сказал:

— Я видел запись. Это либо везение, либо долгие годы тренировок. У тебя просто нет столько жизни, парень. А везение рано или поздно заканчивается. Не лезь на рожон, их много, и они сильнее. Сожрут и не заметят.

И тренер вышел из комнаты, оставив меня проникаться атмосферой перед процедурой. Это что сейчас такое было — суровая отеческая любовь, что ли?

А через полчаса ко мне зашла бригада медиков, и стало не до рефлексии. Возглавляла команду женщина лет тридцати. Ее светло-русые волосы были закручены в узел на затылке и проткнуты первым попавшимся под руку предметом — желтым карандашом с полустертым розовым ластиком. Халат не застегнут, демонстрируя бежевую рубашку, юбку чуть выше колена и очень, очень, очень длинные ноги в туфельках на шпильке. Женщина держала руки в карманах халата и короткими командами гоняла весь персонал. Меня медики вообще не замечали, будто бы я являлся предметом интерьера.

Впрочем, персонал работал слаженно и быстро — проверили стены, буквально простучав каждую металлическую ячейку, подергали ремни на кресле, побегали с какими-то приборами типа компасов и октантов по помещению, а затем покинули помещение, точно вода схлынула, оставив меня наедине с дамочкой, у которой в руках появился планшет.

— Меня зовут Ольга Орлова, а вы... — произнесла она приятным голосом, листая файлы.

— Александр Мирный, — представился я.

— Вижу.

Женщина подняла на меня взгляд, внимательно посмотрела и сказала:

— Обычно здесь я говорю, что бояться не стоит, но вы, вижу, не боитесь.

— А нужно? — улыбнулся я.

— Нет. Страх притупляет работу некоторых центров головного мозга, так что от этого только хуже.

Я кивнул, принимая ответ.

— Итак, мы будем воздействовать на вас особым излучением для пробуждения

магического дара. Вы сядете в кресло, вам зафиксируют руки и ноги. Делают это для того, чтобы вы случайно не навредили себе... или зданию.

Я приподнял бровь, а женщина продолжила:

— Первой стихией откроется Вода. Ее уникальность и сложность в том, что у Воды есть три агрегатных состояния, так что мы будем контролировать комнату за счет блокираторов магии, — Орлова кивнула на стены. — Здесь есть зеркальное окно с напылением, так что персонал будет наблюдать за процессом и ни в коем случае не оставит вас без помощи при необходимости. Процедура не займет много времени, но отнимет много сил, будьте к этому готовы и не пугайтесь.

Я продолжал молчать, слушая женщину. А она же посмотрела на меня задумчиво, словно хотела что-то добавить, но не стала.

— Тогда начали.

Скажу честно, оказаться прикованным — удовольствие маленькое. Не любитель я этих игрищ, даже когда мимо дефилирует симпатичная дамочка, а кресло эргономическое. Впрочем, все мысли вымело из моей головы, едва дверь за медиками закрылась и раздалось неприятное гудение, словно где-то под боком работал трансформатор.

А в следующее мгновение как будто тысяча раскаленных игл вогнули мне в голову. Боль была такая, что я на мгновение ослеп, а зубы имели все шансы раскрошиться.

Но орать я себе не мог позволить, чай не девица.

Был у меня один боец, любил он дыхательные практики перед особенно сложными задачами применять. Говорил, успокаивает. Мы, конечно, над ним немного глумились, но сейчас я того парня вспомнил с искренней благодарностью.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Выдох.

Выдох.

Вдо-о-о-о-ох...

И где-то на десятом вдохе боль как будто отступила. Не пропала, но притупилась, позволяя мне сосредоточиться на других ощущениях. И в тот момент мне показалось, что вместо крови по венам течет не вода, а чистая, кристальная сила. Что в каждой клеточке моего тела спрятан ядерный реактор. Что сердце в груди гоняет столько энергии, сколько не видел Большой взрыв.

Я дышал. И дышал. И дышал. И наслаждался этим ощущением собственной бесконечности. Вся сила мира принадлежала мне в тот момент, и я мог рукой закручивать водовороты, испарять океаны и замораживать воздух.

Не знаю, сколько времени я провел в таком состоянии, перебирая каждую капельку воды в своем теле, когда вдруг боль в голове отпустила.

Я задержал дыхание и целую секунду прислушивался к себе, не веря, что отпустило. Меня морозило и немного потряхивало, и я надеялся, что кто-нибудь сейчас меня выпустит и угостит парацетамолом.

Но когда я открыл глаза, то не смог произнести ни звука, чтобы позвать персонал.

Вся комната была покрыта толстой коркой острого, шипастого, бесконечно красивого льда, созданного магией.

Моей магией.

Императорский Московский Университет, медицинский корпус, Ольга Орлова

Ольгу Кирилловну Орлову за спиной любящие коллеги называли нежно Ольга Мегеровна. Гоняла она своих подчиненных нещадно, не испытывая ни к кому ни жалости, ни сострадания. Ее считали слепым фанатиком работы, бабой с яйцами и вообще женщиной без каких-либо перспектив на личную жизнь. Ну разве что на сорок кошек.

И вряд ли кто-то из этих злословов них мог бы знать, что за толстой непробиваемой шкурой стервы прячется очень добрая женщина, принимающая близко к сердцу каждого из своих подопечных. Мало кому вообще приходило в голову, что оно у нее есть, это сердце. И уж тем более никто не мог вообразить, что оно может болеть.

А Ольга Орлова носилась между палатами, пытаясь держать руку на каждом пульсе первокурсников. Одной рукой она листала планшет с показателями пациентов, другой раздавала подзатыльники или корректировала параметры комнат инициации.

Орлова, к своему великому сожалению, многое повидала за свою сравнительно недолгую практику. Хотя ей и было немного за тридцать, в ее личном деле уже имелся скромный штампик «секретно». Рекрутируя юных бойцов под нужды армии по полям и весям разных континентов, Ольга знала, как выглядит сорвавшаяся с цепи стихия. И даже в самых засушливых районах Африки это было очень страшно. Так что каждый год в самый ответственный день нового курса студентов Ольга Кирилловна получала не меньше адреналина, чем ее подопечные.

Правда, тот непередаваемый опыт развил у женщины интуицию до божественного уровня. Личный магический дар не отзывался так, как чуйка, однозначно указывавшая на проблемных студентов. Сегодня таким студентом должен был стать кто-то из тройки Разумовского.

Но боярич Новиков прошел инициацию без проблем и даже вышел из комнаты на собственных ногах, хотя и порядком побледневший. Показатели Корсаковой выглядели внушающими спокойствие, и Орлова оставила ее на попечение сотрудников. А вот Мирный...

С Мирным обязательно должно было что-то пойти не так. И дело даже не в его запредельном резерве, нет. Дело было в самом парне. Она смотрела в голубые глаза мальчишки, а видела демона, прошедшего самое пекло войны. Как будто парень жил вторую жизнь или у него было расщепление личности.

Но первое невозможно, а второе отрицали все психологические вступительные тесты, так что...

— Ольга Кирилловна, у нас проблема! — раздался в гарнитуре испуганный голос медбрата.

— Где? — сухо спросила Орлова, замерев посреди коридора.

— Палата 51, Мирный.

Женщина развернулась на каблуках и бегом рванула в сторону 51 палаты. И пока бежала, успела вообразить все ужасы сразу. И сваренный заживо труп в комнате, и сгусток чистой магии вместо тела, и кровавые ошметки на стене. Но то, что она увидела, влетев в комнату наблюдения, превзошло самые страшные ее фантазии.

В центре комнаты, окруженный стихией Воды одновременно в трех агрегатных

состояниях, сидел Александр Мирный. Парень не орал, не корчился, не бился в ремнях, как это обычно делают студенты, испытывающие адскую боль. Он просто сидел. Сидел, откинувшись на спинку кресла, и единственное, что могло бы выдать его напряжение, были сжатые в кулаки пальцы.

Но не это оказалось самым страшным и самым странным.

Магия плескалась в комнате, прогибая под себя стены, так и норовя вывернуть опорные конструкции, а блокираторы...

Блокираторы просто не справлялись.

Императорский Московский Университет, медицинский корпус, Александр Мирный

Из динамиков доносился сильный женский голос.

— Александр, вы меня слышите?

— Александр, вы меня слышите?

— Александр...

Я с трудом разлепил пересохшие губы, чтобы произнести:

— Я. Вас. Слышу.

Кажется, моего ответа никто не ожидал, потому что возникла пауза. Пока на том конце провода Орлова, а это была она, размышляла, что же она от меня хочет, я вдохнул полной грудью и осторожно покрутил головой. Честно говоря, внутренне ожидал, что сейчас черепушку разорвет на британский флаг, но, как ни странно, боли не было.

Поскольку медики все еще продолжали молчать, я начал разминать мышцы рук, насколько это позволяли ремни. Спустя пару секунд, правда, они лопнули, видимо, не выдержав стихийного насилия. Ну а освободить ноги уж совсем ничего не стоило.

И вот только когда я встал и сделал несколько упражнений, разгоняя кровь в заостеневшем теле, динамики ожили:

— ...не работает?! Кому воткнуть паяльник в жопу, чтобы заработало?! — орала Орлова.

— Я, кстати, вас слышу, — произнес я.

На том конце провода снова помолчали.

— А так? — неуверенно спросила Орлова.

— И так тоже.

— Ладно... — выдохнула женщина. — Как вы себя чувствуете?

— Ну... — я повел одним плечом, другим, выкинул левый кулак вперед, боксируя с воздухом. — бывало и хуже, прямо скажем. Но от парацетамола я бы не отказался.

Судя по молчанию, уважаемые медики на том конце провода подбирали челюсть с пола. Но Орлова быстро взяла себя в руки.

— Александр, не уверена, что сейчас вы сможете корректно управлять стихией без базовых навыков. И это создает некоторые трудности с, хм, открытием двери. Мы сейчас вызовем соответствующие службы, и они вскроют проем.

— Ладно, — не стал спорить я, прохаживаясь по комнате и тыкая пальцем в шпильки льда, оцетинившиеся четко в центр помещения.

Динамики зашипели и умолкли. Чтобы через пару секунд снова зашипеть:

— ...твою мать! — выругалась Орлова и, судя по грохоту каблучков, куда-то подорвалась.

— Что там? — лениво спросил мужской голос.

— Шестая палата, — отозвался другой оператор.

— Аристократ?

— Не, простолюдинка... Из Разумовских.

Сопоставить одно с другим было не сложно, а потому я как можно более невинным тоном поинтересовался:

— А что с ней?

— Твою мать! — выругались оба оператора.

Судя по грохоту, один от неожиданности даже уронил чашку. Ну или стакан. По ту сторону динамика помолчали, а потом один из них все же соизволил ответить:

— Вас это не касается. Ситуация штатная, Ольга Кирилловна контролирует лично.

Я почувствовал легкое раздражение. Понятно, что выгляжу я как восемнадцатилетний пацан, но не как полный же дебил. Если начальство срывается с матюгами, ситуация явно нештатная.

Снова окинул взглядом комнату, чувствуя, что, если вот прямо сейчас меня не начнут выковыривать из этого железного кубика, я сам проделаю выходную дверь. И не факт, что в том же месте, где она была запроектирована.

Решив, что трех минут более чем достаточно для слесарей, чтобы найти болгарку и начать скрестись в дверь моей комнаты, я начал нарезать круги по палате, стараясь снизить уровень злости, а заодно согреться. Температура в комнате была такая, что я рисковал обзавестись шумовым музыкальным инструментом. Так что я прыгал, приседал, боксировал с воздухом.

Не знаю, в какой момент на костяшках пальцев возникло легкое, чуть раздражающее покалывание. Как будто руки частично онемели, если бы могли онеметь суставы. Чувствуя глухое раздражение, я по очереди выкинул руки вперед. Раз-раз-два. Раз-раз-два. Раз-раз...

Кусок стены внезапно покрылся множеством трещин и с грохотом вылетел, впечатавшись в противоположную стену коридора, чудом не зашибив лениво подходящих слесарей.

...два.

— Это че такое щас было? — выпучил глаза один из рабочих.

— Почтальон, — невозмутимо ответил я, выбираясь из ледяной комнаты.

В этот же момент распахнулась дверь комнаты наблюдения и оттуда выскочили двое медбратьев. Выскочили и замерли, не совсем понимая, что со мной делать.

— Вы куда? — спросил один из них. Судя по голосу, тот, который рассказывал мне про штатную ситуацию.

— В шестую палату, — ответил я, стряхивая иней с пиджака.

— Но вам туда нельзя! — категорично заявил второй.

— Да? — я удивленно приподнял брови. — Ну попробуй останови.

Судя по тому, что все присутствующие сделали шаг в сторону от меня, это предложение ни у кого энтузиазма не вызвало. Я усмехнулся и быстрым шагом направился к комнате с Корсаковой. К сожалению, явиться рыцарем в сияющих доспехах и спасти ее я не успел. Но, к счастью, спасти ее и не требовалось.

Как раз в тот момент, когда я подходил к шестой палате, девушка из нее выходила. Бледно-зеленого оттенка, с бескровными губами и расширившимися от пережитого стресса зрачками. Ее потерянный взгляд зацепился за меня, Василиса слабо улыбнулась, сделала шаг, другой и...

Все-таки мне пришлось немного подработать рыцарем — Корсакова рухнула, как

подкошенная, прямо на меня. Я подхватил девушку на руки и, посмотрев на выходящую следом Орлову, вежливо поинтересовался:

— Куда нести?

— А вы что тут делаете?! — обалдела медик.

— Это сейчас прям принципиальный вопрос? — раздраженно спросил я.

Глаза Орловой сверкнули, ей наверняка хотелось сказать многое по поводу происходящего, но, надо отдать Орловой должное, она не стала устраивать разборки на месте. Студентка без сознания была приоритетнее наглого пацана.

— Идите за мной, — произнесла женщина и, резко крутанувшись на каблуках так, что взметнулись полы халата, зашагала по коридору.

— Новые инициации на паузу. Следующую партию через час, — на ходу в гарнитуру отдавала команды Орлова. — Каталку на второй этаж. Палата интенсивной терапии первого разряда пусть готовится к приему пациента.

Мы прошли до конца коридора, где нас уже ждал, распахнув двери, лифт. Проехались до второго этажа, где я бережно положил девушку на каталку. Вокруг моментально начали хлопотать медики: катетер, капельница, пищащие датчики, и все это — прямо на ходу, перекатывая каталку в реанимацию.

Я шел рядом с Василисой до самой входной двери реанимации, которые захлопнули прямо перед моим носом.

— Вам туда нельзя, — спокойно проговорила Орлова.

— Я понимаю, — ровным тоном ответил я. — С ней все будет в порядке?

— Конечно. Не скажу, что такая реакция частая, но и не редкая. Процесс отработан годами, переживать не о чем. Думаю, уже к вечеру она очнется. Но мы подержим под наблюдением некоторое время.

Я молча кивнул, и Орлова указала на выход. Сама она, впрочем, шла со мной.

— Теперь бы мне хотелось услышать, что у вас произошло, — произнесла женщина.

— М-м-м... — протянул я, не совсем представляя, как бы покомпактнее описать пролом в стене, испуганных слесарей и трусоватых медбратьев. — Думаю, более полную картину смогут вам изложить ваши сотрудники.

— Понятно, — мрачно проговорила Орлова, и это «понятно» ничего хорошего персоналу не предвещало. — Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — пожал плечами в ответ.

— Нор-маль-но... — повторила Орлова. — Вам измеряли резерв?

— Нет.

— А кровь брали на анализ?

— Нет.

— А... впрочем, видимо, ничего не делали. Давайте вернемся и завершим процедуру по протоколу, — ткнув пальцем в кнопку вызова лифта, сказала Ольга Кирилловна.

— Ну, если у вас есть еще одна лишняя каморка...

Кажется, от этих слов у Орловой дернулся глаз. Женщина приложила пальцы к уголкам глаз и еле слышно выдохнула:

— Идиоты...

Нет, сегодня точно кому-то достанется паяльник.

Створки лифта распахнулись, и Ольга Кирилловна взмахнула рукой:

— Я сама вас проверю. И передам с рук на руки Разумовскому.

— Как ценный груз? — пошутил я, входя в кабину лифта.

— Скорее, проблемный, — пробормотала женщина, поднимаясь на последний этаж.

Здесь тоже были палаты-кабинеты, неторопливо ходил персонал, прижимающийся к стене при виде Ольги Кирилловны, но все какие-то немного на расслабоне.

Мы дошли примерно до середины этажа, когда Орлова замедлила шаг. У одной из белых безликих дверей, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к стене, стоял Разумовский.

— Что еще? — останавливаясь, раздраженно бросила Орлова.

— Ты не хочешь вернуть мне моих студентов?

— Одного я тебе уже вернула.

— Но я отдавал троих.

— Девчонка в реанимации, — нехотя ответила Орлова. — Но быстро встанет на ноги.

— А Мирный? — Разумовский кивнул в мою сторону.

— Как видишь, — Орлова покосилась на меня, — Мирный на ногах уже стоит. И сейчас освободится.

Разумовский отлепился от стены и красноречиво кивнул на дверь. Орлова демонстративно закатила глаза и, достав ключ-карту из кармана, пустила всех нас в кабинет.

Несмотря на тяжелый, недовольный взгляд тренера, Ольга не тушевалась и не косилась на мужчину. Она работала быстро и четко, совершая минимум движений. Орлова взяла у меня кровь, измерила давление, посветила в глаза, постучала по нервам, поводила-померила какой-то ерундой вокруг головы.

В конце концов, завершив все манипуляции, Орлова замерла, крутя в пальцах невралгический молоточек и изучающе смотря на меня.

— Ты закончила? — недовольным тоном спросил Разумовский.

Женщина моргнула, прекратив сканировать меня взглядом.

— Да... да, закончила. Резерв без изменений, возможны остаточные колебания ближайшее время... ну да ты и сам знаешь.

Тренер не стал ей отвечать, просто вышел из кабинета. Я поднялся на ноги и кивнул Орловой на прощанье.

— Александр! — окликнула она меня в дверях.

Я обернулся, вопросительно посмотрев на Ольгу. В этот момент она меньше всего напоминала ту стерву, что гоняет подчиненных и управляет одним из самых ответственных процессов в жизни каждого мага страны. Скорее это была женщина с рваной, незаживающей раной на сердце.

— Даже ваш уникальный резерв не сделает вас бессмертным, вы же понимаете?

— Я понимаю, — кивнул в ответ и, почувствовав всю ее беззащитность и открытость в этот момент, добавил: — Спасибо.

Мгновение — и Орлова снова замкнулась, закрылась в свою стервозную броню. На меня снова смотрел бесстрастный медик, профессионал и тиран. А затем женщина кинула в меня как-то предмет, который я на автомате поймал. Посмотрел на руку и увидел в ней пачку парацетамола.

— У вас потрясающие рефлексы, господин Мирный. Может, завещаете свой мозг науке?

— Если будет что завещать, — мило улыбнулся я и вышел.

В прошлый раз вот завещать было бы нечего.

Императорский Московский Университет, Максим Меншиков

В отличие от Дениса Долгорукова, Максим, точнее, Максимилиан Меншиков был идеальным сыном и наследником. Просто образцово-показательным солдатом своего рода, четко выполняющим распоряжения отца, зубами вгрызающимся в любую возможность укрепить позиции рода. Парень был настолько предан семье, что, если интересы его дома пересекались с личными, последние он задвигал.

И он был бы прекрасным аристократом, если бы не политический курс, выбранный его семьей. Причем курс этот был выбран задолго до рождения Максима. Да что там Максима задолго до рождения его деда! Стремление оторвать кусок побольше, залезть повыше, плюнуть подальше передавалось из поколения в поколение на генетическом уровне, с молоком матери. Первопричина уже давным-давно забылась, но поколение за поколением Меншиковы, как шkodливые коты, кормясь с государевых рук, изо всех сил пытались насать хозяину в тапки.

Но если отбросить лирику и большую политику, то светская жизнь Максима сводилась к простой задаче, четко обозначенной отцом: сформировать вокруг себя детей членов Свободной фракции и привлечь на свою сторону как можно больше свежей, сильной крови. И если с первым Максим справлялся превосходно, поскольку кровь все-таки не водица и обаяния у Меншиков было с избытком, то вот со вторым возникали проблемы. И ноги этих проблем, как ни странно, росли напрямиком из первой задачи.

Вот, например, сейчас. В университет поступает очень перспективный одаренный. Нищий, как церковная мышь, без какой-либо силы за спиной, без перспектив и надежд на сытое будущее. Казалось бы, бери и облагодетельствуй, а затем пожинай плоды бесконечной благодарности.

Но нет.

Не-е-е-ет, нет.

Долгорукову хватило мозгов не только задрать пацана, зарубиться с ним, получить по морде и заявиться угрожать. Этот идиот додумался еще и потасовку попробовать устроить на территории университета!

Конечно, ситуацию замнут. Никто не станет ради какого-то там безродного, пусть и очень перспективного, муссировать незначительное нарушение дисциплины. Но вместе с ситуацией замнется и любая попытка перекрестить Мирного в свою религию. А за это папенька по голове явно не погладит. Глава рода Меншиковых вообще не из тех людей, которым интересно, почему «нет». Им интересно, как быстро будет «да». И никаких скидок и поблажек собственному сыну он не делал и делать не будет.

А потому Максимилиан Меншиков сидел в своей шикарно, дорого и весьма остро обставленной комнате в общежитии и думал, как бы одним махом придушить Долгорукова, расположить к себе Мирного и отползти подальше от Распутина, которого хлебом не корми — дай постучать на ближнего своего.

В такие моменты у Меншикова возникало странное, иррациональное желание плюнуть на все и выйти из семьи. Слишком уж много грязи приходилось месить для достижения его целей. А ведь это были еще только ученические цели, после выпуска задачи будут действительно серьезные. И парню иногда действительно страшно было представить, какое будущее его ждет впереди.

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

Кабинет у Разумовского был. Собственно, это все, что можно было сказать о нем. Небольшой, плотно прокуренный, аскетичный до состояния необжитого помещения.

Тренер, забравший нас с Новиковым из медицинского корпуса, сейчас с видом великого мыслителя стоял у окна, рассматривая полигон, который был отсюда прекрасно виден.

Молчание затягивалось, мы с Иваном красноречиво переглядывались, не смея прерывать мыслительный процесс мужчины. Жрать хотелось, конечно, уже конкретно, но мы держались. Может, мы бы так еще часок простояли, как первоклашки на линейке или кадеты на построении, но тут пафосную тишину кабинета нарушило богатырское урчание моего желудка.

Разумовскому пришлось прекратить делать вид, что нас тут нет, и, развернувшись, изречь вселенскую мудрость:

— Заниматься начнем, когда Корсакову выпишут. До этого рекомендую вам хорошенько отдохнуть, морально подготовиться к тяжелым, изнуряющим тренировкам. Первый разряд — это профессиональная лига, любителям в ней не место. Ясно?

Хотелось гаркнуть «Так точно!», но было ощущение, что шутки никто не оценит.

— Ясно, господин тренер, — миролюбиво ответил боярич за нас обоих.

Разумовский кинул на нас, точнее, на меня не слишком довольный взгляд, но комментировать не стал. Кивнул на выход и продолжил медитировать на пейзаж за окном.

Выйдя из кабинета, мы отправились в общежитие, приводить себя в порядок. И если Иван просто выглядел помятым, то у меня еще и костюм оказался в каменной пыли, прибитой растаявшим льдом. Тут, конечно, стоило порадоваться, что стены университета не чета символическим перекрытиям хрущевок с тулупами вместо цемента, но такими темпами у меня чистая одежда кончится раньше, чем отработает химчистка.

— Я готов сожрать слона, — признался Иван, пока мы двигались в сторону столовой.

— Ты, главное, травы не набери, как обычно, — посоветовал я.

Боярич фыркнул на мою подколку, но парировать не стал — к нам присоединилась Нарышкина.

— Привет, мальчики, — пропела рыжая бестия, потрянув копной рыжих волос.

— Добрый день, боярышня, — поздоровался Новиков, бессовестно залюбовавшийся девушкой. — Позвольте поцеловать вашу ручку?

— Только ли ручку, Ванюша? — стрельнула ведьмовскими зелеными глазами девушка.

От такой фразы даже я обалдел, а бедный Новиков вообще растерялся. Благородные девушки никогда агрессивно не флиртуют, не говоря уже о том, чтобы предлагать себя. А тут Нарышкина готова была на «Ванюшу» запрыгнуть без разбега, и у парня сломался стандартный шаблон.

— С огнем играешь, Мария, — голосом строгой гувернантки произнесла Дарья Демидова, идя под руку с Ермаковым.

Нарышкина недовольно фыркнула и чуть отстранилась от Новикова, к которому пыталась притереться, как водитель-новичок, не чувствующий габаритов машины.

Новиков неловко кашлянул:

— Хотелось бы каких-то пояснений.

— Мария у нас в безвыходном положении, — усмехнулся Ермаков.

— Вот именно! — воскликнула Нарышкина. — Девушка в беде, и никто не хочет ее спасти. Спасая себя сама, как могу!

— Интригуете, — честно признался я.

— Отец Маши заключил довольно спорную помолвку, — покачала головой Демидова. — А единственный верный способ ее разорвать без участия главы рода — это... — Демидова запнулась и глянула на подругу.

— Это скомпрометировать невесту, — спокойным тоном произнесла Нарышкина.

В этот момент девица не строила гримасы, не расточала улыбки и не кидала двусмысленные взгляды. В одно мгновение вся наносная веселость и беспечность слетели, показав настоящее лицо боярышни. Серьезный, взрослый взгляд, чуть нахмуренные брови, плотно сжатые губы. Она держала плечи широко расправленными, а голову гордо поднятой, словно каждый шаг вперед приближал ее к эшафоту, на который рано или поздно придется взойти.

— Странно, я думал, торговля женщинами у нас закончилась несколько веков назад, — заметил я.

— Это сложно объяснить, — вздохнула Демидова.

— Многое зависит от главы рода, — нехотя произнес Ермаков. — Редко, конечно, какой отец пожелает видеть свою дочь несчастной ради каких-то там политических выгод. В Машинном случае это попытка сгладить политический конфликт.

— Меншиков? — я приподнял брови.

— Да, — скривилась Нарышкина.

Я покачал головой, не рискнув комментировать услышанное. Девчонку, конечно, было жалко, но вряд ли она найдет кого-то, кто подставится ради нее. Оказаться в жерновах между левыми и правыми, задев не просто чьи-то там политико-экономические взгляды, а личное, не захочет никто. Да и не выживет никто.

— Ты поэтому тогда вокруг Долгорукова вилась? — вдруг спросил Новиков.

Я живо вспомнил наше знакомство — двойная дуэль действительно случилась из-за Нарышкиной. Мне, правда, все было недосуг выяснить детали. Да и неинтересно, если честно. А оказывается, ничего нового. Все драки из-за баб!

— Все, что я знаю, о твоём отце, — медленно проговорил Иван, — так это то, что он очень и очень умный человек. Если он заключил такую помолвку, значит, уверен, что ты сможешь правильно распорядиться полученными ресурсами.

Читай — сможешь крутить Меншиковым-младшим, как захочется.

— Тебе легко говорить, Ванюша, — улыбнулась Нарышкина, и улыбка девушки была похожа на оскал. — Тебя же никогда не продадут за связку соболиных шкурок.

Новиков лишь жестко усмехнулся в ответ, но ничего говорить не стал. К счастью, мы дошли до столовой и обсуждать столь личные темы стало неудобно. Нарышкина снова нацепила маску легкомысленной веселушки, Новиков перестал хмуриться, и лишь Дарья Демидова вздохнула чуть печально, прежде чем тоже принять благожелательный вид довольной жизнью девушки.

В столовой было не так оживленно, как я предполагал — большая часть первокурсников лежала плашмя после инициации, другая недавно весело и задорно попрощалась с завтраком и не готова была повторять прием пищи. На фоне остальных мы с Новиковым были прямо-таки раздражающе бодры. И решительно настроены набить пузо.

Боярич, видимо, решил положиться на мой опыт. Парень шел за мной по линии раздачи и просто повторял все, что я заказывал. Борщ, салат с языком, жареная картошка со свиной, литровая кружка яблочного сока и даже количество кусков хлеба — парень копировал меню педантично и только на десерте мы разошлись. Я взял себе простую человеческую шарлотку, а парень какую-то безешную ерунду, внешне напоминающую нечто среднее между тортом «Полет» и «Павлова».

Пока мы активно жевали, за столом стояла тишина, а едва дамы, кушавшие медленнее всех, как и положено воспитанным девушкам, и припозднившиеся Нахимов, Лобачевский и Юсупов перешли к десертам и напиткам, заговорил Ермаков:

— Наш университет известен не только первоклассным магическим образованием, но и крепкими традициями. И по одной из них такие важные этапы в жизни, как инициация, требуют выполнения соответствующего протокола.

Мне в голову пришли веселые ассоциации из прошлой жизни, когда первокуров всю ночь гоняют по общежитию. Ну или знаменитые покатушки на тазах на получение диплома. Собственно, я был недалеко от истины, потому что на наш молчаливый вопрос, опережая Ермакова, княжич Нахимов употребил, видимо, универсальный для всех миров и поколений жест: щелкнул себя под горло.

— Да, Кирилл совершенно прав, — с серьезным видом, словно мы на важном совещании, кивнул Ермаков. — У моей семьи есть одно весьма недурственное заведение, и я уже забронировал для нас столик.

— Прекрасная традиция! — оживился Новиков.

— Да, давно мы с вами никуда не выходили, — покивала княжна Демидова.

А мне пришлось грустно вздохнуть. В прошлой своей жизни я мог на выходные с семьей слетать в Иркутск, потому что любимой жене захотелось омуля горячего копчения, а мне какой-нибудь экзотики типа тарасуна. И после такого уровня финансового благосостояния возвращаться обратно в вечно голодное студенчество наполовину на стипендии, наполовину на дотации от государства было откровенно тяжело. Особенно учитывая, что все свободные деньги я уже прогулял с Новиковым в день знакомства.

— Боюсь, в этот раз без меня, — покачал я головой.

— Почему? — не понял Ермаков.

— Александр, не отказывайся, — подал голос Тугарин Змей. — Когда Ермаков платит, нельзя отказываться. Сибиряки жутко оскорбляются, если их гостеприимством пренебречь. Даже Лобачевский вынужден нарушать свой обет непития.

— Нет у меня никакого обета! — возмутился потомок великого математика.

— Вот и проверим, — подцепил его Юсупов.

Меж тем Иван склонился ко мне и негромко пояснил:

— По этикету всегда платит тот, кто приглашает. Безотносительно ситуации. Так бы я тоже не потянул «недурственное заведение» Ермакова.

— О, — ответил я. — Тогда это меняет дело.

Посмотрел на Ермакова и кивнул:

— Тогда мы с радостью перейдем традиции и со временем передадим их дальше.

Договорившись встретиться в шесть у ворот университета, мы разошлись. Старшекурсники — на пары, Новиков — отсыпаться, а я почувствовал неумную жажду деятельности и решил, что самое время обзавестись учебниками.

Список литературы в свое время прилагался ко всем прочим бумажкам, и, будь я

хорошим студентом, я бы пошел получать книжки еще в первый день. Прямо после заселения в общагу. Но жизнь моя внезапно оказалась более насыщенная, чем я планировал, так что в сокровищницу знания я дошел только сейчас.

Собственно, библиотека располагалась в подвальном помещении лекторского корпуса. Вела в нее широкая лестница, с одной стороны оборудованная полозьями. По привычке старой жизни я подумал, что это конструкция для маломобильных студентов, но, увидев внизу довольно внушительную тележку, сообразил, что полозья для погрузки-разгрузки тех самых знаний.

Еще больше я удивился, когда за тележкой обнаружилась девчонка, перекладывающая книжки из тележки на пол, сортируя в разные стопочки. На первый взгляд мне показалось, что в ректорате рехнулись и эксплуатируют детский труд — такая она была кукольная. Невысокая, с косой челкой и двумя хвостиками светлых волос на затылке, с огромными глазищами. Серая форма сотрудника университета казалось нелепой на этой малышке.

— Привет, — поздоровался я первым, обозначив свое присутствие.

По времени шла очередная лекция и лестница была пустынна. Девчонка, это поистине ангельское создание, поглощенная работой, меня не заметила. А потому от моего «привет» подпрыгнула на месте, выронив книги из рук с громким «ЕТИТЬ!».

— Ты меня напугал, — вздохнула девчонка, приложив руку к груди в области сердца.

— Прости, не хотел, — ответил я. — Ты здесь работаешь?

— Подрабатываю, — ответила она, принявшись собирать книги. — Стипендии не хватает.

— Ты студентка? — удивился я, присев на корточки и помогая девушке.

— Третий курс! — гордо ответила она. А затем, видимо, заметив замешательство на моем лице, пригрозила: — И только попробуй пошутить про мой рост.

— Я вообще молчу, — миролюбиво ответил я, протягивая ей книги.

— Ты за литературой? — спросила девчонка, принимая собранные мной томики и раскладывая на разные стопки.

— Ага.

— Что-то припозднился.

— Да... так получилось, — неопределенно ответил я.

— Какой факультет?

— Юриспруденция.

— Ха, считай, тебе повезло. У вас там раньше середины семестра никто про учебу не вспоминает.

— А у вас вспоминает?

— Конечно! — малышка гордо выпрямилась, даже грудь колесом сделала: — Я, между прочим, учусь на факультете информатики и вычислительной техники!

— Программистка, что ли? — сообразил я.

— Да!

— Круто, — не стал скрывать своего восхищения я.

Кажется, девчонка такой реакции не ожидала. Впрочем, учитывая ее рост и вид, неудивительно. Сложно заставить тебя воспринимали всерьез, когда ты половине университета дышишь в подмышку.

— Как тебя зовут? — спросила девушка.

— Александр.

— Александр, я — Светлана. И если ты сможешь мне отнести все это в хранилище и расставить по полкам, я подберу тебе все, что нужно в приличном виде и еще парочку полезного сверху. Одна из моих соседок — юристка, она может подсказать дополнительную литературу.

— Договорились, — кивнул я, подхватывая первую стопку книг.

Спустя пару часов физических упражнений, во время которых я заглянул за библиотечную стойку, изучил расположение стеллажей и убедился, что в местной библиотеке творится конкретный бардак, потому как книг было больше, чем места их хранения, меня отпустили со стопкой учебников по юриспруденции и напутствием заглянуть за добавкой.

Идти было не очень удобно, потому что стопка закрывала большую часть обзора и противно качалась при резких движениях. Я героически нес груз знаний, надеясь, что под каждую обложку хотя бы раз загляну, и текущая акробатика не будет совсем уж бесполезна.

Собственно, только то, что я шел медленно, лоя баланс всей конструкции, позволило подслушать этот разговор между двумя парнями, прежде чем говорившие увидели мое лицо:

— А откуда вообще этот Новиков вылез?

— Да кто его знает... то ли Сибирь, то ли Дальний Восток.

— Безземельный, что ли?

— Может быть.

— Зато прислугу приволок с собой.

— Серьезно?

— Да, вон, смотри, книги ему тащит.

Раздался звук толчка локтем в бок.

— Ты чего? — прошипел первый парень.

— Ничего. Голову включи! Какой же это слуга, это ж Мирный.

— Мирный?

— Ну да. Тот, кто в первый день Долгорукова раскатал, а потом его парней поломал. Один против четверых вышел, да еще и без магии.

— Нихрена себе мирный Мирный.

— То-то и оно. Я вот лично не горю желанием с ним на дуэль выходить.

Тут уж я оказался совсем близко к этим двум благородным бестолочам, чтобы изображать глухого.

— Господа, не подержите дверь? — попросил я как ни в чем не бывало.

— Конечно-конечно, — залебезил один из говоривших. — Вот, пожалуйста.

— Благодарю, — кивнул я, мазнув по ним взглядом.

Ничем не примечательные парни. По таким сразу видно — не слишком удачные дети не слишком удачливых родителей. Но хотя бы у одного из них есть мозги не нарываться на лишние конфликты, уже хорошо. А то я к концу обучения такими темпами половине аристократов оттопчу ноги.

— Сова, вставай! Медведь пришел! — бодро крикнул я, пинком открыв дверь в жилье.

— А? — Новиков подорвался и сонно и растерянно вылутился на меня.

— Собирайся, говорю. А то опоздаем на пьянку.

Новиков сполз с кровати и заглянул ко мне в комнату, когда я как раз сгружал книги на стол.

— Что это? — позевывая, спросил Иван.

— Дрова, печку топить будем.

— Какую печку?

— Знаний.

— Боже, я еще сплю, и ты мне мерещишься.

— Уйду без тебя проверять на прочность знаменитое сибирское гостеприимство, — пригрозил я.

— Понял-понял, — вздохнул боярич, уходя собираться к себе. — Не мерещишься.

К воротам мы подошли с исключительной педантичностью — ровно в шесть. Ермаков и Лобачевский уже были на месте встречи. Затем подтянулись Юсупов и Нахимов, а вот Нарышкина и Демидова не стали нарушать древний женский ритуал и опоздали почти на полчаса.

— Простите, — без тени сожаления сказала княжна Демидова. — Мы очень торопились.

— Слава богу! — воскликнул Юсупов. — Представь, как бы вы опоздали, если бы никуда не спешили?

Компания дружно хохотнула и вышла за ворота университета. А там нас уже ждал транспорт: максимально пафосный лимузин с гербами рода Ермаковых на капоте и дверях.

Юркий слуга, возникший почти что из воздуха, открыл дверь машины, и княжич Ермаков сделал приглашающий жест.

— Прощу вас, господа и дамы, — пригласил Ермаков, и княжна Демидова первая полезла внутрь, опираясь на руку своего жениха.

Я же со своего места рассмотрел батарею игристого вина, ожидавшего нас в салоне, и подумал, что вечер обязательно будет насыщенным.

У этой Москвы и той было много разного, но и много общего. Например, Хамовники здесь тоже были одним из самых мажористых районов, где прикупить квартиру, а то и домик мечтал каждый уважающий себя богатый человек империи. Большая Пироговская улица все так же рассекала район на две части, по одну сторону которой толпились разного рода медицинские учреждения: от НИИ до училищ. Новодевичий монастырь все так же менял квартиру на последний приют при постриге, а между элитных домов ютились не менее элитные питейные заведения. Одно из таких и принадлежало роду князей Ермаковых.

Это было трехэтажное здание из темного кирпича с мансардой. Небольшие окна, черепичная крыша, узкая входная дверь и суровая охрана на входе в одежде с гербами Ермаковых. Вход в заведение украшали ретро-фонари и небольшой козырек, под которым даже один человек бы не спрятался от дождя. Называлось заведение «Северное сияние», что в целом отвечало сибирским корням владельцев.

Само здание «Северного сияния» стояло прямо на первой линии, а потому съезжающиеся на вечер благородные и просто богатые образовывали затор. Как пояснил Ермаков, полиции приходилось закрывать глаза на это безобразие только из любви к народу и регулярным подношениям в виде необременительных бутылок с редкими напитками.

На входе уже толпилось какое-то количество людей и, судя по тому, что я видел, вход был один для всех без разделения на благородных и простолюдинов.

— Рады приветствовать вас, княжич! — хором поздоровались вышибалы, щелкнув каблуками.

Алексей кивнул своим людям, отчего те на мгновение расцвели, точно девицы на смотринах, но быстро вернули себе суровый вид и принялись аккуратно, но уверенно теснить очередь, чтобы мы могли пройти. Удивительное дело, но никто даже пикнуть не посмел.

Я ожидал увидеть внутри что-то максимально пафосное, с вензелями и золотом. Что-то соответствующее статусу княжеского заведения, чтобы каждого входящего сшибало наповал ощущением дороговизны и богатства. Но интерьер меня приятно удивил и равнодушным не оставил.

Стены в здании были скупо оформлены декоративной штукатуркой и выкрашены в темные цвета, освещали пространство все те же косившие под старину фонари, внутри которых желтым светом неярко светили лампы с декоративной загогулиной вместо ламп накаливания. Внутри не было никаких сложных конструкций, тяжелых хрустальных люстр и дорогой парчи. Собственно, межэтажных перекрытий как таковых внутри тоже почти что не было. Напротив входа располагалась барная стойка от края до края, пересекая все здание поперек. Несколько настольных фонарей стояло и на барной стойке, создавая соответствующую атмосферу.

А вот за барной стойкой до самого потолка мансарды высился огромный открытый шкаф, заставленный бутылками. И где-то на уровне второго этажа у шкафа вместо части секций были огромные клетки, в которых извивались полуголые девицы: кто с шарфами, кто с перьями, кто с чем-то поинтереснее.

Парни на пару минут зависли, прям топчась у входа и перекрывая движение в обе стороны, — так хороши были девицы. Нарышкина тоже смотрела с интересом, хотя и

украдкой. А вот Демидова, как настоящая княжна, делала вид, что ничего особенного не происходит. Одна из самых очаровательных заповедей этикета, которая хоть и отмирает в современном обществе, но еще держится в силу разных сословных причин, — игнорирование!

Я покосился на девушек: все-таки они аристократки, а тут гоу-гоу танцовщицы бьются в оргазмических конвульсиях под музыку. Но ни Демидова, ни Нарышкина в обморок не упали и вообще не подавали никаких признаков конфликтов воспитания с жестокой реальностью.

Меж тем к Ермакову подлетела администратор, улыбаясь во все декольте, радостно покланялась хозяину и попросила следовать за ней на межэтажные балконы, обвивающие барные шкафы, но оставляющие прекрасный вид на толпу снизу.

— Нам наверх, — громко сказал Алексей, и тут я таки наконец заметил сдержанную сибирскую роскошь.

Мебель.

Мебель в помещении была такая, что впору выставлять в Эрмитаже, которого тут не существует. Диванчики с резными ножками, столешницы с инкрустацией из дорогих пород дерева, стулья с подлокотниками. Мягкая мебель обтянута дорогим натуральным шелком с каким-то цветочным орнаментом. В общем, ощущение однородности интерьера меня не покидало всю дорогу до посадочного места. Один неудачно набравшийся маг или просто веселая компания, и вся трехэтажная конструкция с веселым грохотом ухнет вниз, если только бутылки не приклеены.

И я вот проверять бы не стал, а Тугарин Змей не постеснялся.

— Алма-а-аз! — закатила глаза Нарышкина.

Бутылки, кстати, были не приклеены, и Юсупов поставил на наш стол первый пузырь — коньяк в круглой плоской бутылке.

— Ну еще скажи, что тебе самой не хотелось подбежать и пнуть этот шкаф посильнее, — весело ответил татарин.

Боярышня хихикнула, а Ермаков сделал вид, что все так и задумано.

За счет того, что колонки были направлены на первый этаж, мы не рисковали получить контузию, а также вполне могли разговаривать, не переходя на крик.

— Как вы приобрели это заведение? — спросил Нахимов оглядываясь.

На втором этаже за столиками помимо нас сидело еще несколько компаний, в основном молодые аристократы. Но были и дети богатых промышленников в компании девиц, не обремененных нормами морали.

— Отец захотел, чтобы я поупражнялся в управлении каким-нибудь простым делом, прежде чем выйти на работу в семейные предприятия, — ответил Ермаков.

А у богатых аристократов тренировка на кроликах выглядит как элитный бар в центре столицы. С другой стороны, я, например, отца парня понимал. Вот отучится он в университете, потом еще сколько-то лет послужит на благо Родины, а потом надо бы и семью кормить. А если глава семьи кроме как троекратное «ура!» ничего не умеет делать, то род быстро пойдет по миру, каким бы богатым ни был.

— И как? — оживился Лобачевский. — Нравится? Мне вот отец тоже хочет вручить дочку по производству микросхем, а я как-то больше по программному обеспечению, — закончил он мысль немного печально.

— Ну, это бар, здесь не может не нравиться, — сдержанно улыбнулся Ермаков. — Но головной боли с избытком. Каждая пятница заканчивается каким-нибудь веселым

балаганом, доводя отделение местной полиции до белого каления.

— Я бы тоже от бара не отказался, — вздохнул Новиков немного мечтательно. — Но мне светит лишь канцелярская должность в управлении по управлению всеми управлениями.

— Понимаю тебя, самому геодезия и бурение поперек горла, а куда деваться — семейное дело, — печально вздохнул парень.

В этот момент милая официантка, одетая в наглухо застегнутую рубашку с пиджаком и ультракороткую юбку, принесла нам меню. Меню здесь было оформлено в виде узкой гармошки в плотной обложке, раскладывающейся в большой лист, исписанный с двух сторон каллиграфическим почерком. Раскладывая эту конструкцию, я ожидал увидеть в содержании что-то типа крутона за три бакса.

Каково же было мое удивление, когда в разделе «суп» обнаружился милый сердцу борщ, в «салатах» — то самое оливье, а в «горячем» — простой, русский кусок хорошенько прожаренного мяса и целый раздел с пирогами.

— Ну как? — спросил Ермаков, оглядывая присутствующих довольным взглядом.

— Друг мой, ты определенно знаешь все печали и чаяния нашей страны, — ответил Нахимов. — Расстегаи с семгой и старая добрая водка. А где все эти остромодные канапешки на один укус и размазанная тонким слоем по тарелке капелька картофельного пюре с трюфельным маслом?

— Ты знаешь, когда отец только вручил мне торжественно бумаги от этого заведения вместе с напутственными э-э-э... словами для ускорения моего взросления, тут было все, как в лучших ресторанах Парижу. Дорого, чопорно и безвкусно. Но Дарьюшка предложила мне гениальную идею, — Ермаков приобнял засмущавшуюся княжну за плечи, — и это позволило сделать качественный прорыв.

— А ну-ка! — Юсупов подался вперед, изображая внимание.

— В первый день владения я переоделся и просочился в заведение как простолюдин.

— И что, никто из персонала не узнал в лицо? — с сомнением спросил Новиков.

— Откуда бы? — отмахнулся Ермаков. — Я же тут ни разу не был, только отец. И то, кажется, лишь когда документы оформлял при покупке. Так вот, переоделся и просочился. И, знаете, это оказался довольно интересный опыт!

— И смелый эксперимент, — заметила Нарышкина. — Случись что, семейный герб бы не защитил.

— Маша, Алексею предстоит служить на флоте, что ему какая-то ночь в баре, — с гордостью в голосе за своего жениха осадил подругу княжна Демидова.

Нарышкина хмыкнула, а Ермаков продолжил:

— Посидев тут ночь, послушав людей, большая часть из которых на самом деле простолюдины, нувориши и их свита, я понял, что надо менять концепцию заведения. Смена кухни, небольшое изменение интерьера...

— То есть тут не всегда было так жизнерадостно? — улыбнулся я, кивнув на темные стены.

— Что ты, тут были ужасно дорогие и просто ужасные обои, какое-то нелепое изобилие тканевых занавесок, огромные люстры из хрусталя... — начал описывать Ермаков все модные пережитки прошлого века. — В общем, весь этот пафос сильно давил на людей, мешая им тратить деньги. Зато теперь... — княжич улыбнулся с видом хищника, поймавшего резвую добычу в когти, — ...теперь дела идут прекрасно.

— С чем бы мы тебя и поздравили, если бы нам принесли хотя бы один бокал, —

заметил Лобачевский.

После этих слов бокалы на столе образовались моментально, словно телепортировались. А еще выпивка, холодные закуски и прочая снедь для разогрева, пока мы ожидаем горячее. Девушки заказали себе какие-то хитрые коктейли, а мы с парнями оказались единодушны в выборе — классика бессмертна, а потому водка в красивых, запотевших от холода графинах украсила наш стол. Трофейный коньяк было решено оставить до следующего раза — напиток был качественный, но под настроение сегодняшней встречи определенно не подходил.

— Что ж, господа, — поднявшись, произнес Ермаков, держа в руке маленькую стопку с золотой каймой по краю. — Я рад, что в нашей прекрасной компании случилось такое славное пополнение. Мне будет не страшно покидать стены Университета будущей весной. Я уверен, наше дело останется в надежных руках. И вне зависимости от того, где мы и кто мы, я надеюсь, каждый из нас всегда будет помнить, на чем стоит наше прекрасное государство. А стоит оно на нашей силе и чести, коих каждому из присутствующих здесь было даровано немало!

После таких красивых слов нельзя было не встать и никак нельзя было не выпить. Даже девушки поднялись со своих мест и приложились к напиткам, а уж мы-то с парнями лихо опрокинули каждый по стопке.

— Ну-с, — потер руки Ермаков, усаживаясь обратно, — Змий, наливай!

Там же, те же, спустя несколько часов

Что и говорить, не все аристократы умели пить.

Например, бедолага Лобачевский, которому хватило трех стопок, чтобы выдать длинный монолог об объектно-ориентированном программировании и значительном влиянии информационных технологий на нашу жизнь в ближайшем будущем. Я вот был с ним категорически согласен, особенно учитывая то, что застал в другом мире этап оплаты хлебушка часами, вот только парень после этой душераздирающей и мозговывносящей речи быстренько уснул, свернувшись калачиком на диване. Нарышкина заботливо укутала парня пледом, стробованным с персонала, и гения никто более не тревожил, продолжая заливать глаза.

Сама Нарышкина, как ни странно, не пила. Точнее, девушка регулярно прикладывалась к бокалу, но подозрительно не пьянела, и я быстро заметил, что она почти не пьет. Демидова, впрочем, тоже не сильно далеко ушла от подруги — княжна тянула и тянула коктейль через трубочку, хотя в стакане было больше растаявшего льда, чем алкоголя.

Девушек я понимал, сам дочери в свое время вычерпал маленькой ржавой ложечкой все мозги, чтоб в общественных местах да в неизвестных компаниях не вздумала пить, а уж тем более пить разлитое непонятно кем. Тут хоть компания была известная и место приличное, но груз ответственности за собственную добродетель на их плечах лежал немаленький. Одно дело, когда в светской хронике возникнет заголовок «Княжич такой-то надрался и буянил». И совсем другое, если будет написано «Княжна такая-то наалакалась и вела себя, как шальная императрица». Даже Нарышкина, которая хоть и мечтала отделаться от навязанного брака, но хотела сделать это красиво, а не скандально.

Нахимов, как потомственный военный, обладал даром пить и не пьянеть. Такие просто в один момент падают лицом в стол и пока не проснутся, к жизни их вернуть не может даже ведро ледяной воды. Ермаков с каждой новой стопкой терял весь свой сдержанный лоск и

пафос, превращаясь в совершенно обычного человека. Тот самый Леха, сосед по лестничной клетке, с которым мы били из рогатки фонари во дворе и вместе получали звездулей от отцов.

Новиков четко знал свою дозу приемлемого алкогольного опьянения и, достигнув ее, пить дальше наотрез отказался, предпочитая закусывать.

А вот мы с Тугариным, как настоящие богатыри, мерялись силушкой богатырской. На определенном этапе Юсупову стало скучно просто пить, и он решил, что самое время составить компанию пернатой девице в клетке, заставив Ермакова взвыть в голосину. Татарина мы, конечно, кое-как уgomонили, но этому парню сегодня остро требовались приключения. И он знал, как соблазнить меня составить ему компанию.

— Александр, есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, — громким шепотом произнес Алмаз.

В этот момент все участники мероприятия дошли до такого прекрасного состояния, когда никто уже не заметит, что кто-то шушукается отдельно от общего диалога.

— Излагай, — не стал сразу отказываться я.

— Есть одна очень интересная тема, где можно раздобыть денег для поддержания штанов.

— Вот как? — усмехнулся я. — Дай-ка угадаю: тема очень интересная и не очень законная?

— А ты кое-чего соображаешь! — радостно воскликнул княжич.

— И насколько незаконная? — прищурился я, догадываясь, в какую сторону клонит парень.

— Ну... — протянул он. — Это смотря как поймают. Участникам мало что грозит.

— А тебя уже ловили?

— Обижает? — возмутился парень.

— И как много там можно заработать для поддержания штанов? — прищурился я, размышляя, достаточно ли во мне алкоголя для такой авантюры.

Алмаз окинул меня оценивающим взглядом и ответил:

— На новый костюм поднять можно.

— И только? — прищурился я.

— А дальше — как пойдет. Зависит от твоих талантов. Но я тишком раздобыл запись с той потасовкой, у тебя талант — мое почтение!

Ага, талант. Дар божий просто.

— И к чему же этот талант ты предлагаешь мне приложить? — спросил я, уже зная ответ.

— Подпольные бои без правил, — хищно оскалили татарский Змей. — Никакой магии, чистая сила и скорость. Я сам время от времени люблю там поразмяться. Ну, знаешь, чтобы над душой не стояли блюстителы этикета и хороших манер.

Я кинул взгляд на часы. Два ночи — самое время для принятия эпохальных идиотских решений. Съездить к бывшей, сходить в магазин за хлебушком, стрельнуть сигаретку у гопоты, поменять вентиль в кране — все, что может разбавить скучные, серые будни, должно начинаться в два ночи. Желательно с пивом в руках.

Пива не было, была водка, последний кусочек сала на черном хлебушке, шикарный бар и агрессивное желание вернуть себе возможность покупать билеты в бизнес-класс.

— Ладно, — согласился я, — пойдем разомнемся.

Вот где должен прятаться нелегальный и очень нелюбимый бизнес? Наверное, в какой-нибудь промзоне за городом, думал я.

Ага, как же.

Битие лиц за деньги происходило чуть ли не в сердце столицы под боком у императора. Чтобы добраться до места, обещавшего стать для меня Эльдorado, Юсупов организовал нам такси у ресторана Ермакова.

Здесь еще не было агрегаторов, и машину нужно было ловить по старинке — голосуя на дороге или подходя к свободным таксистам. Автопарк у извозчиков бился на три категории: для аристократов, для состоятельных простолюдинов и для простых смертных. Машину высшей категории можно было только вызвать по телефону, но нам сегодня она была и не нужна. Юсупов ловким движением спрятал свой родовой перстень еще на выходе из ресторана, так что в центр города мы катились на самой дешевой машине из доступных. В народе ее ласково называли «Ульяшка», потому что производил ее уральский автомобильный завод, и выпускалась машина под техническим названием «У-22-25».

Она чем-то напоминала старую добрую пятерку «Жигулей», только если бы ее собирали с нежной педантичностью немцы, а потом отправили своим ходом из Владивостока в Москву. В общем, машина явно могла бы быть неплохого качества, но жизнь и стремление снизить себестоимость ее не пощадили.

А еще в этом мире такси были не цыплячьего, а приятного зеленого цвета. По бокам шли полосы шашечек, и шашечки же были на световом коробе на крышах автомобилей. Горит зеленая люстра — машина свободная, погашена — заказ взят.

— Куда едем? — спросил таксист, приятно удивив меня чистой русской речью.

— Пересечение Страстного бульвара и Тверской, — скомандовал Юсупов, и машина сорвалась с места.

Кажется, во всех мирах всех эпох для таксистов время — деньги, и наш извозчик исключением не был. Он мчался так, словно за ним несется императорская гвардия, пролетая на розовые сигналы светофора, поворачивая не со своих рядов и маневрируя по дороге так часто, как это не было нужно.

Будь я более трезв, я бы наверняка пристегнулся и начал бы горячо молиться за спасение своей души. Но мы с Юсуповым были в состоянии приятной лихой веселости, так что попросили водителя сделать музыку погромче и жать на гашетку поусерднее.

Пролетая по ночным улицам города, я подумал о том, что если отстраниться от машины и спутников, то можно даже представить, будто я все еще живу в своей реальности, потому что внешних различий в центрах городов было не так чтобы и много.

Однако это не меняло того факта, что многие дома и даже земли в городе были в частном владении. В большинстве своем — у аристократов, в меньшинстве — у купцов и промышленников. Здесь возникали некоторые сложности с обслуживанием пограничных территорий, поскольку частники, как правило, за своими владениями старались следить пристально, а вот муниципальная недвижимость и коммуникации в зависимости от района могли иметь состояние разной степени изношенности.

Например, Страстной бульвар был городским, а многие дома вдоль него принадлежали роду Нарышкиных. Бояре частенько за свой счет облагораживали улицу, ремонтировали

трубы, перепрокидывали провода и меняли в фонарях лампочки, за что бульвар в народе частенько именовали Нарышкинским. И видя прекрасный, ухоженный сквер, разбитый между встречными полосами дорожного полотна, я был склонен согласиться с народной мудростью — бульвар действительно Нарышкинский.

Тем больше меня удивило, что пункт нашего назначения расположен где-то здесь.

— Тормозни-ка тут, — скомандовал Юсупов, похлопав таксиста по плечу.

Мужик был опытный, так что тачка пьяно вильнула, подрезав две полосы, и, истерично взвизгнув, остановилась у тротуара. Как мы с княжичем от такого маневра лбами не вышибли лобовуху, осталось загадкой.

— Благодарствую, — Алмаз сунул водителю купюру, раза в два превышающую значение на таксометре, и мы выбрались из машины.

Ночная Москва весело гудела, витрины призывно сияли, окна ресторанов манили, рев пронсящих мимо дорогих авто будоражил. Молодость и горячий спирт в крови действовали как адреналин. Душа и тело жаждали активных действий. Желательно веселых приключений на свой филей.

Собственно, именно за ними, за приключениями, мы и отправлялись.

Юсупов уверенно шел по улице: от Страстного бульвара мы свернули на Тверскую и отправились вниз, в сторону Кремля. Я уже грешным делом подумал, что цель нашего путешествия располагается где-нибудь под Арсенальной башней, но княжич довольно быстро свернул с Тверской в один из переулков.

Стоило нам шагнуть прочь от света и шума одной из центральных улиц столицы, как мне показалось, будто вырубил и свет, и цвет, и звук. Переулок был полутемный, со скверным асфальтом, заставленный припаркованными автомобилями в несколько рядов. Грязные окна, местами зарешеченные, местами побитые, оббитая штукатурка на фасадах домов, сами дома с выцветшей краской.

Было сложно представить, что такая не то что неухоженная, а откровенно забытая улица может находиться рядом с шиком и блеском столицы империи.

Отойдя на достаточно приличное расстояние от Тверской, татарский княжич кивнул на один из дворов. Огромная арка, проходящая дом насквозь, была перегорожена облупившимися жестяными воротами, в одной из створок которых имелась калитка. Калитка сейчас была приглашающе распахнута, никакой охраны или иных соглядатаев в просматриваемом пространстве не наблюдалось. Я не исключал камеры, но тогда спрятаны они были достаточно ловко и в глаза не бросались. А вот яркий символ на стене из светодиодной ленты, изображавшей две кулака, бьющиеся костяшками пальцев, ослеплял.

— Готов поднять немного денег? — спросил Алмаз, прежде чем шагнуть в калитку.

— Как пионер, — ответил я.

— Что? — не понял княжич.

— Всегда готов, говорю, — поправился я спешно.

— Отлично. Если что — меня там знают как Тугарина Змея и никак иначе.

— Даже не сомневаюсь, — усмехнулся в ответ.

— А как мне представить тебя?

Чудеса креативности в третьем часу ночи мне отказывали, так что оригинальным меня назвать было нельзя, но что-то лучшее я сейчас придумать никак не мог.

— Представляй меня «Юрист», — ответил я.

— Ладушки, — согласился княжич, и мы шагнули за ворота.

Пройдя сквозь давящую весом всего здания арку, мы очутились во внутреннем несквозном дворе. Довольно большом, надо сказать, зеленом и весьма ухоженном. Внутри не было ни одной припаркованной машины, как и сносного освещения — горела лишь парочка весьма тусклых фонарей, чтоб посетители не переломали ноги раньше времени. Единственным ярким световым пятном во дворе была распахнутая настежь входная дверь по диагонали от входной арки, и именно туда-то мы и направлялись. Из дверного проема доносилась громкая, ритмичная музыка, и казалось, что внутри очередной тайный бар.

У двери курило некоторое количество людей в таком веселом состоянии, что мы на их фоне были просто сухи, как листья. Алмаз кивнул парочке курящих, поручкался с одним из охранников, перекинулся парой пустых фраз с другим, кивнул на меня, и мы, наконец, очутились в местном бойцовском клубе.

Узкий, заплеванной коридор, выкрашенный в мерзотный зеленый цвет маслянистой краской, сразу же создавал соответствующую атмосферу. Что характерно — даже внутри не было слышно ни шума боя, ни гула пьющего бара. Просто из колонок под потолком доносилось характерное «тыц-тыц-тыц» и время от времени нам попадались снующие туда-сюда люди.

Пройдя парочку поворотов и спустившись по узкой винтовой лестнице примерно на уровень минус второго этажа, мы, наконец, оказались в нужном месте. Точнее, на балконе, тянувшемся по периметру огромного бетонного зала, любовно отделанного профессиональной звукоизоляцией. Если не знать, что внутри происходит, можно подумать, что здесь работает какая-нибудь студия звукозаписи. Но большая клетка по центру зала рушила всякую легенду. Ну и беснующиеся вокруг нее люди тоже.

В целом, вся организация пространства напоминала Колизей, который в этом мире тоже сохранился в качестве огрызка истории. В партере у решетки слемился народ победнее, а дальше и чуть выше начинались сидячие места. В самых выгодных секторах это были не просто лавки или кресла, а столики с мягкими креслами, видом сверху на арену и очень услужливыми официантами. Вот туда-то уверенной походкой и шагал Тугарин Змей, в миру княжич Алмаз Юсупов.

Мы приземлились за один из пустых столиков, и к нам тут же подскочила смазливая официантка в одежде дешевой проститутки:

— Чего изволите?

— Водку, запивку, закуску и Афины.

— Будет исполнено в лучшем виде, — многообещающе улыбнулась официантка и испарилась.

Мне съем девиц сегодня был интересен в последнюю очередь, больше занимала драка, происходящая в клетке. Там коренастый тяжеловес лупил какого-то высокого парня. Со стороны выглядело так, словно пузырь пытается отделать соломинку, но та, не теряя оптимизма, нарезает круги по периметру клетки.

— Афина — это имя или сценический псевдоним? — вяло поинтересовался я, когда пузырь в очередной раз догнал соломинку.

— Тебя что-то смущает, сладенький? — раздался женский голос, и я повернул голову.

За наш стол с львиной грацией опустилась девушка. Если прочие женщины из обслуги имели вид довольно потасканный, то эта была свежа, и сама бы кого хочешь зажала в углу двумя своими аргументами пятого размера.

Аргументацию она свою не стеснялась демонстрировать, а потому декольте у девушки

было что надо. Оно притягивало взгляд против воли, какой бы выдержкой ты ни обладал.

Помимо бюста, у девушки имелась и яркая, бросающаяся в глаза прическа — волосы Афины были цвета фуксии. Здесь не существовало моды на яркое окрашивание у женщин, но некоторым на такие мелочи, как общественное мнение, было откровенно плевать. Одного взгляда на Афину было достаточно, чтобы понять: она — одна из этих людей.

— Праздное любопытство, — спокойно ответил я, выдержав взгляд девушки.

— Афина, познакомься, это мой товарищ и очень талантливый парень. Он бы хотел поучаствовать сегодня в боях.

Афина окинула меня новым, оценивающим взглядом. Но не как девушка оценивает парня, а как торговец оценивает лошадь.

— Могу зубы показать, — оскалился я, заставив девушку громко рассмеяться, запрокинув голову.

— Ты смешной, сладенький, — протянула она, отсмеявшись, и спросила серьезным тоном. — Он совершеннолетний?

— Обижаешь, — протянул Алмаз.

— А точно хочет выйти? — с сомнением спросила Афина, покосившись на клетку. — Там все по-взрослому, ты же знаешь.

— Точно хочет, — отозвался я. — И прекрати говорить так, как будто меня здесь не существует.

— Ну что ты, ты очень даже существуешь! — горячо проговорила Афина, а затем громким шепотом добавила: — Возможно, недолго, но тем не менее...

Как воспитанные люди, мы с Юсуповым сделали вид, что не заметили этого бубнежа.

— Как тебя представить-то, сладенький? — спросила Афина, придя к какому-то решению.

— Юрист, — отозвался я.

Афина нехорошо прищурилась:

— Юрист? Змий, если ты приволок полицейского...

— То мне ничего за это не будет, — спокойно сказал Юсупов. — В следующий раз подумай хорошенько, прежде чем пытаться мне угрожать, пусть даже и в шуточной форме.

Афина захлопнула рот на полуслове так, что даже зубы клацнули. Но долго молчать она явно не могла:

— Ну и по каким темам ты юрист? — с легким ехидством спросила девушка.

Я оскалился в своей лучшей рабочей улыбке и ответил:

— По особо тяжким.

— Посмотрим, будешь ли ты таким же веселым и заводным под конец вечера, — вздохнула Афина, покачав головой.

Затем девушка щелкнула пальцами, и к нам подскочила официантка с папочкой наперевес.

— На вот, почитай отказ от всяких претензий на случай тяжелых телесных или летального исхода.

— Ты посмотри, действительно все по-взрослому, — усмехнулся я, просматривая текст.

Ничего особенного там не было: если вдруг что, то никто ни к кому не в претензии, денежки дают наличностью сразу по окончании боя, магия исключена полностью — все бойцы надевают блокираторы. Каждый участник проводит до трех боев за ночь. Победитель определяется одним из вариантов: нокаут противника, добровольная сдача, технический

нокаут.

— Технический нокаут? — удивился я.

— Это когда один из бойцов не может физически продолжать бой, — пояснил Юсупов.

— Да, например, если переломаны руки и ноги, — широко улыбнулась Афина.

— Я не спрашивал, что это, я удивился фактом наличия, — ответил я, ставя подписи под документом.

— Ну мы же не звери, — возмутилась Афина, сцапав мои бумаги. — У нас честный бизнес!

Алмаз хохотнул, я тоже улыбнулся, но девушка сделала вид, что не заметила наше ехидство.

— Тебя пригласят, — сказала она, поднимаясь из-за нашего столика.

Посмотрела на меня еще раз внимательно, покачала головой и ушла.

— Она в тебя не верит, — сказал княжич.

— Я заметил. И мне все равно, — ответил я.

— У Афины потрясающая чуйка на бойцов. Она всегда комбинирует очень интересных противников. Но в твоём случае она ошибается, и я хочу на это посмотреть.

«И посмотреть, и пощупать, уж говорите прямо, Алмаз Маратович», — подумал я.

Но вместо этого решил выяснить что-то более важное:

— Кто она? Хозяйка?

— Нет, что ты. Управляющая.

— Она? — удивился я.

— Тю, ты не смотри, что баба. Возможно, именно потому, что баба, так хорошо и работает. Кому надо — девчонку подложит, кому надо — баблишка занесет. А кому надо — коленную чашечку прострелит и не поморщится.

— Интересно... А кто хозяин? — спросил я без особой надежды.

— Не знаю, — равнодушно пожал плечами княжич. — Вроде кто-то из наших, но клубу уже скоро лет десять, до сих пор никого не поймали за руку.

Не то чтобы мне было сильно интересно, на чьей я территории собираюсь бить лица, но будет максимально неловко узнать, что это все принадлежит кому-то из Императорской фракции.

Впрочем, это не моя головная боль...

Спустя полчаса, за которые Юсупов успел ополовинить графин и подчистить пару тарелок с закуской, а я уже начать трезветь, к нам в очередной раз подошла официантка.

— Господина Юриста ожидают, — сказала она негромко мне на ухо.

Я кивнул Алмазу и поднялся на ноги. Тот молча кивнул мне, не тратя время на бессмысленные напутствия.

Меня отвели в небольшую комнату, похожую на примерку, разве что не было зеркала с лампочками. Вешалка для вещей, диван, небольшой столик, бутылка с водой, туалет — вот и весь интерьер.

Я повесил пиджак на плечики, расстегнул пуговицы на манжетах рубашки и принялся закатывать рукава. Одежда к бою, прямо скажем, не располагала, но одеваться в предложенные заведения красные трусы у меня не было ни малейшего желания.

Я даже успел немного заскучать, когда в дверь без стука ворвалась Афина.

— Готов?

— Как видишь.

Девушка пожевала губами и вздохнула:

— Мне это не нравится, но я доверяю Тугаринской чуйке. Как правило, она его не подводит. Мне все равно, зачем тебе нужны деньги, но ты наверняка в очень скверной ситуации, раз пришел сюда. Но если вдруг что... помни, что никакие деньги не стоят проломленной башки. Если поймешь, что не тянешь — сдавайся. Пять минут позора на арене иногда стоят возможности ходить.

Я понимал, что она говорит о чем-то глубоко личном, поэтому благодарно кивнул:

— Я тебя услышал. Спасибо.

— Тогда вперед! — оскалилась Афина, защелкивая на моих запястьях блокираторы.

А спустя минуту я, глубоко вздохнув, шагнул в клетку под свет софитов. Все агрессивное веселье, перекатывающееся пузырьками по венам в эту ночь, мгновенно пропало, стоило замку в двери за моей спиной щелкнуть.

Я стоял, засунув руки в карманы, и вполуха слушал зычный голос Афины, объявляющей мой бой с парнем, стоявшим напротив. Он был моей весовой категории и явно участвовал не первый раз. Парень играл на публику: посылал воздушные поцелуйчики дамам, играл мышцами, а под конец и вовсе разодрал на себе плюгавенькую майку. В древности воины перед битвой заводили себя всяким рычанием-кричанием, пожалуй, тут было нечто схожее, разве что парень больше напоминал павиана: уж больно активно красовался.

Впрочем, это могло не мешать ему быть неплохим бойцом. Но что такое неплохой боец против профессионального военного?

Ничего.

— Бой! — звонко крикнула Афина, и зрители радостно загудели.

Мой противник, имя которого я прослушал, а про себя назвал Красавчиком, полностью оправдывал ассоциацию с павианом. Он пошел на меня красивой модельной походкой, чуть пританцовывая в процессе. Зрители рукоплескали, представление им нравилось. Если бы сейчас на арену полетели дамские трусики, я бы, наверное, даже не удивился.

В целом, ассоциация с Колизеем была правильная. Афина ставила шоу, и шоу должно было заставлять зрителей делать ставки и покупать выпивку в местном баре по конским ценам. И тут у меня была одна проблемка — я танцевать не любил, раздеваться не собирался, и по личному опыту знал, что настоящий профессиональный рукопашный бой чем короче, тем лучше. Собственно, что рассусоливать, если можешь сразу поломать противника?

И вот пока я размышлял, Красавчик дотанцевал до меня и отвесил шутовской поклон, да такой низкий, что я мог бы отрубить его прям в этой позе при большом желании.

Собственно, что я и сделал, решив, что актерского таланта мне ни в той, ни в этой жизни не дали, зато на память я не жаловался. Чуть сместившись в сторону, я рубанул ребром ладони, попав точно между первым и вторым позвонком.

Красавчик плюхнулся на пол, и зал растерянно замолчал. Понимаю, ребята, вы рассчитывали на гладиаторские бои, ну или в крайнем случае на потасовку в подворотне, а тут оказалось избиение младенцев. Я бы за такие деньги тоже не понял юмора, но что делать.

— И в этой схватке побеждает ЮРИ-И-И-И-ИСТ! — в динамиках раздался голо Афины.

Чувствовалось, что девушка тоже не ожидала такого поворота событий, но ситуацией управляла. И, собственно, только следующая фраза спасла ее от недовольного волнения толпы:

— А теперь давайте поприветствуем второго противника — ПАУ-У-У-УК!

Зрители взорвались овациями. Сложно сказать, то ли потому что им пообещали новый бой без перекура, то ли потому что Паук был у аудитории в любимчиках, то ли потому что все надеялись, что меня забьют сегодня насмерть.

Практически без промедления в клетку ко мне зашел уже раздетый по пояс парень. Из примечательного, ну кроме голого торса со следами старых шрамов, у него имелась татуировка в виде паука в паутине. Паук был спокоен и уверен в себе. В принципе, если шрамы получены в результате реальных потасовок, а воровской символ не красоты ради, передо мной весьма интересный тип.

Но я в своей прошлой жизни повидал дебилов со шрамированием, расписанных под хохлому и без какого-либо понимания что и зачем сделано, так что...

Будем узнавать методом тыка.

— БО-О-О-О-ОЙ! — раздалось в динамиках.

И противник сразу же сорвался с места. Он метнулся влево, метнулся вправо и сделал это так быстро, что у меня возникли подозрения, работают ли его блокираторы.

Поскольку я продолжал стоять на месте, Паук атаковал. Я отвел его кулак в сторону и потянулся к горлу, чтобы уронить противника, но он меня блокировал.

Мы отпрыгнули друг от друга и пошли по периметру клетки, а зрители недовольно загудели. Им хотелось крови, но с кровью были сложности — Паук оказался очень осторожным. Бегать за ним по кругу я посчитал полным идиотизмом, атаковать в лоб — тоже. Парень не выглядел сильным, не выглядел дураком, но было ли у него что-то посущественнее чрезвычайной осторожности, я пока не понял.

Поэтому пришлось снова застыть на месте, буквально приглашая противника к атаке.

За решеткой началось вообще улюлюканье и освистывание. И, кажется, у Паука была более сложная финансовая ситуация, чем у меня, потому как он опять рванул в атаку. На этот раз в лоб, просто и без изысков. Я чуть сместился в последний момент, пропуская противника мимо, и сделал подсечку. Паук потерял равновесие, но не рухнул бесформенным мешком, а красиво перекатился.

Неплохо.

Еще две атаки прошли так же, мы прощупывали друг друга, а вот третья уже была настоящей. Никаких поглаживаний и отскакиваний. Паук рванул на меня, пытаясь пробить в печень — блок — в горло — блок — в селезенку — блок.

Парень умел драться и довольно неплохо, он был быстрым и с хорошо поставленными ударами. Но у него не хватало опыта, по крайней мере, по сравнению со мной. И следующая его попытка ударить мне куда-то в солнечное сплетение закончилась весьма болезненно.

Для него.

Я одновременно ударил его ногой по голени и взял атакующую руку в захват. Паук не удержал равновесия, так что секундой позже я уже медленно выворачивал его плечевой сустав под радостные визги зрителей.

Выворачивал и ждал, когда тот начнет колотить по полу, сдаваясь, но парень героически терпел.

— Сдавайся, — негромко произнес я. — Иначе я сломаю тебе руку так, что ты уже никогда не войдешь в клетку.

Противник кинул на меня ненавидящий взгляд, но лишь плотнее сжал губы. Люди за железной решеткой скандировали «ЛО-МАЙ, ЛО-МАЙ», а я медлил. Происходящее было бессмысленно даже для шоу, стремительно бледнеющий на полу парень здесь был явно не из праздного любопытства, а я все-таки не последняя сволочь, чтоб калечить людей на потеху публике. Даже за очень большие деньги.

— Ладно... — вздохнул я. — Тушим свет.

И, ослабив захват, дернул парня за руку, ставя на ноги. Чтобы тут же вдарить ему в челюсть, а затем аккуратненько, придерживая за ту же многострадальную руку, уложить на пол.

Зал снова не понял и растерянно замолчал. Мне подумалось, что где-то ржет Тугарин, а у Афины дергается глаз. Но девчонка была профессионалом, так что:

— И снова побеждает ЮРИ-И-И-И-ИСТ! — прогрехотали динамики.

Зрители не поняли, рады они или нет, поэтому крики были громкие, но какие-то растерянные. Паука быстренько и не очень бережно вынесли, оставив меня одного дожидаться следующего противника. Я медленно прохаживал по арене, заложив руки в карманы, и рассматривал толпу. Толпа рассматривала меня. И мы не знали, как друг с другом взаимодействовать. Это как когда ты пишешь в налоговую, потому что честно хочешь отдать свои кровные любимому государству, а в ответ тебе приходит огромное письмо на трех листах, в котором есть куча оборотов и ссылок на какие-то там документы, но ровным

счетом ничего по сути вопроса. Вроде и пообщались, а вроде бы и нет.

Так и тут.

Я провел два боя, но их нельзя назвать ни зрелищными, ни эмоциональными. Зато эффективными, это да.

Вообще у меня было ощущение, что богатыря привели в песочницу, и он под громкое улюлюканье окружающих отнимает лопатки у детей. По совочку за раунд.

Собственно, когда я уже окончательно заскучал, в клетку зашел третий противник. И тут, что называется, я понял, что скучно не будет.

— По вашим просьбам! Не оставим Юристу шансов уйти чистеньким! Не оставим? — заводила толпу Афина.

Толпа предсказуемо заводилась.

— Вашему вниманию! Любимец арены! Не проигравший ни одного боя! ОРЕ-Е-Е-Е-ЕЛ!

Это был матерый мужик, именно что мужик. Орел тоже был в одних спортивных штанах, демонстрируя всем свои шикарные татуировки: от лопаток через плечи и до самых запястий были отрисованы два крыла.

Мой новый противник повидал многое и многое умел. Это было заметно невооруженным взглядом, легко читалось по движениям, глазам, как он опустил голову, едва ступил в клетку, защищая горло.

Что ж, это будет интересно.

— БО-О-О-О-ОЙ! — крикнула Афина.

На целое мгновение мы застыли друг против друга, словно размышляя, с какой стороны подойти к этой задаче, а потом оба сорвались в движение.

Подпольный бойцовский клуб, Афина

Афина всегда знала, что от Тугарина будут проблемы. Но она ожидала, что проблемы принесет сам парень, у которого, даже несмотря на отсутствие родового перстня, по роже легко угадывалась сытая аристократическая жизнь.

Но все оказалось гораздо сложнее.

Этот ушлый татарин приволок какого-то пацана, именно что пацана, зеленого и не слишком крепкого, и решил выставить на бой. Сначала Афина думала, что Змий просто хотел сломать мальчишке жизнь. Ей стало его жалко, и она выставила не слишком сильного, но все равно неплохого бойца. Думала, что это будет если не битва на равных, то хотя бы позволит избежать избиения младенцев на ее арене.

Но парень как-то странно быстро победил. Ладно, у Морды, прозванного так за личико, которое он с упорством маньяка собирал заново каждый раз после особенно неудачных боев, была дебилная привычка играть на публику. Но еще ни у кого не хватало наглости или сообразительности сыграть на тщеславии этого кукольного идиота.

Поняв, что парень Тугарина не совсем беспомощная принцесса, Афина вывела Паука. Тот был должен Хозяину просто прорву денег, так что еще один необременительный бой на арене в уплату долга не должен был стать проблемой.

И, в принципе, не стал. После недолгого и не слишком красивого прощупывания друг друга парни сошлись, и Юрист заломал Паука. У Афины сердце ухнуло куда-то ниже уровня фундамента — если сейчас Паука поломают так, что больше не сможет биться, то его спишут, как ненужный балласт, не задумываясь о том, что у балласта есть жена, дети и длинные счета в клиниках Москвы, которые каждый месяц надо было убить, но оплатить.

Вот Паук и убивался.

Но Юрист как почувствовал, что противник в слабой позиции, и пожалел бедолагу. Афина облегченно выдохнула и хотела уже свернуть на сегодня представление, но в кармане зазвонил телефон. Надпись на дисплее не предвещала ничего хорошего.

— Добрый вечер? — сказала девушка, облизав пересохшие губы.

— Выставь Орла.

Афина шумно втянула воздух, судорожно ища возможность отвертеться от приказа. Но Хозяин не дал вставить ей и слова:

— Выставь-выставь. Люди заскучали, это нехорошо. Пусть поучит пацана полетать. Глядишь, научится, — посмеялся мужчина на том конце провода и положил трубку.

Афине показалось, что она целую вечность сжимает трубку, тупо пялясь на экран телефона. Но у нее тоже были счета, которые нужно регулярно платить.

— Простите... — прошептала она и поднесла микрофон к губам.

— По вашим просьбам! Не оставим Юристу шансов уйти чистеньким! Не оставим? — говорила Афина, стараясь не смотреть в сторону, где сидел Тугарин.

— Вашему вниманию! Любимец арены! Не проигравший ни одного боя! ОРЕ-Е-Е-Е-ЕЛ!

Толпа забилась в экстазе. Орла любили, Орла обожали. В битвах с ним всегда ставили на то, КАК проиграет противник, а не кто победит. Орел был предсказуемо хорош с управляемым уровнем жестокости. Афина не знала, откуда он и где научился тому, чему научился, но его привел кто-то из проверенных клиентов, и он очень быстро стал фаворитом клуба.

И вот теперь он был в клетке с зеленым пацаном, а в ставках уже принимали на «леталку».

Афина закусил губу и впиалась взглядом в металлический короб в центре подвала.

Бойцы, казалось, целую вечность смотрели друг на друга, а затем сорвались навстречу. И если в первую секунду Афина думала, что Орел одним движением вобьет пацана в пол клетки, то спустя полминуты поймала себя на том, что стоит, приложив ладони ко рту.

Это было потрясающе.

Они двигались похоже, почти что синхронно. Били и блокировали одинаково, не уступали друг другу ни в силе, ни в скорости, ни в ловкости. Обменявшись пробными, почти что тренировочными ударами, бойцы разошлись, чтобы сойтись снова, но на этот раз уже по-настоящему.

Как правило, бой в клетке некрасив. Очень быстро он скатывается в катание по полу двух озверевших от адреналина и боли людей. Их не разнимают, их никак не регулируют, нет ни судей, ни правил. Просто голая драка, где должен победить сильнейший.

Но эти.

Эти двое...

Они показывали просто высший класс. Когда Юрист пытался пробить Орлу в челюсть, тот останавливал кулак ладонью. Когда Орел пытался взять руку Юриста в захват, тот мог сделать безумный кульбит, освобождая руку и одновременно пытаясь ударить с ноги. Кувырок, обратное сальто, удар в воздухе с ноги — они делали то, что никто и никогда не делал в этой клетке.

Афина с трудом оторвала взгляд от арены, чтобы осмотреть зал, и поняла, что партер встал.

ПАРТЕР ВСТАЛ!

Новиковым будем бить кому-то лица, а потом это дело бурно отмечать.

Когда мы распрощались с Афиной и вышли на улицу, небо уже посветлело. Сонная Тверская была укутана в мягкий утренний туман, и после подвала хотелось дышать и дышать полной грудью.

— У тебя есть счет в каком-нибудь банке? — спросил Юсупов.

— Нет, — покачал я головой.

— Самое время завести, — уверенно сказал парень.

— Возможно. Что-то посоветуешь?

— Это лучше спросить у Лобачевского. Он у нас большой любитель аналитики, быстренько расскажет тебе все плюсы и минусы текущих игроков рынка, — усмехнулся Юсупов.

— Спасибо, — я взглянул на княжича.

Тот лишь кивнул и посмотрел на наручные часы.

— У нас все еще есть небольшой шанс успеть на пары. Едем?

Медицинский корпус Императорского государственного университета, Василиса Корсакова

Василиса открыла глаза и долго смотрела на белый потолок, пытаясь понять, где она. Девушка медленно собирала обрывки воспоминаний в последовательную цепочку: Александр Мирный, за которого она почему-то беспокоилась больше, чем за собственную инициацию, сама инициация, отозвавшаяся фантомной головной болью, упрямое желание выйти на своих ногах из этой угнетающей железной клетки...

Вставая с этого адского кресла, Василиса уже знала, что далеко не уйдет. Но ей казалось, что сил хватит дошагать до какого-нибудь стульчика, а там сесть и старым проверенным бабушкиным способом опустить голову ниже коленей, чтобы кровь вернулась к голове и связь с миром не оборвалась.

И она шла, с каждым новым шагом понимая, что шансы дойти до любого стульчика стремительно уменьшаются. Оставалось только одно — упасть, не разбив лица, иначе это будет совсем позорище.

И когда мир начал стремительно пропадать за белыми пятнами, появился он.

Тот, о котором она почему-то ужасно волновалась этим утром. Тот, о котором она думала больше, чем стоило бы думать приличной девушке. Тот, в чьем присутствии меньше всего на свете хотелось распластаться на полу.

Девушке, конечно, хотелось упасть в руки этому парню, но явно не таким образом.

Василиса закрыла лицо ладонями и застонала. Позор! Позорище!

— О, я смотрю, ты быстро пришла в чувство, — раздался мужской голос, и если бы Корсакова могла, она бы подпрыгнула от неожиданности.

Датчики противно запищали, фиксируя учащение пульса.

Корсакова повернула голову, чтобы понять, что у изголовья кровати сидит Разумовский. Тренер хоть выглядел привычно мрачным и недовольным, но даже от рассеянного взгляда девушки не укрылось, что мужчина давно не спал.

— Есть две новости — плохая и хорошая. Плохая — у тебя слабая физическая подготовка, поэтому работать с магией будет намного сложнее, чем парням. Хорошая — это можно исправить, чем и займемся в ближайшее время, даже если тебе не очень хочется. А пока отдыхай и готовься к кошмарным тренировкам.

Разумовский встал, по-отечески потрепал ее по волосам и вышел, оставив пребывать в глубокой задумчивости.

«Меня зовут Дмитрий Евгеньевич Разумовский, и с этого дня я ваша мама, папа и лучшая подруга».

Тренировочный полигон Императорского Государственного Университета, Александр Мирный

Настоящей магией мы начали заниматься только под конец недели. К этому времени Василиса уже стала появляться на парах, да и вообще несколько поредевшие места в аудиториях после инициации снова стали заполняться.

Тренировки были три раза в неделю, на выходных полигоны работали в свободном доступе для желающих с парочкой дежурящих преподавателей. На время занятий полигон

делили на несколько секций, разделяя группы символическими ленточками с кольшками. Так что сегодня народ толпился каждый в своем загончике, ожидая начала занятия, но в основном все были поглощены тем, что рассматривали нас.

Нас — это меня, Новикова и Корсакову. Впрочем, возможно, я себе льстил, и рассматривали только Корсакову. Василиса была в спортивном костюме фирмы «Барс», лично мне напоминавший небезызвестный спортивный бренд с тремя полосочками, только тут логотип был в виде когтистой лапы. Штаны эффектно обтягивали попку, а под безразмерной олимпийкой скрывался спортивный топ, демонстрирующий великолепный плоский животик девушки. Когда Василиса расстегнула и сбросила куртку, начав разминаться, Иван тихо сказал:

— А у тебя глаз-алмаз! Жаль, я просмотрел...

Я показал Новикову кулак, максимально доступно информируя пацана о том, что его ждет, если начнет дышать не в ту сторону.

— Да я что? Я ничего! — хмыкнул боярич.

В это время Разумовский изволил явиться на наше занятие. Мужчина был в традиционно скверном расположении духа, и его мрачная морда лица нисколько не посветлела при виде любимых учеников.

— Я смотрю, только Корсакова догадалась использовать время занятия по назначению, — без приветствия начал тренер.

Мы с Новиковым даже оправдываться не стали — утро было самым тяжелым временем суток для любого нормального студента.

Хотя за что мне нравилась вторая жизнь — так это за вторую молодость. Столько сил, столько энергии! Помню, когда у нас с женой в возрасте «чуть за тридцать» родился третий ребенок, я думал, сдохну от недосыпа. А сейчас вот, не спав путем несколько дней подряд, вполне себе бодр и даже местами свеж.

Ну красота же.

— Магия исходит отсюда, — вещал Разумовский, постучав пальцем себя по виску, — но это не значит, что все остальное должно быть похоже на кисель. Так что начнем с круга по полигону. Бегом марш!

Мы втроем растерянно переглянулись — никто из других групп не бегал, некоторые уже начали худо-бедно пытаться колдовать.

— ЖИВО!!! — по-армейски гаркнул тренер, и Корсакова первая рванула с места, не выдержав морального давления.

Мы с Иваном синхронно вздохнули и побежали за ней. Василиса дала скорости на короткой дистанции, но быстро выдохлась и поплелась. Так что мы догнали ее примерно на середине круга, но Новиков решил не сбавлять скорость, а я подстроился под темп девушки.

— Догнал, — улыбнулся я Корсаковой.

Василиса кинула на меня заинтересованный взгляд и продолжила сосредоточенно смотреть на дорожку перед собой. Хотелось поболтать с девушкой, но она бежала на волевых, старательно экономя дыхание, так что пришлось просто составить ей приятную компанию.

Новиков ждал нас на финише, демонстративно отрабатывая бег на месте. Так что к Разумовскому мы вернулись втроем, красивым ровным рядом.

— Отвратительно, — резюмировал тренер.

Я технически был с ним согласен, но физические дисциплины не являлись частью

вступительных испытаний, так что согнувшаяся пополам и пытающаяся восстановить дыхание Корсакова лично у меня вызывала желание посадить бедняжку на мягкое кресло, а не гонять с дрыном по беговой дорожке.

— Корсакова, утро твое теперь будет начинаться с пробежки. И если как-нибудь я приду на полигон и не увижу тебя наворачивающей здесь круги, мало не покажется. Это ясно? — с нажимом спросил тренер.

— Ясно, — мрачно ответила девушка, поджав губы.

— Теперь вы, — Разумовский окинул нас взглядом, словно пытаясь придумать какую-нибудь кару небесную, но формально придраться было не к чему. — Свои хорошие манеры оставьте для бабских салонов. Здесь никто не играет в поддавки, и у меня нет задачи сделать из вас слаженную команду. Есть задача сделать из каждого первоклассного мага первого разряда. И знаете, что для этого нужно?

Мы с Новиковым благоразумно молчали.

Я, конечно, чувствовал некоторое раздражение, что на меня, вообще-то взрослого мужика, отца семейства, военного с нескромным послужным списком и целой шкатулкой знаков отличия, отчитывают, как мальчишку. Но, с другой стороны, я и был в этом мире мальчишкой, так что монолог Разумовского совершенно по-мальчишески пропускал мимо ушей.

— Для этого мне нужно знать, на что вы реально способны. А вы мне тут устроили променад под ручку с барышней и бег на месте с подпрыгиванием.

Да если бы за ручку!

Разумовский недовольно вздохнул и скомандовал:

— Новиков, Мирный, еще круг. Корсакова, отжиматься умеешь?

— А?

Мы с Иваном замерли: интересно же было, сумеет ли Василиса отжаться хоть разок.

— Вам что, особое приглашение надо?! — рявкнул Разумовский. — БЕГОМ МАРШ!

Вот ведь вредный мужик, всю малину обломал!

Спустя еще два круга по полигону, Дмитрий Евгеньевич сменил гнев на милость, и мы наконец-то подошли вплотную к занятиям настоящей магией.

— Магия рождается здесь, — Разумовский снова постучал пальцами по виску. — Ваш разум — ваша сила. Нельзя бездумно натренировать магическую мышцу, чтобы бить сильнее, кидать дальше. Но вы можете натренировать свое сознание так, чтобы техника давалась вам легко. А если вы сможете реализовать хотя бы половину своего магического потенциала, то большинство существующих техник станет вам доступно. Это почти как выучить таблицу умножения. Сколько будет дважды два? Ответ приходит на автомате. Здесь так же.

С этими словами мужчина повел рукой в воздухе и там, где его ладонь на мгновение задерживалась, материализовывалось металлическое лезвие, висящее в воздухе плашмя. Разумовский повернул ладонь вертикально, и все лезвия за ним приняли вертикальное положение. Мужчина сделал вращающее движение пальцем, и лезвия крутанулись вокруг своей оси. А затем он коротко рубанул ребром ладони воздух, и все лезвия воткнулись в землю на полную длину.

— Какие выводы из этого вы можете сделать? — спросил Разумовский.

— Что у вас открыто семь стихий? — негромко ответила Корсакова.

У мужчины чуть дернулся уголок рта, обозначая улыбку.

— Верно, но к теме разговора это не относится. А выводы такие — к концу обучения вы должны уметь не меньше моего. А лучше — больше. Итак, начнем с азов. Кто сможет материализовать каплю воды из воздуха?

Тренировка началась.

Не скажу, что было просто. Но нельзя сказать, что было сложно. Как и всякая работа, магия требовала напряжения и сосредоточенности. После инициации я не ощущал никаких особенных различий в своем состоянии, пока сегодня впервые не попробовал применить дар. Это было очень странное, новое чувство. Напрашивалась шутка про двоемыслие, но тут не было Оруэлла, и вряд ли бы кто-то ее понял.

Я могу думать про каплю воды, а могу *думать*. В первом случае воображение бы просто рисовало картинку, а во втором кончики пальцев начинало покалывать, а воздух передо мной чуть рябить, выжимаясь досуха.

Для человека, жившего в веке высоких технологий, когда по фотографиям не лечили, а искали преступников по камерам, в метро можно было оплатить проезд лицом, а еду заказать в телефоне с доставкой за полчаса, вот это вот шаманство и колдунство тяжело укладывалось в голове. Верить, что я, человек, пользовавшийся оптическим прицелом и спутниковой системой навигации, сейчас создам каплю воды силой мысли, было очень трудно.

И честно сказать, когда у меня получилась эта самая капля, я так охренел, что не удержал ее в воздухе. Магия!!! Настоящая, всамделишная магия! Не в компьютерной графике, не в телевизоре, а вот прямо тут, созданная моими руками. Ведь одно дело — знать, что она существует где-то абстрактно в мире, и совершенно другое — пользоваться ей самому.

— Мирный, это что за халтура? Еще раз! — рявкнул Разумовский, стоящий в этот момент над душой у Новикова.

И я повторил еще раз. И еще раз. И еще раз. И так до самого окончания тренировки. Под конец занятия мы втроем имели вид такой, словно не мы выжимали воздух, а Разумовский выжимал нас.

— Достаточно, — скомандовал тренер, когда время подошло к концу. — Корсакова — неплохо для первого раза. Новиков — прекрати щелкать клювом на девиц в соседних группах, пока я тебя туда не перевел. Мирный — просто отвратительно. Мог бы уже создавать туман, но сам витаешь где-то в облаках.

Спорить с этим было сложно, я действительно был немного занят тем, что укладывал происходящее в голове.

— На сегодня все. Продолжим завтра, — отпустил нас тренер.

— Но на завтра в расписании у нас нет тренировок... — растерянно заметила Корсакова.

— В расписании, может, и нет, — согласился Разумовский. — А у вас будут. Свободны.

Москва, Главный военный клинический госпиталь имени Бурденко.

— Стареешь, Серега! — усмехнулся Лютый, плюхаясь на кушетку.

Лежащего на ней мужчину немного подбросило, и тот сердито зашипел.

— Выйду отсюда — покажу, кто тут стареет, — недовольно процедил пациент.

— Это обязательно, — кивнул Майор. — Лучше расскажи по существу.

Сергей Орлов, инструктор по рукопашному бою подразделения майора Лютого, с

кряхтением спихнул товарища со своей кровати.

— Да что тут говорить, сам видишь, — мрачно отозвался Орлов, проводя ладонью по татуировке крыла от плеча до запястья.

Под пальцами привычно ощущались шрамы, которые прятал рисунок.

— На что похоже? — прищурился Лютый.

— Если бы отец пацана не помер, когда тот пешком под стол ходил, я бы подумал, что тот успел его поднатаскать. Но так... понимаешь, такому в сиротском приюте не научат. Даже самые отбитые беспризорники так не дерутся. Это была не драка, это был профессиональный бой. Либо кто-то его много лет готовил. Либо это редкий талант, который схватывает на лету.

— Если бы готовил, мы бы об этом знали, — покачал головой Лютый.

Мужчины помолчали, Орлов немного покряхтел, меняя позу.

— Ты тут давай не изображай умирающего, — строгим тоном сказал майор.

— Да как ты мог обо мне такое подумать! Я, может быть, одной ногой в могиле каждый раз после этих вылазок!

— Одной ногой в могиле твои противники, а ты одной ногой в собственной трешке после этих вылазок, — усмехнулся Лютый. — Не надо тут мне мозги пудрить. Давай приводи себя в порядок, а то некому парней гонять.

— Долго мне еще там изображать гладиатора? — недовольным тоном спросил Орлов. — Мне, конечно, приятно получать бонус к зарплате, но это немного не тот контингент, с которым приятно проводить время.

— Пока не знаю, — нехотя ответил Лютый. — Ребята щупают, ищут. Ты ж понимаешь, наша кавалерия является строго под занавес для финального акта.

А чтобы положить в пол Хозяина подпольного бойцовского клуба, неплохо для начала выяснить, кто он.

— Александр, слышал ли ты последние сплетни? — накручивая на палец рыжий локон, поинтересовалась боярышня Нарышкина.

Субботнее утро в столовой начиналось сонно и лениво. Наша компания сначала долго и мучительно стягивалась, затем так же неторопливо жевала завтрак, и вот, наконец, дойдя до кофе, присутствующие стали более или менее готовы складывать звуки в слова.

— Сплетнями не интересуюсь, — честно ответил я, вливая жирные сливки в свой черный кофе.

— Очень недальновидно! — покачала головой девушка. — Тем более что у меня — самые проверенные и самые важные сплетни. И касаются они напрямую тебя!

— Мария, сжался, — произнес Нахимов, у которого, судя по лицу, пятница удалась.

— Просим, просим, — княжна Демидова вытянула руки и сделала парочку демонстративных хлопков.

— Александр? — рыжая бестия поиграла бровями.

— Подыграй ей! — громким шепотом попросил Юсупов. — Иначе нам житья не будет.

Я пригубил кофе, немного помолчал, выдерживая театральную паузу, и, подняв взгляд на боярышню, спросил:

— Мария?

Девушка несколько секунд замороженно смотрела мне в глаза, потом моргнула, почему-то вспыхнула и уткнулась в свою чашку. Демидова удивленно приподняла брови, а Ермаков показал мне большой палец. Мало кто мог смутить разбитную боярышню.

— Ма-ри-я? — повторил я, протягивая ее имя по слогам.

Нарышкина неловко кашлянула, прочищая горло. А когда подняла голову, уже нацепила обратно свою излюбленную маску. Попыталась, по крайней мере.

— Так вот, сплетни, — проговорила она, словно продолжала свою мысль. — Говорят, что инцидент с нападением на Александра дошел до государя. И тот очень заинтересовался произошедшим. Вызывал ректора на ковер, долго того отчитывал.

Присутствующие удивленно переглянулись.

— Это действительно интересно, — протянул Ермаков.

— И странно, — нахмурился Нахимов. — Император редко когда интересуется такими, кхм, незначительными инцидентами. Не в обиду Александру, его победа, безусловно, невероятна, но все-таки Его Величество очень далеко от нас.

— Если только кто-то не принес ему эту новость вместо утренних газет, — как будто невзначай произнесла Дарья.

— Не я, — поднял руки Ермаков, и вслед за ним повторили:

— Не я, — Нарышкина.

— Не я, — Юсупов.

— Не я, — Лобачевский.

— Я вообще из сибирской деревни, — закончил Новиков переключку.

— Ладно, если это не наши семьи, — задумчиво проговорила княжна Демидова, обводя нас внимательным взглядом. — Тогда кто?

И все почему-то уставились на меня.

— Меня больше интересует другой вопрос — чем это грозит? — спросил я.

— Ну тебе-то, наверное, ничем, — задумчиво протянула Нарышкина. — А вот ректора пропесочат по полной. И этих... которые на тебя напали. Легко уже не отделаются, как бы их ни покрывали.

— Минимум каторга на урановых рудниках, — подтвердил Лобачевский.

— А максимум? — спросила Нарышкина.

Вместо ответа Алексей опустил большой палец вниз, древним жестом обрисовывая перспективы нападавших.

— Но на самом деле даже пристальное внимание Его Величества вряд ли в корне изменит все судопроизводство, — нахмурился боярич Лобачевский. — Потому что с Долгоруковым-младшим эту историю вряд ли свяжут. Уж больно древний и влиятельный род, а доказательства — косвенные.

— Зато хоть ректора встряхнут хорошенько, — подал голос мрачный Новиков, — а то совсем зажрался на государственных харчах.

— Тут такое дело, Иван... — медленно проговорила княжна Демидова. — Главное, чтобы следующий оказался не хуже нынешнего. Этот хоть уже набил карманы и что-то делает на своей должности. А новый будет поправлять свое материальное положение с нуля.

— И на это позитивной ноте я вынужден откланяться, — громыхнул Юсупов. — У меня сегодня семейный обед, на котором маменька обязательно попытается сделать мне внушение о прелестях семейной жизни.

— Мой тебе совет, Алмаз, выбирай сам, пока за тебя не выбрали, — усмехнулся Ермаков.

— Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! — заявил Юсупов, заставив девушек презрительно фыркнуть, а парней нервно хохотнуть.

— Мы тоже вынуждены откланяться, — Ермаков поднялся сам и помог подняться своей невесте.

— Традициями крепка Русь, — вздохнул Нахимов, поднимаясь следом.

За ним ушла Нарышкина, обещая сохранить традиции и потрепать родителям нервы, и последним должен был откланяться Лобачевский.

— Алексей, пока ты не ушел. Удели минутку времени, дай добрый совет, — попросил я. Парень, уже встающий со стула, удивленно плюхнулся обратно.

— Даже не знаю, чем бы я мог тебе помочь, — честно признался Алексей.

— Алмаз сказал, что ты мог бы посоветовать какой-нибудь банк, — не стал я ходить вокруг да около.

— Банк... — задумчиво повторил за мной парень, забарабанив тонкими, длинными пальцами по столешнице. — Банк... Если твои операции не превышают миллиона в месяц, я бы посоветовал пользоваться услугами Сберегательного банка. Он государственный, а потому шансов обанкротиться у него никаких, много отделений по всей стране. Если же тебе нужен банк для операций с крупными суммами и без лишних вопросов, то Квибанк вполне подойдет, но я бы не рекомендовал. У них перманентно сидят проверки, ищут вчерашний день и обязательно его найдут.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я боярича.

— А теперь я все же откланяюсь. Меня тоже ждет долгий разговор о семейной преемственности, но, в отличие от нашего дорогого Змия, я бы лучше поговорил о невестах, чем о предприятиях.

— А меня никто не ждет, — вздохнул Новиков без особого сожаления. — Сибирь-

матушка далеко, чем и спасаюсь.

— Как это «никто»? — усмехнулся я. — Нас ждет кислая мина Разумовского и тренировка.

Ладно, кислую мину Разумовского лично для меня компенсировало присутствие Корсаковой и возможность расширить свой магический арсенал.

Полигон был практически пустой. Только где-то на противоположном от нас конце двое парней тренировали стихию Деревя, выращивая и рассеивая разноцветный газон.

Занятие началось с традиционного забега, который мы с Новиковым преодолели в легкую. А вот Корсакова еще полчаса после нашего финиша пыхтела где-то на дистанции.

Но Разумовский слово сдержал и не стал ровнять нас по самому слабому звену, а потому сразу после простенькой разминки показал нам следующий этап в управлении стихией — лед. Задача была та же, что и вчера: создать капельку воды и заморозить ее.

— Как только создадите три льдинки — будете свободны, — с ехидной усмешкой произнес Разумовский, оставляя нас наедине с магией и переключаясь на Корсакову.

Было ощущение, что Разумовский хочет сделать из нее полноценного бойца, так усиленно он гонял девчонку по упражнениям. И это был не ламповый фитнес для домохозяйек, а прям серьезная физическая подготовка.

В итоге Василиса присоединилась к нашим магическим потугам, когда у Ивана уже почти получилось справиться с поставленной задачей. Ну как почти...

— Новиков, я не понял, — Разумовский двумя пальцами взял крошечный шарик, созданный бояричем, — ты технику применяешь или варишь яйца «в мешочек»?

С этими словами тренер сжал пальцы, демонстрируя, что ледяная у капли воды только корка, и та не слишком прочная.

— Мирный, а это что? — мужчина кивнул на созданные мной капли воды, расставленные в красивом порядке в воздухе.

— C_2H_5OH ! — бодро ответил я.

У тренера, кажется, дернулся глаз.

— Мы что, химию изучаем? — вкрадчивым тоном поинтересовался Разумовский.

— Ну, мне хотелось понять, могу ли я оперировать несколькими объектами одновременно, — честно ответил я.

— Тема сегодняшнего занятия — лед, — процедил тренер. — А не манипуляция несколькими объектами.

— Пожалуйста, — пожал плечами в ответ и провел ладонью по воздуху, замораживая все капли.

Теперь передо мной висела формула спирта, выполненная в ледяном исполнении.

Разумовский пожевал губами, рассматривая конструкцию. Взял одну льдинку, пощупал, покатавал меж пальцев, вернул на место. Последнее, кстати, далось мне непросто — держать все объекты на своих местах и подвешивать новый оказалось сложнее, чем просто удерживать все неподвижно.

— Ладно, — нехотя протянул Разумовский, — зачет. Свободен. А вы... — мужчина повернулся к Ивану с Василисой. — Я не понял, а вы чем занимаетесь? Работать!

Оставив товарищей страдать надо льдом, я отправился в общежитие, чтобы привести себя в порядок, а оттуда — сразу в банк.

Миллион рублей наличными выглядел всего лишь как две пачки пятитысячных купюр и легко помещался во внутреннем кармане пиджака. Ближайшее к университету отделение

Сберсберегательного банка было расположено на Житной улице, то есть внутри Садового кольца. В принципе, пешим шагом полчаса, так что я решил прогуляться.

Погода стояла осенняя, но теплая и солнечная, напоминая о том, что скоро снега будет по уши и нужно ловить момент. Я шел по городу, рассматривая машины, несущиеся по Большой Донской улице. Были и узнаваемые модели, например, немецкие мерседесы, японские тойоты, американские форды. А были и совершенно незнакомые. Например, отечественный автопром был абсолютно для меня неизвестен. «Ульяшки» и «Пузыри» для тех, кто победнее, «Лебеди» и «Дуксы» для тех, кто посостоятельнее, ну а «Руссо-Балт» и «Нижегородцы» для самых состоятельных людей.

Если сравнивать с машинами моего прошлого мира, то «Ульяшки» и «Пузыри» по соотношению цена/качество были где-то в районе «Жигулей», «Лебеди» и «Дуксы» — близки к дешевеньким иномаркам типа Форд Фокус, а «Руссо-Балт» и «Нижегородцы» могли потягаться с элитной тройкой немецкого автопрома. «Нижегородцы», кстати, мне очень сильно напоминали «Волгу», выпускались тоже в Нижнем Новгороде, только сделаны были не в пример добросовестнее своих визави из моего мира.

«Аурусъ», кстати, тут тоже существовали, но ездили на них исключительно члены правящей семьи, и простым смертным они были недоступны ни при каких условиях.

Отделение Сберсберегательного банка находилось в симпатичном четырехэтажном здании, с лепниной и декоративными колоннами, огромными окнами и палисадником с несколькими историческими деревьями. У каждого дерева стоял колышек с табличкой, кто, когда и зачем посадил. В деревьях не было никакой системы, поэтому на территории были дубы, березы, тополя и еще парочка приветов аллергикам.

Я прошел через калитку для посетителей мимо мрачного вида охранника, страдающего от безделья в своей будке, пересек дендрологический музей и толкнул тяжелые деревянные створки входных дверей.

Внутри я ожидал увидеть что-то типа отделения всем известного зеленого банка и, собственно, был близок к истине, только Сберсберегательная касса своим цветом выбрала золото, поскольку доллара, как мировой валюты, здесь не существовало.

На входе меня ждала симпатичная девушка в белой рубашке и черной юбке по колени. У сотрудницы была золоченая брошь с логотипом банка и шейный платок приятного желтого цвета.

— Добрый день! — широко улыбнулась она. — Чем могу помочь?

— Мне бы открыть счет и положить на него средства, — ответил я осматриваясь.

Клиентская часть банка напоминала длинный коридор по обе стороны от входа. Справа проводились операции с физиками, слева — с юриками. Сотрудники сидели за массивными столами, а клиенты — на мягких креслах с подлокотниками. Стены были оклеены декоративными обоями с цветочным орнаментом и украшены картинами в тяжелых рамах. Компьютеры, камеры наблюдения и мониторы с внутренними объявлениями смотрелись неуместно.

— Вы уже являетесь клиентом нашего банка?

— Еще нет, но очень хочу им стать, — ответил я, применяя к девушке все возможное обаяние юности.

Пожалуй, это сработало, потому что меня провели сквозь весь зал к самой дальней сотруднице. Тоже молодой и весьма хорошенькой девчонке.

— Какую операцию желаете провести? — нацепив дежурную улыбку, спросила

девушка.

Кинув быстрый взгляд на бейдж с именем сотрудницы, я решил, что неплохо было бы выделиться из серой массы хотя бы ради более добросовестного обслуживания.

— Виктория, — я медленно проговорил ее имя, словно смакуя, — я бы хотел открыть в вашем банке счет, выпустить дебетовую карту и зачислить на него наличные.

Девушка несколько секунд смотрела на меня, словно зачарованная, а затем моргнула и чуть смущенно уточнила:

— Большую... кхм, простите... Большую сумму хотите внести?

Я молча показал два пальца. У Виктории глаза на лоб полезли. Она написала что-то на клочке бумаги и показала мне.

«2 000 000?»

— Все верно, — кивнул я.

Девушка снова посмотрела на меня внимательно, а я внутренне напрягся — если сейчас она вызовет службу безопасности, которая начнет задавать неудобные вопросы, внятного объяснения, откуда у нищего студента взялись два рубля, у меня нет.

Но обошлось.

— Что ж, вы выбрали лучший банк для этого, — вернув себе профессиональный тон, произнесла Виктория и заклацала длинными ноготками по клавиатуре, периодически бросая на меня недвусмысленные взгляды из-под ресниц.

— А как вы думаете, может этот самый лучший банк организовать мне пластиковую карту сейчас? — спросил я невзначай, как будто ответ не имел для меня никакого значения.

— Сейчас? — удивленно переспросила Виктория.

— Да, — улыбнулся я. — Сейчас.

Девушка облизала губы и, извинившись, упорхнула согласовывать с начальством «сейчас».

«Сейчас», конечно, не получилось. Пришлось почти два часа маяться в банке, заполняя бумажки, отсиживая очередь в окно кассы, ожидая оперативного выпуска карты. Но в конечном счете я все-таки стал обладателем кусочка пластика золотого цвета.

В этом мире уже были банкоматы и карточки, но еще не было мобильных приложений, так что банки присылали текстовые сообщения после каждой операции. Чувствуя легкую ностальгию, я спрятал карту во внутренний карман, и, мысленно составляя список первых покупок, вышел из здания.

Путь мой лежал обратно в сторону университета, потому что таскаться одному по магазинам я был морально не готов, а вот поймать кого-нибудь составить мне компанию шансы были. Новиков наверняка мается бездельем, хотя лучше бы, конечно, чтобы Корсакова проявила добродетель и помогла мужчине справиться с тяжелейшим выбором костюмов.

— Закурить не найдется? — вырвал меня из своих мыслей парень моего возраста, одетый в спортивный костюм.

— Не курю, — ответил я, машинально пытаюсь обойти незнакомца.

— А, может, все-таки? — оскалился парень, демонстрируя, что в кармане его спортивной куртки ствол.

Я вздохнул, понимая, что со спины опять подходят какие-то отчаянные типы. Конечно, магией я еще владею примерно никак, рукопашка против огнестрела так же эффективна, как карандаш против бульдозера, да и вообще мы на оживленной улице среди бела дня, а не в

темном закоулке университетской территории.

— Ну не курю я, что ж теперь, пристрелить меня за это? — приподнял брови, перекидывая вес с ноги на ногу, чтоб уйти с линии огня.

— Ну тогда позвонить?

— Чего?

— Позвонить, говорю, дай. Телефон, небось, с камерой?

Я вылутился на парня так, что тот поежился. Хотелось обнять и расцеловать гопника, как родного! Столько ностальгии впихнуть в две фразы — это надо было постараться. Девяностые, я по вам, конечно, не скучал, но можем повторить.

— Ну, допустим, с камерой, — оскалился я, подаваясь вперед, чтобы немного шугануть парня своим неадекватным поведением.

Тот шуганулся, но вместо того, чтобы стрелять или бежать, как положено нормальной шпане, скосил глаза куда-то вбок.

А в следующее мгновение я почувствовал укол в бедро и странное ощущение легкости. Транквилизатор, серьезно?

Да блин, ну что началось-то, нормально ж все было.

Лубянская площадь, Москва

Игорь Вячеславович Лютый лютовал. Вернее сказать, орал. В основном матом.

— Ты угораешь, что ли? Вам зеленого пацана дали попасти, и вы его пролюбили прямо среди бела дня на широкой улице?!

Телефонная трубка в пальцах майора что-то оправдательно залепетала, а у мужчины глаза начали наливаться кровью.

— ...один в туалет отошел, другой за кофе...

— ВДВОЕМ ПРОЛЮБИЛИ?!

Окна в кабинете жалобно бдзынькнули.

— ...в первый раз...

— Первый и последний! Кто им сказал, что в армии работать мозгами не надо?!

На том конце трубки уже чувствовали, что шансов на оправдание никаких, посыпать голову пеплом бесполезно, проще сразу вздернуться.

— С тобой и твоими кретинами я потом разберусь, — процедил Лютый и положил трубку.

С минуту мужчина сияющим от избытка эмоций и магии взглядом смотрел в пространство, пока стена напротив не начала легонько дымиться. Игорь Вячеславович прикрыл глаза, сделал глубокий вздох и выбрав на телефоне нужный контакт, нажал дозвон.

— Привет. Да нормально. Ну как нормально, если звоню, то не очень, конечно. Слушай, тут дебилы Понтифика одного пацана пролюбили. Да, прямо при свете ясного дня... да откуда я знаю, где он их берет? Да, надо бы найти. Можешь пошаманить по своим камерам? Спасибо, жду.

Лютый откинулся в кресле и зло хрустнул пальцами. Понаберут идиотов по объявлению, а тебе потом с ними работать...

И где, блин, теперь этого талантливого до проблемности птенца искать?

Москва, заброшенная стройка в промышленной зоне на востоке города

Сознание возвращалось толчками. Ощущение было давно забытым и премерзким. Хотелось разлепить веки и скорее осмотреться, но я сдержал первый рефлекторный порыв и для начала попытался определить свое положение в пространстве.

Итак, меня любезно усадили на стул и нелюбезно заковали в наручники за спинкой этого самого стула. Судя по тому, что руки еще не сильно затекли, сделали это сравнительно недавно. В воздухе пахло строительной пылью, чувствовался противный сквозняк и был слышен шум оживленной магистрали. Не так далеко, но и не так близко, чтобы можно было выскочить прямо на проезжую часть.

В общем, заброшенная стройка. Прямо-таки нестареющая классика.

— Ты на кой хрен ему лошадиную дозу всадил? — донесся до меня противный сиплый голос.

— Я думал, он на вас кинется! — с оправдывающимися нотками ответил ему другой. — Мне из тачки ж не слышно было, о чем вы там терли.

— Да о чем бы ни терли, что б он нам сделал? Один против четверых?

— Да кто его знает. Я ж на всякий случай...

— На какой, в жопу, всякий случай? Он сколько еще тут будет слюни пускать? Мы тут до завтрашнего утра сидеть будем?

— Зато никакого ненужного насилия! Аккуратно погрузили, аккуратно привезли.

— А ты, я смотрю, пацифистом заделался?

Из этого весьма содержательного разговора можно было сделать три вывода. Первое, я нужен был им живым. Второе, они меня побаиваются. И третье — это не спецура. Спецура не так приглашает на личные беседы.

Я выждал еще немного, а затем демонстративно застонал, открывая глаза. Пока картинно мотал головой из стороны в сторону, успел осмотреться. Ну да, стройка. Какая-то бетонная многоэтажка из тех, что строят-строят и бросают на середине пути, чтобы потом они много лет мозолили глаза местным жителям.

— О, наша спящая красавица проснулась.

Я нашел глазами говорившего. Это был мужчина средних лет, одетый в милитари, но к военным не имеющий никакого отношения. Накаченный и коротко стриженный, ранее он в разговоре не участвовал.

А вот пару других я опознал легко. «Пацифист», выстреливший в меня транквилизатором, щуплый и высокий. А его сиплый коллега с побитым жизнью лицом, наоборот, коренастый и широкий в плечах.

— Ну и что вам от меня нужно? — спросил я негромко, разлепив пересохшие губы.

Действие транквилизатора прошло, но последствия все же остались. Ужасно хотелось пить, но хоть голова соображала приемлемо.

— Поговорить, — объявил «Вояка», явно главарь этой банды.

— Поговорить? Ну давай... поговорим, — откинув голову назад и изо всех сил изображая недомогание, согласился я. — Только мне б водички сначала, добрые люди. А то я такими темпами сдохну от обезвоживания. Кто ж вас учил по людям такими конскими дозами стрелять?

Для пущего эффекта я еще и глаза закатил, и голову уронил на грудь, чем вызвал немалый переполох у схвативших меня бандитов. Умение изобразить труп — не самый сложный навык, его даже актеры мыльных опер могут осилить при должном старании.

Кто бы ни заказал меня, очевидно, что сэкономил на мне знатно. Ведь эти парни не были профессионалами, максимум — низкосортная наемная братия. Не из тех, кто по горячим точкам носится, отстреливая заказанных людей. А шантрапа, крышующая рынки и вышибающая зубы, чтобы спросить долг.

Так что мое маленькое представление ожидаемо привело к нужному результату.

— Дай ему воды, — распорядился «Вояка».

Щелчок взводимого курка я услышал прекрасно. Главарь все же решил держать меня на мушке. И это прекрасно — мне бы и самому пригодился ствол. Там на улице, перед тем, как электричество выключили, было как минимум четверо, еще один стрелял из машины. «Вояки» с ними не было, значит, итого шесть. Как раз на один магазин.

Прошуршали подошвы ботинок, хрупнула сворачиваемая крышка с бутылки. Ко мне приближаться не спешили, но я проявил все свои актерские суперспособности и не двигался, расслабив все тело. Так что «Пацифист», которому и отдали приказ, все же приставил горлышко бутылки к моему рту.

Первый глоток пролился мимо губ, намочив одежду, но я сделал вид, что прихожу в чувство и сам потянулся к бутылке. Пара глотков, чтобы смочить горло, и можно открывать

глаза.

— Все, отойди от него! — приказал «Вояка».

«Пацифист» послушался, его шаги звучали торопливо. А я медленно поднял веки.

От человека, который на твоих глазах теряет сознание, никто не ждет угрозы. Вот и эта бригада заметно расслабилась. Даже «Вояка» опустил пистолет.

— Так, о чем это я? — уже чуть громче произнес я, глядя на «Сиплого».

— Наш Хозяин тобой крайне недоволен, — заговорил «Вояка». — Ты поломал крылышки Орлу. Лишил заведение чемпиона. И должен теперь отработать нанесенный твоими действиями ущерб.

Я откинул голову назад, но на этот раз — от разобравшего меня смеха.

— Что смешного? — спросил «Вояка».

— Серьезно, ребята? — перестав смеяться, переспросил я. — Кто вас вообще на эту работу нанял? Вербуете чемпиона такими методами? Да предложили бы мне денег, да и все. Нет, вы меня похитили, накачали едва ли не смертельной дозой снотворного. А если бы я просто сдох или анафилактический шок словил, что бы вы стали делать?

— Мне кажется, он не понимает, где он находится, — заметил «Пацифист».

— Сейчас я его протрезвлю, — с угрозой в голосе произнес «Сиплый», подходя ближе и заноса руку.

Я же все это время пытался освободиться от наручников. Благо, Разумовский поработал с нами не зря. Воздух вокруг моих запястий был высушен, а скопившуюся воду я загнал в механизм запора. Магия — это ж почти что физика, а всем известно, что вода при замерзании расширяется. Все, что требовалось сделать — создать достаточную концентрацию, чтобы силы хватило выдавить наружу запоры.

— Так дела не делаются, — заметил я, когда «Сиплему» оставалось до меня всего пара шагов. — Отгони своих идиотов, если действительно хочешь говорить.

Последнее я сказал, глядя в глаза главаря. Игнорируя почти подобравшегося ко мне шестерку.

«Вояка» не подвел. Какие-то зачатки мозга в его голове все же имелись, сообразил, что я не сопротивляюсь и готов к диалогу. К тому же его подручные меня чуть не угрохали, за что Хозяин бы «Вояку» по головке бы явно не погладил.

— Уйдите, я сам все порешаю, — приказал главарь.

Оба подчиненных поспешно покинули бетонный мешок, и в помещение словно добавили воздуха. И пока идиоты шаркали ногами, замок в наручниках поддался стихии. Так что теперь я был по-настоящему готов к конструктивному диалогу.

— Ну вот, совсем другое дело, — кивнул я, когда мы остались наедине. — Так что там насчет боев?

Главарь окончательно расслабился.

— У тебя будет соглашение с клубом, Юрист, — произнес он. — Выходишь на финальный бой, показываешь красивую победу. И часть долга с тебя списывают.

— И большой долг? — живо заинтересовался я.

— А это уж как Хозяин решит, — оскалился «Вояка».

— Разумно, — кивнул я. — Не дашь еще воды, в горле першит?

И закашлялся для большей убедительности, чем окончательно растопил лед между нами. Переставший видеть во мне какую-либо угрозу, главарь поднял с пола бутылку, оставленную «Пацифистом», и сделал шаг ко мне.

Я был, можно сказать, идеальным собеседником. Пошел на контакт, не спорил, просто выяснял детали. В глазах этого гопника я уже сломался и готов подписаться под любой блудняк, в который меня втягивают. А к такому клиенту и силу применять не надо.

Пистолет он держал в другой руке, все еще опущенной. Но я не обольщался — ствол повернуть дело доли секунды. Тем более курок взведен, пуля наготове.

Сделав несколько плотков, я кивнул, показывая, что бутылку можно убрать. И когда «Вояка» отвел взгляд, рефлекторно ища, куда деть емкость, я выбросил руки из-за спины и одной вцепился в правое запястье, не давая направить на себя оружие, а пальцами второй ломая бандиту ухо.

В пустом бетонном помещении выстрел рявкнул оглушительно. «Вояка» попытался вырвать оружие, но я уже поднимался на ноги. Удар лбом в переносицу заставил бандита потерять ориентацию. Но он продолжал нажимать на спусковой крючок, расстреливая боезапас. Упрямый, падаль.

В коридоре раздались крики и топот ботинок. К нам спешили со всех ног как минимум три человека. А «Вояка» все никак не мог успокоиться, всаживая в бетон одну пулю за другой, пока пистолет не защелкал впустую. Черт, а я на него, между прочим, имел виды.

Удар пальцем в глаз заставил главаря прекратить дергаться и позволил мне отобрать ствол, по ходу дела ломая противнику запястье. Пока «Вояка» истошно выл от боли, я заломил ему рабочую руку и развернул, прикрывшись как живым щитом.

Первым внутрь вбежал, широко разевая рот, «Пацифист». Увидев наше близкое знакомство с «Воякой», он потянул руку за спину, явно планируя достать что-то поинтереснее транквилизатора. Но шансов применить огнестрел у него не было.

Повинуясь чистому вдохновению, я воспользовался магией.

Боеприпас изо льда возник в стволе пистолета по моей воле. Я не был уверен, что с первого раза попаду в цель силой мысли, но точно не промажу из пистолета. Привычное нажатие на курок, механика отработывает штатно, и боек бьет в лед. Немного магического усилия и вуаля: в голове бандита возникла аккуратная дырка, украшенная снежной бороздой.

«Вояка» взвыл, пытаясь высвободиться из моего захвата, и я приставил дуло ему к виску.

— А ну тихо! — рявкнул я.

И толкнул бандита вперед, продолжая держать его в качестве живого щита. А к нам уже влетел «Сиплый».

Этому не досталось ни оружия, ни, очевидно, мозгов. Иначе как еще объяснить, что угомонить человека со стволом он хотел парой кастетов с приваренным лезвием ножа к каждому? Никто тут не собирался с ним боксировать.

Дважды щелкнул пистолет, посылая ледяные пули в противника, и «Сиплый» повалился на пол, зажимая горло. Если он после этого выживет, не только сипеть, но и хрипеть начнет. Но мои противники, как правило, не воскресают.

Третья пуля поставила точку в существовании «Сиплого», а мы с «Воякой» пошли дальше.

— Кто тебя послал? — надавив на руку, потребовал я.

— Нас хозяин клуба нанял! — завопил главарь.

Это не наемник, это обычный уличный бандит. Хранить секрет своего нанимателя он бы не стал ни при каких обстоятельствах. Тем более — когда на его глазах из пустого пистолета убивают двух подельников. Не та это братия, ни чести, ни достоинства.

— Имя! — рыкнул я, вновь приставляя дуло к виску главаря.

— Не знаю я его имени! Все его Грифом зовут!..

— Точно не знаешь? Ну-ка поклянись!

— Чтоб я сдох!

— Это можно, — согласился я, после чего пробил пистолетом его висок.

Как говорил мой первый учитель в структурах, даже пустой пистолет — опасная штука, если правильно приложить его к голове противника.

Вернувшись назад, я пинком перевернул тело «Пацифиста». Несмотря на слова об отсутствии насилия, сам разбойничек не гнушался таскать с собой шестизарядный револьвер внушительного калибра. С таким можно на медведя ходить, человеку уж точно конечности поотрывает.

Проверив, что барабан полон, я убрал пустой пистолет главаря за спину и двинулся обратно в коридор. Переступил через тело «Вояки» и прислушался.

Никто больше не бежал на помощь своему главарю. Хотя я четко слышал, что бегунов в момент стрельбы было трое. С учетом общего количества моих новых друзей, где-то по стройке должны отираться еще трое, помимо уже убитых. Память услужливо подкинула несколько схожих моментов из прошлой жизни, когда какой-нибудь дохрена умный враг умудрялся притаиться в щели, в надежде потом открыть огонь, когда ты уже прошел мимо.

С тех пор я пообстрелялся.

Так что двигался осторожно, внимательно осматриваясь и старательно прислушиваясь. Различить дыхание, конечно, даже в гулком бетоне с расстояния не выйдет, а вот шорох подошв по бетону — запросто. Волнующийся человек обязательно будет двигаться, нервничать, и в итоге и сам не заметит, сколько шума реально создает.

Так что первого бандита, сидящего за поворотом, — того самого гопника, что остановил меня на улице, — я обнаружил раньше, чем тот понял, что я уже рядом. Немного подумав, я сменил револьвер на пистолет и воспользовался уже хорошо зарекомендовавшей себя ледяной пулей.

Тело гопника осело на пол, а я обогатился еще одним стволом.

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать, — пробормотал я, продолжая двигаться по зданию. — Кто не спрятался, я не виноват.

Последние два пассажира обнаружили у лестничной клетки. Оба стояли в напряжении, держа оружие наизготовку. Разочаровывать парней я не стал, так что первый красиво полетел в шахту лифта, отброшенный инерцией от револьверной пули, а второй осел на пол с красивой заиндевелой дырочкой во лбу и выражением легкой растерянности на лице.

И вот теперь я уже совершенно спокойно прошел к виднеющемуся выходу. Территория незаконченной стройки была огорожена удивительно хорошо сохранившимся бетонным забором, в распахнутые ворота которого именно сейчас влетали полицейские автомобили.

Натянув на лицо доброжелательную улыбку, я демонстративно медленно опустил оружие на землю. И когда из первой машины выскочил сотрудник доблестных органов, я уже стоял с поднятыми руками.

Кавалерия прибыла как раз тогда, когда в ней уже никто не нуждается.

Классика.

Кабинет главы Свободной фракции, Лефортовский дворец, Москва.

— Это что за срань, Виталия? — процедил Меншиков-старший, стуча ногтем по экрану монитора, развернутого к гостю.

Виталий Михайлович Долгоруков даже не повернул голову в сторону экрана. Он и так прекрасно знал, что там увидит.

Там четверо магов из охраны его наследничка пытались отпинать пацана без магии.

— Ну, что не смотришь? Ты посмотри хорошенько, вдруг не рассмотрел еще?

Долгоруков сжал губы в тонкую линию. Ему никогда не нравилось подчиняться Меншикову. Род Долгоруковых был старше, был больше, мог быть бы сильнее.

Должен был быть.

Но у большого и древнего рода всегда есть одна невидимая глазу проблема.

Внутренняя борьба за власть.

Право принимать решение за весь род, право заключать сделки от его имени, начинать родовые войны или обращаться за милостью к императору — все это было правом и обязанностью главы рода. В разных семьях вопрос преемственности решался по-разному: где-то следовали давним традициям от старшего к старшему, перебирая всех братьев по очереди. Где-то власть держала одна ветвь и передавала от отца к сыну. А где-то, например, у Долгоруковых, сесть в кресло главы рода можно было одним-единственным способом: по праву сильнейшего.

И это на самом деле было болью и печалью всего рода. Ведь сильнейший маг не всегда лучший управленец. И даже сильнейшего мага, победившего на дуэли всех противников, можно убрать с доски множеством легких способов. Цианистый калий в чае ведь никто не отменял.

Так что поколениями род Долгоруковых ел сам себя, пока в кресло главы рода не сел Виталий Михайлович. Чтобы отдать сыну сплоченную семью, полную казну, сильные позиции на политической арене.

— Ну чего молчишь? Ты в курсе, что весть об этой детской драке дошла уже до государя? Нет? Так вот теперь в курсе.

Долгоруков-старший на миг прикрыл глаза, чувствуя накатывающее бешенство. Но это было лишь мгновение — Виталий Михайлович умел держать себя в руках.

— Ты его не контролируешь! Ты понимаешь, что это плохо сказывается не только на тебе? На всех нас!

— Я с этим разберусь, — спокойно проговорил Виталий Михайлович.

— Уж будь любезен, — недовольно скривил губы Меншиков. — Иначе разберусь я. И мои методы тебе точно не понравятся.

Долгоруков нехорошо прищурился.

— Ты мне угрожаешь, что ли, Павлуша?

Виталий Михайлович Долгоруков, конечно, имел меньше власти и влияния на российской политической арене. Но один на один мало кто с ним мог бы выстоять.

Точно не Меншиков.

— Информировать, — поджал губы Павел Андреевич.

— Я тебя услышал, — холодным тоном ответил Долгоруков, поднимаясь на ноги. —

Можешь не провожать.

Мужчина дошел до двери кабинета, положил руку на дверную ручку, и добавил:

— Еще раз вздумаешь со мной говорить в таком тоне — пеняй на себя.

Магия растеклась по кабинету, заставляя лампочки моргать, монитор рябить, а металлические предметы тихонько подрагивать в попытках оторваться от поверхностей, на которые они были положены или к которым они были прикручены.

— Не угрожаю. Просто информирую, — добавил Долгоруков и вышел.

Москва, СИЗО, допросная комната, Александр Мирный

По всем правилам хорошего тона, меня должны были положить мордой в пол, немного попинать для профилактики, запихнуть в каталажку и долго и нудно мариновать, периодически подсаживая разных соседей для душещипательной беседы.

Но я, видимо, слишком особенный оказался, потому что меня всего лишь спеленали блокираторами и почти что бережно и нежно доставили в какой-то СИЗО и, минуя переполненные камеры, сразу усадили в допросную, приковав к столу.

И вот я сидел, откинувшись на стуле, и дремал. Время тянулось, со мной явно не понимали, что делать. Или понимали, но не могли договориться меж собой. Окон не было, а мои биологические часы после лошадиной дозы транквилизатора дали сбой. Но если очухался я ближе к закату, а пока ностальгировал по девяностым, уже село солнце, то сейчас, наверное, около полуночи.

Я уже успел подумать, что в полночь все нормальные следаки спят, как дверь допросной распахнулась и вошел мужчина. Он был из того типа вертлявых людей, что обрабатывают чисто по протоколу, но для личной выгоды.

— Ну что, Александр Владимирович, сами признаетесь или будем долго и вдумчиво беседовать? — открывая невзрачную папку с какими-то бумажками, спросил мужчина.

Я выразительно приподнял брови, и собеседник изволил представиться:

— Меня зовут Андрей Гаврилович Терешко, я буду вести следствие по твоему делу. Скажу сразу — все плохо. Скорее всего, тебе светит вышка. Но, если будешь сотрудничать со следствием, мы сможем заменить смертный приговор на что-то более гуманное.

— Урановые рудники? — скупно улыбнулся я.

— Вишь, ты кой-чего уже понимаешь! — оживился следак. — Ну, так что, расскажешь, как ты жестоко убил девятерых человек?

Вот же ж гнида. С другой стороны, а что он видит? Молодого пацана, на которого можно повесить и старые висяки, и новые трупы. Просто премиальный подарок на блюдечке с голубой каемочкой.

— Видите ли, Андрей Гаврилович, какое дело, — медленно проговорил я. — В нашей с нами прекрасной стране есть Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, согласно которому самооборона не является преступлением.

— Это ты все верно говоришь, парниша, — закивал головой Терешко. — Вот только смотри, какая штука. Мы нашли тебя с девятью трупами и орудием убийства на месте преступления. Тут любой суд, какой бы гуманный не был, не оставит тебе никаких шансов.

Я поднял руку, чтобы потереть уставшие глаза, и подумал о том, что у России-матушки две проблемы в любом из миров. И если с дорогами еще можно что-то сделать, то с хитровыделанными упырями не все так просто.

— А еще, — произнес я, продолжая свою мысль, словно бы следак ничего и не

говорил, — в нашем с вами судопроизводстве действует презумпция невиновности. Или мы в каких-то разных странах живем?

У Терешко нервно дернулась щека.

— Слушай, парниша, ты, кажется, меня не понял. Давай я тебе еще раз популярно объясню, что тебе светит за убийство девятерых людей...

Там же, комната видеонаблюдения за допросной.

— А бодро держится пацан, — заметил мужчина в безликом сером костюме, внимательно наблюдая за допросом Мирного.

Он вообще весь был безликим, каким-то бесцветным. Такой войдет в толпу и мгновенно в ней растворится. Сольется со стенами на улицах, исчезнет в бликах витрин.

— Угу, — отозвалась молоденькая диспетчер, ведущая запись допроса.

Она хоть и была хорошенькая и молоденькая, но точно не дурочка. От стоящего рядом мужчины, несмотря на всю его внешнюю невыразительность, ощутимо веяло силой. Такие не стучат по столу, может быть, даже вообще не повышают голоса, но умеют одним взглядом заставить людей заткнуться. Иногда заткнуться навсегда. Девушка не знала, что там за ксива у мужчины, но стоило тому показать корочку ее начальнику, как тот мгновенно и очень любезно пригласил его понаблюдать за процессом допроса какого-то юного маньяка.

— А Терешко совсем перестал чувствовать берега... — заметил мужчина в воздух.

Диспетчер молчала, боясь лишней раз пошевелиться. Казалось, мужчина разговаривает сам с собой, забыв о ее присутствии.

— Ты, наверное, много интересного видела на этих мониторах, да? — спросил незваный гость, и диспетчер нервно сглотнула. — Ну ничего, ничего... — словно успокаивая маленького ребенка, произнес мужчина. — Все тайное всегда становится явным, не переживай.

Дверь в комнату распахнулась, и в небольшое помещение протиснулся еще один неизвестный в байкерской куртке. Этот был явно из силовиков — фигура выдавала.

— Приветтики! — радостно оскалился байкер, протягивая лапу серому человеку.

— Привет-привет. Твой боец? — пожав руку, кивнул на экраны серый человек.

— Пока не мой, но боец, — ответил байкер.

— Терешко ему пытается чистосердечное в девяти особо тяжких навешать.

— Девяти? — приподнял брови силовик. — Там же шесть было.

— Ага.

— Ага...

— А пацан у тебя интересный. Я б себе забрал, — заметил серый человек.

— Но-но! Держи свои загребущие ручонки при себе.

Серый человек хмыкнул.

— Ну, пойду я заберу оттуда... Кого-нибудь.

И вышел, оставив диспетчера в компании силовика.

— А давай-ка, красивая, ты мне чайку сделаешь? А я тут пока посмотрю за тебя цветные картинки, — проговорил мужчина, улыбаясь, как мартовский кот.

— Но мне нельзя... — пролепетала девушка и осеклась, встретившись с тяжелым взглядом байкера. — Сейчас, — пискнула диспетчер.

— Да ты не торопись, — благодушно улыбнулся мужчина. — Мы здесь надолго.

Там же, допросная комната, Александр Мирный.

В какой-то момент в голову Терешко пришла гениальная идея, что самое время на меня надавить. Почему он решил, что парень, который в процессе самообороны только что положил шестерых вооруженных бандитов, продавится под сомнительным весом одного нечистого на руку следака, я не понял. Но наблюдать за процессом было увлекательно.

— Я тебе последний раз предлагаю, — злился следак. — Соглашайся, пока я добрый!

Тут наш камерный театр одного актера прервал вежливый стук в дверь, и затем в помещение вошел человек, у которого разве что на лбу крупными буквами не было написано «особист». Серый костюм, абсолютно типовое, невзрачное лицо, скупые движения.

— Добрый вечер, — поздоровался мужчина, аккуратно закрывая за собой дверь.

Голос у него был под стать внешности — серый, блеклый.

— Еще вечер? — удивился я.

— Здесь всегда вечер, — усмехнулся особист. — Не помешал?

— А вы, собственно, кто? — прищурился Терешко.

Особист достал из внутреннего кармана удостоверение и сунул под нос следаку. Тот заметно сбледнул, но быстро сориентировался.

— Вы по душу этого кровопийцы? — Терешко кивнул на меня. — По нему, наверное, еще есть какие-то нераскрытые дела?

Особист мягко улыбнулся:

— Может быть. Знаете, мне кажется, юноше надо подумать о своем поведении. А нам с вами немного посекретничать. Выйдем?

Терешко кинул на меня быстрый взгляд, чтобы убедиться, что я все еще прикован блокираторами к столу, и важно кивнул.

— Выйдем, от чего ж не выйти.

Интересно, тут, что ли, ловля на живца была?

Впрочем, едва за Терешко закрылась дверь, в нее тут же с шумом вошел мой старый знакомый.

— Мирный, вот не можешь ты ни дня без приключений, да?

— Игорь Вячеславович, — широко улыбнулся я Лютому, почти как старому знакомому. — Давно не виделись. Пожал бы вам руку, да вот видите, какая неприятность.

Я звякнул цепями для убедительности. Лютый плюхнулся на кресло напротив и кинул мне по столу ключ. Мужчина подождал, пока я, немного поматерясь, освобожусь от блокираторов и с наслаждением разотру запястья.

— Ну как тебе тут? — прищурился Лютый.

— Впечатляет, — ответил я.

— В общем, ехал я тут мимо...

— В полночь? — уточнил я.

Лютый оскалился и с нажимом повторил:

— Ехал я тут мимо. И думаю, дай-ка заеду к старым друзьям, проведаю. Как у них здесь дела? И смотрю, а тут ты. Да и еще в такой неудобной ситуации.

Я вежливо улыбнулся, думая, в какой же момент он начнет меня склонять в свою религию. И мужик, надо отдать должное, не подвел. Не стал тянуть кота за причиндалы!

— У меня есть предложение, от которого ты точно не откажешься, — заявил Лютый. — Вот смотри, мы сейчас с тобой выходим отсюда: свободные люди, без каких-либо проблем и пятен на репутации. Едем ко мне в контору. Ты там подписываешь бесполезные бумажки, и

с завтрашнего дня вместо скучных уроков отправляешься в веселые приключения!

Я изобразил глубокую задумчивость, барабанил пальцами по столу:

— Предложение интересное, — не стал спорить с Лютым. — Но я тут вот что подумал. Представьте, я здесь останусь, и дело дойдет до суда. Вот будет шумиха, когда все общество узнает, что пацан, неделю как открывший магию, завалил шестерых бандитов, за каждым из которых наверняка длинный-предлинный список дел есть? Представляю, как вся структура возбудится от такого резонанса. Особенно, наверное, это понравится там.

И я указал пальцем в потолок.

— По краю ходишь, парень, — нехорошо прищурился Лютый.

— Мне хотят вменить все висяки за квартал, — пожал плечами я, — думаете, я позволю из себя сделать молчаливого агнца на закланье?

— Я хочу тебе помочь, — зашел с другой стороны мужчина.

— Хотели бы — помогли, — согласился я. — А пока больше похоже, что вы хотите помочь себе.

Лютый молчал, сверля меня взглядом. Мало кому понравится такой разговор с дерзким пацаном, но я ему был нужен. Очень нужен, судя по тому, что меня еще не закрыли в клетке с самыми отмороженными постояльцами.

— И хочу, — произнес он, наконец, приняв решение. — И в знак моей доброй воли, ты уйдешь отсюда сегодня. Чистеньким и в свою общагу. Но в следующий раз тебе может так и не повести.

Я кивнул:

— Вот это уже похоже на начало долгого диалога.

Лютый встал сам и кивнул мне следовать за ним. А я же подумал, что, кажется, у мужика дикий кадровый голод, раз он вцепился в меня мертвой хваткой.

Москва, центр, бар.

— Ну как? — вяло поинтересовался Лютый, сидящей за барной стойкой и потягивающий темное пиво из богатырской кружки.

— А, — отмахнулся садящийся рядом особист. — Ничего интересного.

— Ну хоть прищучите для профилактики?

— Да прищучим, — вздохнул собеседник. — Да только толку-то? Одного закрываешь, сразу новый вылезает. Страна непуганых идиотов прям.

— Есть такое, — вздохнул Лютый.

— А чего пацан? — спросил особист, заказав себе коньяк. — Я запись смотрел, прежде чем подтереть. Дюже борзый.

— Борзый, — согласился Лютый, — но умный, зараза.

— Умный — это да. Может, лучше к нам?

— Да на кой хрен он вам? Там такая силища. Разумовский сказал, дури немеряно. Ты смотрел трупы, видел, как он шестерых раскидал?

— Видел, — кивнул особист. — Это-то и интересно. Он же не суетил, не убегал. Он убивал. У одного контрольный во лбу, Игоряха. Контрольный!

— Этим и хорош, — усмехнулся Лютый.

— Хорош, — согласился особист. — А ты чего его отпустил-то? Он же сейчас перышки почистит и в клуб пойдет, лица ровнять обидчикам.

— Да там все всех пасут, — отмахнулся Лютый. — Я Понтифику такое внушение

сделал, он там сам должен у входа караулить.

— Ну такое... — с сомнением отозвался особист.

Мужики чокнулись, приложились каждый к своей таре, немного помолчали, рассматривая разнокалиберные бутылки за барной стойкой. В это раннее-позднее утро бар был пуст, и даже музыку они попросили сделать потише. Поэтому звонок телефона Лютого был омерзительно громкий и раздражающе противный.

— Да, — поднес мужчина трубку к уху, а стакан с остатками пива к губам.

А в следующее мгновение майор грохнул тару о столешницу барной стойки и рывкнул так, что персонал попрятался по углам.

— Что значит «в клубе»?! Как он, мать вашу, мимо вас прошел-то?!

Переулок возле Тверской

Прозвища в структуре прилипают сразу и намертво. И что бы ты потом ни делал, как бы ни пытался выделиться, назвали Хлопушкой — будешь Хлопушкой, даже если летящий к Земле астероид пробуришь для спасения человечества.

Понтифик к религии не имел никакого отношения. Причем не только к православной — вообще ни к какой. А прозвали его так за любовь изображать убогих и юродивых на улицах города в процессе работы. Ну правда, кто обратит внимание на сидящего на асфальте бомжа? Его обойдут по дуге, чтоб не дай бог флюидами нищеты не зацепило.

В общем, поскольку вход в бойцовский клуб был один, а Понтифик поклялся Лютому, что ни один пацан в него не пройдет ближайшие сутки, то пришлось самому выйти в поле, сидеть на картоночке и пугать утренних служащих своим мерзотным видом.

Понтифику в частности, да и вообще всем, если честно, этот клуб был как бельмо на глазу. Это был тот случай, когда все все знают, все все понимают, но поймать за руку не получается никак. А в деле, где замешаны аристократы, надо быть железобетонно уверенным, прежде чем выдвигать какие-то обвинения. Толку от того, что Лютый со своими парнями ворвется внутрь и положит всех лицом в бетон, если доказать, кому на самом деле капают денежки с этого места нельзя?

Толку никакого.

Так что разрабатывали и разрабатывали, искали и искали.

А ребята Понтифика по традиции вели наблюдение за всеми интересными объектами в городе. Ну и иногда сам Понтифик. Работа такая себе, так что персонал у него был, как правило, низкоквалифицированный, зато обладающий большим энтузиазмом.

В общем, ничего удивительного, что время от времени объекты терялись в процессе наблюдения. Кто ж знал, что из-за какого-то пацана, которого Понтифик принял на наблюдение в качестве «халтуры», начнется такая катавасия?

И вот сидел Понтифик, водил взглядом по переулку, мысленно представляя, как после смены пойдет в ближайшую кофейню и закажет себе ведро живительного напитка, как вдруг рядом, чуть ли не из воздуха, возник парень.

Ничего особенного: славянская внешность, короткая стрижка, ямочка на подбородке. И снисходительно смеющиеся голубые глаза.

— Утречко, — поздоровался парень, и Понтифик, уже заваливаясь на асфальт в блаженную темноту, успел подумать, что Лютый его убьет.

Подпольный бойцовский клуб, Александр Мирный

Пойманное у СИЗО такси довезло меня до ворот Императорского Государственного Университета. Я вышел из машины и потянулся. Хотелось есть, спать и набить кому-нибудь морду.

Быстренько приоритезировав собственные желания, я развернулся к дороге и поднял руку. Ползущее по другую сторону улицы такси с зеленым фонарем оживилось и, развернувшись на ручнике через двойную сплошную, подкатило ко мне.

— Куда едем? — вежливо поинтересовался водитель.

— Пересечение Тверской и Страстного бульвара, — сказал я, плюхаясь на заднее

сиденье.

Плохо освещенный переулочек перед входом в бойцовский клуб был и сильной, и слабой стороной заведения. Уютная темнота создавала иллюзорное ощущение сокрытия личности, но и мешала полноценному контролю за территорией. Так что валявшийся на асфальте бомж мне сразу бросился в глаза. В основном, потому что ни одна полицейская машина в центре города его не приняла. Ну и еще немного потому, что он был какой-то слишком хорошо пахнущий для такой категории граждан.

Тюк!

И бомж продолжает валяться дальше, только уже не сканируя цепким взглядом улицу.

Во дворе перед клубом было как-то неестественно тихо. Видимо, боев сегодня не проводили, хотя я не удосужился у Тугарина выведать расписание.

Боев не было, а охрана — была!

Впрочем, была она недолго. Я вежливо постучался во входную дверь, рассчитывая, что охране дали разрядку меня пускать, и оказался прав. Когда замок щелкнул, и створка начала открываться, оставалось только резко двинуть ей по необремененному интеллектом лицу. Аккуратно уложив охранника на пол и связав ему руки его же ремнем, я пошел внутрь.

У входа, как и положено, была комната охраны. Судя по одиноко висящей на крючке куртке, в выходные дни персонал тут отсутствовал. Ну и правильно, охрана то тут рассчитана не на то, чтобы охранять помещение, а чтобы проводить фейсконтроль и разнять в случае чего перебравших гостей.

Сейчас, без людей и в тишине, помещение казалось заброшенным. Прикинув по логике, что кабинет начальства должен располагаться максимально близко к выходу или хотя бы к окну, я принялся обходить весь первый этаж.

Часть помещений была открыта и ничем интересным похвастаться не могла, часть приходилось открывать насильно. Выбивать было бы слишком шумно, а навыков домушника у меня не имелось.

Зато один мой товарищ прикасался к стройке века — прокладывал пути Байкало-Амурской магистрали. Так вот когда они работали на Дальнем Востоке, рельсы от мороза лопались.

А что такое петля не слишком дорогой двери по сравнению с советским рельсом?

Правильно, на один ледяной укус.

За первой вскрытой дверью оказался очень помпезный зал, видимо, для вип-вип-вип клиентов. Мониторы, диваны, барная стойка.

За второй — коробки с ворохом каких-то документов.

За третьей очень бедно оборудованный медицинский кабинет.

И, наконец, за четвертой, самой толстой, железной дверью, отделанной деревом, нашлось искомое.

Собственно, издали было видно, что там меня уже очень ждут — у дверей стояли два мордоворота.

— Привет, — поздоровался я с охраной. — Я к Грифу, пустите?

Те наморщили лбы, изображая бурную интеллектуальную деятельность. Наконец, один проговорил:

— Я сейчас спрошу, — и повернулся ко мне спиной.

Этого вполне хватило, чтобы пробить в челюсть одному и рубануть по хребту другому.

— Тихий час, — пробормотал я, аккуратно укладывая обе туши на пол.

Дальше следовало выбрать, стоит ли открывать дверь с пинка или все же сначала стоит постучать. Решил, что лучше постучать, я же хорошо воспитанный мальчик.

— Тук-тук, — произнес я, когда железная дверь с оглушительным грохотом упала в помещение.

Это была небольшая комната, оформленная в британском стиле: обои в полосочку, деревянные панели из дорогих пород понизу, тяжелые портьеры темно-зеленого цвета. Несколько классических шкафов, у части из которых за стеклом были видны толстые папки и бутылки примажоренных марок, и большой стол у окна, лицом к двери.

За столом, обложившись бумажками, сидел мужчина ближе к пятидесяти. Тощий, с залысинами, крючковатым носом и черными, глубоко посаженными глазами. Сразу было понятно, почему его прозвали Грифом — из-за болезненного изгиба шеи.

Он не ответил, лишь хищно прищурился и опустил руку под стол.

— Я бы не стал, — честно предупредил я мужика.

Тот, конечно, моим словам не внял. Прогремел выстрел, а затем раздался вопль боли. Я ушел с линии огня, попутно заморозив рукоять пистолета.

Гриф выронил ствол и вцепился в обожженную холодом ладонь.

Я спокойно подошел к мужчине, пока он баюкал поврежденную руку, забрал ствол, уселся на столешницу и сказал:

— Поговорим?

— С-с-су-у-ука-а-а, тебе не жить! — прошипел Гриф.

— Что-то такое я уже сегодня слышал, — вздохнул я в ответ. — Давай лучше перейдем к разговору по существу.

Мужик кинул на меня ненавидящий взгляд, а я продолжил:

— Ну согласишься, сэкономил на гонцах?

Грифа аж перекосило:

— Щ-щ-щенок!

— Зря сэкономил, — усмехнулся я. — Давай договоримся так. Я задаю несложные вопросы, а ты мне на них отвечаешь. Отвечаешь и уходишь отсюда на своих двоих. Вин-вин ситуация, я считаю.

От такого взгляда на стратегию «выигрыш для всех» у Грифа кончились ругательства.

— Рассказывай, кто тебя надоумил по мою душу пускать дешевую гопоту, м?

Гриф молчал, только желваки ходили ходуном.

— И еще — кто владеет этим милым местечком?

Мужик продолжал изображать партизана.

— Ты же понимаешь, если я в одного упокоил шестерых твоих гонцов, у тебя вообще никаких шансов? И ни у кого из той шоблы, что охраняет этот бордель.

Кажется, до Грифа начала доходить глубина технологического отверстия, в котором он оказался, позарившись на меня.

— Я не знаю, кто хозяин, — процедил мужчина.

— Я тебя умоляю, только давай без лишнего геройства. У вашей братии никто этого не оценит.

— Я не знаю!!! Мне хорошо платят за то, чтобы я вел дела клуба и не задавал лишних вопросов. И все! — немного истерично ответил Гриф.

Видимо, боль немного давила на мозги, делая его более сговорчивым.

— Серьезно? — удивленно приподнял я брови. — Куда же ты отправляешь деньги, если

не знаешь?

— Деньги забирает курьер. Каждый раз разный.

— А как хозяин отдает ценные указания?

— Звонит, — нехотя ответил Гриф.

— Ну так это же прекрасно! — оживился я. — Давай наберем ему!

— Он не берет. Только звонит, когда считает нужным.

Ясно, номерок волшебный и отследить его с текущими мощностями мира не представляется возможным. А то б давно уже лавочку прикрыли. Ладно, пойдем другим путем.

— Деньги с моего боя уже передали?

— Нет, — ответил Гриф.

— Это прекрасно. Здесь аренда? — я еще раз оглянул помещение.

— У Нарышкиных.

— Они в доле? — удивился я.

— Нет... — Гриф скривил губы. — Они просто идиоты.

Возможно, конечно... Хотя у меня складывалось впечатление, что тут что-то поинтереснее, чем чистый фарт. Но делиться своими мыслями с обливающимся потом от боли мужчиной я не стал.

— Где баблишко?

Гриф не ответил, но, как и многие дилетанты, инстинктивно стрельнул глазами на одну из стен с большой такой, дорогой картиной в тяжелой раме.

Бодро спрыгнув со стола, я подошел к картине, снял ее, полюбовался весьма современным, по местным меркам, сейфом, и сказал:

— Я могу сломать дверь, но лучше бы, чтоб ты сказал код.

Гриф высокомерно поджал губы.

— А могу сломать тебя, — добавил я.

— 18-09-20-23.

— Благодарю, — улыбнулся я и открыл дверь, краем глаза наблюдая за мужчиной.

Тот судорожно осматривал комнату, ища глазами что-нибудь, что можно было бы пустить в ход для моего убийства. На его несчастье, если ты не владеешь обеими руками в достаточной степени, отмахаться левой при поврежденной правой не получится. А вот нажать какую-нибудь тревожную кнопку — запросто.

И как только Гриф опустил рабочую руку под стол, я спустил курок.

Мужик взвыл фальцетом — пуля попала в локтевой сустав. Неприятненько, но я и так сегодня удивительно добрый после таких-то насыщенных суток.

Пока Гриф вопил, я открыл сейф и быстро проинспектировал содержимое. Бабки, брюлики, какие-то кабальные расписки... Столько полезного и все — мое.

— Ладно, в качестве отступных — сойдет.

Я подошел к Грифу, который от боли уже был совсем тряпочкой, наложил ему жгут, разрядил ствол, рассыпав все пули по полу. Нашел в углу миленький кожаный рюкзак, который носят мажорики и молодящийся офисный планктон, закинул туда все содержимое сейфа и вышел.

Ночь на улице уже начала понемногу светлеть, и я подумал, что из имеющихся бабок надо выделить себе немного на наручные часы. Впрочем, предстояли траты поинтереснее.

Пасший заведение мужик нашелся почти там же, где я его оставил. Только он уже не

лежал бесформенной кучей какого-то художественно подранного и испачканного тряпья, а нервно курил, не обращая внимания на отклеившуюся бороду.

— Ты ж ребят уже вызвал?

У театрального бомжа от такого заявления чуть сигарета изо рта не выпала.

— Там трое без сознания и у одного неприятный огнестрел. Не знаю даже, как так подстрелили бедолагу, но я ему руку перевязал, может, и доживет до вашей кавалерии.

Единственное, что мог делать мужик — стоять и делать глазами «луп-луп».

— Ты, когда начальство приедет, скажи, что можно продолжить в том же духе, только сливки буду снимать я, ладно?

Поскольку мужик продолжал, набычившись, молчать, я махнул ему рукой:

— Ну, бывай.

И пошел ловить такси.

В принципе, логика понятна. Клуб на территории Нарышкиных позволили открыть с одной-единственной целью: поймать кого-то за руку. Но если этот кто-то сильно умный, раз не ловится на банальном, то, может быть, он окажется достаточно самовлюбленным, чтобы пойматься на эмоциях?

В конце концов, это ж банально обидно, когда зеленый пацан отжимает у тебя многомиллионный прибыльный бизнес.

Но прежде чем лезть во всякие опасные перспективные игрища, мне бы очень хотелось нормально поесть. Так что я, не мудрствуя лукаво, отправился в университетскую столовую. С таким количеством бабла, конечно, можно было пойти в самый пафосный ресторан Москвы, пожевать каких-нибудь крутонов, но очень уж хотелось простой человеческой яичницы на сале и фасоли в томате.

Второй раз подъезжая к университету за эту ночь, я попал в пробку из машин, высаживающих студентов разной степени трезвости у ворот ИМУ. В основном это были компании или парочки, но были и одиноко петляющие тела. Одно из них оказалось подозрительно знакомым — рыжая копна волос, вызывающе-короткое платье, высоченные шпильки...

— Мария, какая приятная встреча, — поприветствовал я боярышню, которая тут же вцепилась в мой локоть мертвой хваткой.

— Алекс, как я рада, что это вы, — дыхнула на меня зверским перегаром Нарышкина.

— Тебя проводить? — спросил я.

Спросил, правда, чисто из вежливости. Потому что провожать девчонку в любом случае пришлось бы.

Не знаю, покусились бы на нее кто-нибудь на территории университета, но был риск, что она просто переломает каблук, присядет на лавочку и тихонечко там и уснет. Что тоже не слишком хорошо для репутации и репродуктивного здоровья.

— Да, будь любезен, — вздохнула девушка, держась за меня как за последнюю надежду. — Но только без долгих нотаций.

— Даже без коротких, — усмехнулся в ответ. — Семейный ужин, я смотрю, удался?

— Более чем, — буркнула боярышня. — Он хочет, ты представляешь, чтобы я вышла замуж в следующем году!

— А ты?

— А я разбила половину семейного сервиза и укатила в центр, — вздохнула Нарышкина.

— Ты можешь выйти из рода, — предложил я. — И тогда всем будет все равно, за кого и когда ты выходишь замуж.

— Могу, — согласилась она. — И не могу.

— Почему?

— Потому что... — девушка снова тяжело вздохнула. — Ты не поймешь. Быть членом рода — это быть частью целого. Огромного. Древнего. Семейные легенды, семейная история. Родовое гнездо. Мы впитываем это с молоком матери. Это как быть частью огромного механизма. По отдельности — бесполезные винтики, а вместе — железный кулак.

Ага, почти как армия.

— Но этот кулак делает тебя несчастной. Ну, или очень пьяной, во всяком случае, — заметил я.

— Делает, — печально мотнула головой боярышня. — Но я — Нарышкина. И я не смогу быть вне рода. Я не умею.

— Что ж, тогда я могу только пожелать тебе быть сильной, — сказал я, придерживая девушку, которая в очередной раз попыталась завалиться на подвернувшемся каблуке.

— Спасибо, — опять вздохнула она.

Так я и отконвоировал боярышню до общежития. К счастью, жили мы в одном здании, но на разных этажах, которые делились по полу жильцов, почти как купе у поездов в моем прошлом мире.

Пока боярышня, шатаясь, как полынь на ветру, искала в крошечной сумочке ключ от комнаты, я кинул взгляд на часы, висевшие на стене этажа.

Шесть утра.

В принципе, можно даже успеть принять душ и переодеться. И надеяться, что Нарышкина протрезвеет достаточно, чтобы на завтраке быть в состоянии выслушать и передать отцу мое предложение.

Как бы оптимистично я ни был настроен, какой бы ни был освежающе-бодрящий душ, идея полежать «5 минуточек» была фатальной. Глаза я разлепил в одиннадцатом часу и то, потому что Иван чем-то грохотал в комнате. Судя по звукам — скатился с кровати на пол.

— Ты жив? — спросил я, рассматривая потолок и проверяя рукой рюкзак, который я положил себе под голову, прежде чем прилечь полежать.

— Местами, — отозвался боярич, матерясь и, судя по звукам, двигая мебель.

Спустя четверть часа мы встретились в коридоре, чтобы дойти-таки до столовой.

— Надеюсь, там еще кормят, — мрачно заметил я, чувствуя, как желудок намекает, что молодость, это, конечно, прекрасно, но такими темпами ее надолго не хватит.

— Должны. Тут же аристократы учатся. А у нас в крови раньше обеда не вставать.

— И завтракать исключительно шампанским? — спросил я.

Новиков хохотнул.

— Ах, если бы...

Удивительное дело, но столовая действительно работала и, как оказалось, завтраки в выходные подавала до полудня, плавно переходя в обеды. И, что интересно, мы с Иваном были не самые последние. Точнее, мы вообще были не последние — можно сказать, что мы пришли вовремя.

— Утречко, — голосом умирающего поздоровался Тугарин.

— А я смотрю, ночь удалась у всех, — усмехнулся я, опуская поднос на стол.

— Кто бы говорил, — отозвался Ермаков.

— М? — приподнял я брови.

— Александр, все общежитие видело, как вы с Марией под ручку вернулись в шесть утра, — прищурилась Демидова.

— Виновен, — согласился я, беря приборы в руки, — не мог оставить ее трезветь на лавочке. А надо было?

В ответ виновница сплетен издала нечленораздельный звук, не поднимая головы с локтя на столешнице.

— Мария! — с укором произнесла Дарья.

— Ну что? — ответила Нарышкина, не поднимая головы. — У меня трагедия личного характера.

— У тебя не трагедия, а кошмарный характер. Это неприлично! — нахмурилась княжна Демидова.

— Дарья, сжался, — пробормотала боярышня, с трудом выпрямляясь, чтобы покрасоваться отпечатком рукава на щеке и выпить кофе из стоящей рядом чашки.

— Я думал, что вас до понедельника не будет, — заметил я, разрезая пополам хрустящую французскую булку, чтобы на обе половинки положить толстый-толстый кусок буженины.

— Родственники хороши в небольших дозах, — вздохнул Лобачевский, размешивая в чашке чая сахар.

— Ага, как лекарство, — хмыкнул Юсупов.

Остальные молодые аристократы покивали, и было видно, что каждый думает о своей печали. И если их печаль лежала в плоскости проблем отцов и детей, то моя заключалась в

том, как бы потратить кучу денег, чтобы заработать две кучи.

— А вот у меня вопрос личного характера, — медленно проговорил я, — к тебе, Мария.

Мария мгновенно ожила, а остальные присутствующие от вежливого любопытства аж дыхание затаили.

— Скажи, могла бы ты узнать, продадите ли вы мне одно помещенье?

Вежливое любопытство медленно переходило в шокированное молчание.

— Я не могу сказать вот так слету... — растерянно проговорила боярышня. — А что за помещенье?

— Да подвал один, ничего интересного, — отмахнулся я. — Думаю, не сделать ли винный погребок. Ну, или пивной подпол.

Шокированное молчание плавно переходило в конкретное охренение. Нарышкина, кажется, окончательно протрезвела от моих слов.

— И, кхм, по какому адресу тебе нужен тот подвал? — ровным голосом поинтересовалась Мария.

— А вот первый на Сергиевском переулке. Там еще домик с таким двором-колодцем...

БДЗЫНЬ!

Княжич Юсупов выронил вилку из рук, но не обратил на это внимание. Алмаз смотрел на меня, выпучив глаза, и я прям чувствовал, как его распирает от вопросов, которые он не может тут задать.

— Сергиевский переулок — это же *очень* дорого, — округлила глаза Нарышкина, выделив ключевое слово интонацией.

— Я понимаю. И все же, не будешь ли ты любезна уточнить, не выставляется ли оно, случайно, на продажу?

— Хорошо... — растерянно пробормотала боярышня, беря в руки телефон и наколачивая наманикюренными пальцами сообщение.

— Спасибо, — поблагодарил я девушку. — А теперь нам с Иваном, кажется, пора. Разумовский ждет на очередную экзекуцию.

И под красноречивое молчание всей компании я покинул столовую.

Москва, Лубянская площадь

Несмотря на то, что Виктор Сергеевич Нарышкин был человеком очень занятым, своим людям он всегда старался уделить немного неформального времени. Это весьма положительно сказывалось на энтузиазме сотрудников, да и на репутации боярина тоже.

Ведь для большинства простых служащих попить кофейку или выкурить сигаретку с начальником, да не просто начальником, а главой внутренней безопасности — это практически предел мечтаний. Лучше карьерного роста, премии и отпуска вместе взятых.

Так что Виктор Сергеевич не скупился и инвестировал свое, зачастую личное время, в людей, а те радостно инвестировали уже свое личное время в его карьеру.

Но были и такие сотрудники, с которыми боярин Нарышкин проводил личное время для личного же удовольствия. И без всяких там двойных смыслов. Это была та категория подчиненных, которых принято называть «своей командой». С которыми ты начинал свой карьерный рост, укреплял позиции, набивал шишки, добивался первых побед... Твои люди, о которых ты будешь заботиться почти так же трепетно, как о собственном роде. Потому что зачастую человека высокого поста, не важно, политик это или генеральный директор, делают успешным не только личностные качества, но и его команда.

— Умный пацан, — покачал головой Виктор Сергеевич, задумчиво смотря на шахматную доску. — Откуда такой взялся?

— Из приюта, — усмехнувшись, ответил ему собеседник.

Собеседником боярина был мужчина во всех отношениях безликий, серый. Даже фамилия у него была говорящая: Серов. Антон Васильевич Серов.

— Из приюта? — приподнял брови Нарышкин. — Давно ли у нас в приюте такое хорошее образование дают?

— Здесь дело не в приюте, — покачал головой Серов. — Это же не академические знания. Это... что-то навроде жизненного опыта. Или волшебной чуйки.

— Вот как? — боярин пододвинул черную пешку и сделал приглашающий жест собеседнику.

— Я смотрел допросную запись его разговора с Лютым. Парень четко знает, где можно поднажать, где отступить. И этот его визит в клуб — никаких лишних телодвижений. Вырубил охрану, задал вопросы и вышел через парадную дверь. Ну разве что сейф обчистил, но тут на его месте любой бы так поступил. А уж когда у тебя за душой ни гроша — тем более.

— Но вместо того, чтобы устроить кутеж и рвануть к актрисам в номера он знаешь, что сделал?

— М? — Серов шагнул белым конем и откинулся на спинку кресла, ожидая хода своего начальника.

— Он через Машку сделал предложение о покупке помещения.

— Зачем оно ему? — удивился Антон Васильевич.

— Легализовать бизнес, — усмехнулся Нарышкин.

— Мысль интересная. При большом желании можно просочиться мимо закона об игорных домах. Но смысл?

— Представь, как у нашего старого друга будет пена изо рта идти?

— Ну побесить — святое, конечно, — с сомнением проговорил Серов. — Но к делу-то не пришьешь.

— Не пришьешь, — согласился Нарышкин. — Но мы же с тобой хорошо его знаем. Он не только пузыри надувать от бешенства будет, он еще попробует свой клуб обратно отжать.

— Рисково.

— Самолюбие, друг мой, которое прищемил наш весьма прелюбопытный юноша, будет требовать сатисфакции. А когда человек во власти эмоций, он что делает? — боярин Нарышкин сдвинул еще одну пешку.

— Ошибается, — усмехнулся, Серов.

— Именно, — Виктор Сергеевич накрыл пальцем острие короны своего черного короля. — А пацана надо забрать себе. Нечего силовикам такие мозги отдавать.

— Лютый будет лютовать.

— Лютый всегда лютует, у него работа такая — цепным псом быть. Пусть мальчик поучится, денежки почувствует, силушку потренирует. А как выпустится, мы его примем в наши теплые, надежные объятия, — сжав короля в кулаке, произнес Нарышкин.

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

Когда мы с Иваном добрались до полигона, Разумовский уже отправил Корсакову наматывать круги по полигону.

— Ты, — тренер ткнул пальцем в Новикова, — отработываешь лед. Десять объектов. А ты, — мужчина ткнул в меня, — сейчас будешь учиться работать с водой.

Почему-то при словах «работать с водой» я представлял себе реки-океаны, ну, на худой конец водопроводный кран, а не то, чем меня озадачил тренер.

— Что такое туман, Мирный? — спросил Разумовский, раскрывая ладонь, на которой тут же закрутился небольшой смерч, чтобы осесть красивым белым безе.

— Вода, — ответил я.

— Верно, — согласился мужчина, — туман — это, по сути, вода. Множество мельчайших капель воды.

Разумовский пошевелил пальцами, и безе начало сменять форму, свернувшись в идеальный шар.

— Этой техникой, как правило, никто не пользуется в жизни. Потому что очень энергоемко, проще дымовых шашек накидать. Но ты — особый случай, — тренер нехорошо так ухмыльнулся, многообещающе. — Так что, считай, это твой факультатив.

Я молча кивнул, подумав, что мой факультатив очень уж напоминает персональный привет от Лютого.

— Итак, основа техники — вода, — тренер снова пошевелил пальцами.

Между нами возникла небольшая сфера, размером с футбольный мяч, состоящая из равноудаленных капель воды. Они бликовали на солнце, заставляя меня щуриться.

— А дальше — все просто, — продолжил Разумовский. — Методом деления увеличиваешь количество частиц. Делишь... — капли распались на четыре части, — и делишь... — каждая новая часть — еще на четыре, — и делишь.

И на этих словах тренер повернул запястье, а сфера в одно мгновение потеряла четкость, превратившись в сгусток тумана с рваными краями.

— А когда получится такая сфера, — продолжил Разумовский, — создашь максимально возможную. Посмотрим, какую площадь ты сможешь покрыть. Все ясно?

— Ну, теория понятна, — кивнул я. — Нужно пробовать.

— Не нужно пробовать, нужно делать, — отрезал тренер. — Приступай.

Теория звучала понятно. Практика выглядела просто. На деле же техника оказалась чудовищной. Легко управлять одной пулей или держать в подвешенном состоянии с десяток видимых объектов. Но что делать, когда нельзя увидеть их все?

Как только я концентрировался на видимой мне части сферы, обратная ее сторона падала на землю карманным дождем. И это было довольно раздражающе.

Новиков справился со своей задачей и, сочувственно кивнув мне, ушел. Корсакова перешла от физических упражнений к магической практике и теперь создавала одну за другой водяные капли, словно пыталась изобразить конвейер. Разумовский стоял над Василисой, поправляя технику, но смотрел меж тем на меня, внимательно отслеживая мой прогресс.

Прогресс был, прямо скажем, скромный. За все время занятия я смог только с большим трудом сделать нечто среднее между туманом и каплями воды. С виду напоминало старую квадратную графику типа первой «Кваки», где кровяца врагов разлеталась квадратными пикселями. Только в моем случае пиксели были круглые, и они не разлетались, а держались вместе.

— На сегодня закончили, — объявил Разумовский, когда Корсакова окончательно выдохлась. — Продолжим завтра. И, Мирный. Не разочаровывай меня. Приложи к технике

голову, а не тупую богатырскую силушку.

Хотелось огрызнуться, но я, во-первых, устал, а во-вторых, каким-то шестым, филейным чувством понимал, что что-то делаю не так. То есть формально отрабатываю по инструкции, но именно что формально, без души. Решив, что завтра с новыми силами и свежей головой я добью эту технику, вежливо кивнул тренеру и направился на выход с Корсаковой.

Василиса шагала рядом с видом печальным, но решительным. Сразу видно, что у девчонки хоть и не получается пока ладить с магией, она своего добьется.

Люблю целеустремленных девушек.

Кстати, об этом.

— Василиса, какие у тебя планы на остаток дня?

— Лежать у себя в комнате и предаваться самобичеванию, — мрачно ответила Корсакова.

— А ты не могла бы предаваться самобичеванию где-нибудь в другом месте?

Девушка кинула на меня крайне заинтересованный взгляд.

— Просто мне нужно прикупить некоторые вещи, а, как ты понимаешь, магазины — не моя сильная сторона. Не сможешь справиться с этой задачей?

Корсакова немного растерялась от моего предложения, но я включил шарманку «сами мы не местные», и девушка согласилась. Договорившись встретиться через полчаса, мы разошлись по общежитиям приводить себя в порядок. Я в полчаса не верил, так что сразу прикинул, что успею сделать за час.

По идее, времени должно было хватить принять душ и разобрать содержимое сейфа, ожидающее своего часа в рюкзаке. Ведь там, помимо денег, были еще и какие-то, наверняка небезынтересные, бумажки.

Новикова в комнате не было, так что я долго и вдумчиво отмокал под душем. Вода смывала пот, пыль и усталость, а еще приводила мысли в порядок. Как ни странно, я думал не о том водовороте событий, закрутившем меня с первого дня учебы в университете, а о тренировке.

Разумовский учил раскладывать на равные части, это было наглядно, это было просто, это требовало большой концентрации и просто океан сил. Классическая школа, можно сказать. Но было ли это единственным способом?

Решив, что нужно обязательно заглянуть на полигон без всевидящего ока Разумовского и поэкспериментировать с техникой, я вышел из душа. Времени еще был вагон, так что, одевшись в последние чистые вещи, я закрыл дверь в свою комнату и вытряхнул содержимое рюкзака на кровать.

В наличии имелось: пачки наличных, перевязанные цветными резинками, ворох украшений, которые я никак не мог оценить, потому что в жизни бы не отличил настоящий бриллиант от искусственного, а еще разного рода бумажки. И хотя последнее было интереснее прочего, пришлось начинать с презренного золота.

Результатом моего выяснения отношений с Грифом стало ни много ни мало, а почти что сто семьдесят пять миллионов рублей. На покупку подвала у боярина Нарышкина этого должно было хватить, но останется ли что-то после всех мероприятий, что я планировал там провести, или нет — вопрос.

Впрочем, если предположить, что цацки, ярко горящие в дневном свете, не бижутерия, и от их продажи мне еще что-то перепадет, то это должно закрыть все прочие вопросы.

Но самым интересным и, как мне казалось, перспективным уловом этого мероприятия были бумаги. Расписки под бесконечный, неподъемный для многих аристократов, не то что простолюдинов, процент. И расписки эти были на предьявителя!

В основном целью займов были услуги. Услуги медиков, адвокаты, нотариусы. Иногда — недвижимость или земля. Причем люди в руках денег не держали, заимодатель оплачивал цель займа напрямую. Была расписка об оплате палаты в одной из ведущих клиник Москвы, расписка оплаты лекарства, расписка на выкуп крошечной квартиры, расписка на «отстаивание чести и достоинства».

Много всякой неприкрытой чернухи, после прочтения которой хотелось еще раз хорошенько помыться.

Возможно, стоило сжечь и развеять по ветру пепел этих бумажек, но я не стал торопиться. За каждым таким долгом чья-то страшная боль, иногда многолетняя кабала. Нельзя просто взять и сказать людям, что их сняли со счетчика, и теперь все будет хорошо, они не поверят. Хорошие новости лучше сообщать лично.

К тому же часть этих расписок предполагает, что их держатель, то есть теперь это я, продолжает оплачивать какие-то блага. И здесь мне придется принимать какие-то решения, что тоже лучше делать очно.

Упаковав все обратно, я закинул рюкзак на плечо и отправился на встречу с Василисой. Будем проводить разведку боем!

Императорский Московский Университет, Максим Меншиков

Быть аристократом в современном мире в некоторых вопросах на самом деле то же самое, что быть аристократом пару веков назад. Вот, например, взять вопрос брака.

Максим Меншиков с детства понимал, что с личной жизнью у него все будет сложно. У аристократов вообще всегда с личной жизнью все сложно, потому что основа этой самой личной жизни — политическая или экономическая выгода. Но многие благородные люди, имея классическое воспитание, умудрялись как-то налаживать семейную жизнь. И в основе этого лежали некоторые общепринятые приемы.

Мужчины, как правило, соблюдали древнюю традицию и заводили любовниц для души. Таких элитных проституток с тремя образованиями, точеной фигуркой и сделанным лицом. Их никогда не вводили в круг друзей или знакомых, их нельзя было представить матерью, целующей твоих детей, нельзя было представить хозяйкой твоего приема, зато на шелковых простынях они представлялись легко. Эти, безусловно, красивые и искусные во всех видах секса девицы продавались за большие деньги. Таковую можно было себе заказать, выписать в модном журнале, встретить на мероприятиях определенного рода или подарить другу на кризис среднего возраста. Таких живых кукол селили в каком-нибудь симпатичном спальном районе, заставляли подписывать бумаги о разной секретности и время от времени навещали.

Женщинам, конечно, в сословном обществе было сложнее. Во-первых, потому что заводить любовника было убийственно для любовника — ни один аристократ не стерпит, что его жену жарит какой-то там разносчик пиццы. Во-вторых, потому что по всем правилам этикета такие неприятности, типа поцарапанного маникюра, стрелки на чулке или любовницы мужа нужно было игнорировать. Эдакое элитное лицемерие. Но при этом женщины всегда знали, что они и их дети максимально защищены законодательно и, что самое важное, финансово.

Аристократы не разводились практически никогда. В современном мире, конечно, не нужно было доказывать, что толпа присутствующих держала свечку при прелюбодеянии, но иногда лучше это, чем ссора с соседним родом. Любой брак — выгодный союз, и проворачивать фарш обратно невозможно ни при каких условиях.

Поэтому если несчастливые в браке мужа покупали лошадей, мотоциклы и любовниц, то несчастливые в браке женщины покупали все остальное.

При этом каждый юный аристократ или аристократка надеялись, что уж их-то этот кошмар точно не коснется. Да и старшее поколение старалось все же соблюдать условия минимальной симпатии и не уродовать личную жизнь собственных детей.

Но Максиму Меншикову, кажется, не повезло за все поколение разом. Потому что только в самом страшном кошмаре парень мог представить, что отец согласится на брак с Марией Нарышкиной. Этой рыжей бестией без башни и без тормозов.

Первое время парень еще надеялся, что получится как-то наладить диалог с невестой, поскольку он-то точно знал, что за этим политическим браком стоит тень государя,

которого вечные склоки Нарышкиных и Меншиковых окончательно допекли. Но Мария раз за разом грубо отвергала все попытки парня установить хоть какой-то приемлемый уровень общения, и Максим плюнул.

Он ведь тоже не на помойке себя нашел, чтобы бегать за сумасбродной девицей, навязанной невестой, которая все равно через несколько лет станет его женой, так или иначе. Но если Меншиков поставил ситуацию на паузу, то Мария изо всех сил искала повод разорвать помолвку. И каждый раз прилежность историй, в которые она ввязывалась, становилась все ниже.

Последний раз только внезапно вклинившийся Новиков и Мирный спасли Меншикова от необходимости бить лицо Долгорукову, у которого и так крыша подтекала. И тогда Максим решил, что раз уж им с Нарышкиной придется тащить на себе корабль ненависти, то лучше сделать это поскорее, пока дурочка не наломала дров.

Собственно, он рассчитывал, что после этих выходных энтузиазм, с которым Мария сует пальцы в розетку общественного мнения, угаснет. Но нет.

— Максим, мне неприятно это говорить, — доверительным тоном начал Евгений Распутин, которого Меншиков не звал, но который по своему обыкновению явился без спроса. — Но твоя невеста, кажется, перешла всякие границы.

Максим мрачно посмотрел на непрошеного гостя, ожидая продолжения. И верный сын самого вертлявого рода Российской Империи закончил мысль:

— Она спуталась с простолюдином. И все это видели, Максим. Все об этом говорят.

— Ну и кто же этот счастличик? — усмехнулся Меншиков.

— Александр Мирный.

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

На самом деле хотелось обновить все — от носков до верхней одежды, но закупать трусы я мог в присутствии только одной женщины — собственной жены. Здесь ее у меня не имелось, зато наличествовала симпатичная девушка, которая совершенно наивно согласилась помочь мне пройтись по магазинам в поисках «еще одного костюма».

Так что сегодня я планировал разговорить Василису, чтобы узнать ее получше, а за всем остальным вернуться при случае.

— Педантичность — не твоя сильная сторона, да? — спросил я, когда, наконец, Корсакова вышла из общежития.

— Прости, что задержалась, — не слишком искренне извинилась девушка.

— Ничего, я провел время ожидания с пользой, — усмехнулся в ответ. — Куда едем?

Корсакова окинула меня таким оценивающим женским взглядом, что я бы не удивился, если бы рядом с каждым элементом моей одежды в воздухе загорелся ценник.

— А какой суммой ты располагаешь?

Живу на последние сто семьдесят пять... сто семьдесят два миллиона — хотелось бы сказать мне, но пришлось сдержаться.

— Один хороший костюм я себе вполне могу позволить.

— Тогда едем в пассаж Солодовникова, — решила девушка.

— Хорошо, — легко согласился я, и мы двинулись по территории университета на выход.

Погода стояла по-летнему теплая, светило солнышко, деревья стояли еще зеленые, и только кое-где листья начали желтеть.

— Как твои первые недели в университете? — спросил я.

Корсакова вздохнула.

— Ну, сначала все было неплохо. Симпатичная общага, приятные соседки, интересные лекции. Но инициация, конечно, немного выбила меня из колеи, — призналась девушка.

— Переживаешь?

— Скорее, расстраиваюсь.

— Думаю, это все быстро забудется. Останется лишь магия и смазанные воспоминания.

— Хорошо бы, — покачала головой девушка.

Если бы мы говорили начистоту, то с высоты опыта своей прошлой жизни я бы сказал, что забывается вообще все, что не окрашено чистыми эмоциями.

Бесконечная работа в итоге кажется одним долгим рабочим днем. Студенчество — какой-то затяжной вечеринкой, прерываемой на экзамены. Травмы, обиды и досады, пытавшиеся раздавить в моменте — вообще подтираются, будто и не было их вовсе.

А вот момент, когда первый раз берешь сына на руки — останется с тобой навечно. Когда твоя жена, уже немолодая, но все равно такая красивая, ждет тебя до трех утра на кухне с работы и кормит самым вкусным борщом на свете — останется с тобой навечно. Когда со стареньким батей утром по росе, пока все спят, удираете от грядок ловить рыбу. Да даже не ловить, просто сидеть и смотреть, как занимается рассвет — тоже останется с тобой.

И все медали, награды и грамоты будут валяться забытыми где-то на полке в шкафу, а вот семейный обед в крошечном деревянном домике у родителей, когда вся семья не влезает за стол, под ногами бегают дети, а старики пытаются наставлять молодежь — ты сохранишь в сердце.

Получается, семья — самое ценное сокровище. Может быть, не так уж и неправы местные аристократы?

— Ты куда? — вырвала меня из задумчивости Василиса, когда мы вышли за ворота университета.

— Ловить такси, — ответил я, немного не понимая суть вопроса.

— Но здесь недалеко метро, — растерянно заметила девушка.

— У тебя предубеждения против автомобилей? — поддел я Корсакову.

— Нисколько, — пожалала плечами Василиса, и я, наконец, поймал машину.

Вообще, девчонку понять можно — я не выглядел способным шиковать на такси, но, надо отдать ей должное, задавать неуместных вопросов она не стала.

— Куда едем? — спросил таксист, едва мы уселись в машину среднего класса для небогатых.

— Пассаж Солодовникова, — ответила Василиса, и водитель тыкнул в таксометр, начиная поездку.

Когда мы подъехали к этому самому пассажи, я чуть не воскликнул «А-а-а!», потому как в моем мире примерно на том же месте располагался ЦУМ.

Это было трехэтажное здание со сквером перед парадным входом, шатрами летних веранд и симпатичной лепниной на фасаде. Войдя внутрь, я даже замедлил шаг, с любопытством осматриваясь.

В принципе, «пассаж» от «торгового центра» не отличался ничем, кроме названия. Знакомых марок здесь, конечно, не было ни одной, но суть та же — коридорная система с магазинчиками всего на свете.

— Идем, — скомандовала Корсакова, воодушевленно схватив меня за руку и, взяв на буксир, потащила в каком-то одной ей известном направлении.

Вот сразу видно, девушка попала в свою стихию.

— Ты, случайно, не на торговле учишься? — со смешком поинтересовался я, когда Василиса уверенным шагом разрезала толпу китайских туристов, фотографирующих стеклянный купол потолка.

— Нет, ты что! — возмутилась Василиса и гордо добавила: — Информатика и вычислительная техника!

— И что же заставило тебя туда поступить? — совершенно искренне поинтересовался я, когда Василиса сбавила шаг.

Теперь мы действительно шли по пассажиру, рассматривая витрины, а не неслись, как намазанная скипидаром кошка, в неизвестном направлении.

— У нас это что-то типа семейного. Родители учились там, брат учился, и вот теперь я учусь. Только они все в обычном университете, а мне хватило дара на ИМУ. А ты? Ты вроде бы юрист?

— Ну, пока еще нет, — усмехнулся в ответ. — Но обязательно буду.

— Тоже семейное? — воодушевилась девушка.

— Нет. Родители были военные, ну а я не стал продолжать традицию и ушел на гражданку.

— Были? — не поняла Василиса.

— Да. Погибли, когда я совсем мелкий был. Я их и не помню, честно сказать.

— Ох, прости. Я не подумала... — в глазах девушки отразились одновременно неловкость, смущение и океан сочувствия.

— Я не безногий, просто сирота, — спокойно ответил я.

— Я понимаю, просто... Просто это очень грустно, — вздохнула Корсакова. — Но ты молодец, что поступил! Высшее образование открывает массу перспектив в дальнейшем.

Пока оно открывает массу головняка, прямо скажем.

— Посмотрим, — уклончиво ответил я.

— А вот мы и пришли, — сказала Василиса, сворачивая неловкую тему.

Над стеклянной витриной висела вывеска с темно-зеленым, благородным полем и надписью «Костюмъ». Внутри все было как в самом обычном магазине мужской одежды из моего мира ценового сегмента чуть выше среднего.

Корсакова прошла меж рядов вешалок, полок и манекенов, одним взглядом распугав консультантов, и спросила:

— Какой костюм нам нужен?

Девушка явно чувствовала себя в своей стихии. Или ей очень хотелось меня приодеть.

— Выходной, — пожал плечами я.

Университетскую форму можно было заказать в любом ателье, все портные знали требования тех или иных учебных заведений или профессий.

— Это понятно. Но какой?

Да любой, господи. Я же мужик, мы не различаем всякую ерунду типа оттенков одного цвета или формы пуговиц.

— Синий? — спросил я, предполагая, что ответ девушке должен понравиться.

— Синий... — задумчиво повторила Василиса и принялась с остервенением перебирать пиджаки на вешалке.

Наконец, прошерстив две или три стойки, девушка продемонстрировала мне два абсолютно одинаковых костюма.

— Этот или этот? — спросила Корсакова, качая вешалками в своих руках.

Мне даже строить печальные мордашки не пришлось, я разом все флешбэки походов по магазинам из прошлой жизни получил одной этой фразой.

— Василиса, сжался.

— Тогда иди мерить оба! — скомандовала Корсакова, отправляя меня в примерочную. — А я еще что-то тебе подберу...

В общей сложности вся экзекуция заняла почти час. Девушка вошла в азарт и принялась искать мне костюм под *своей* вкус. Я, в принципе, был не против, тем более что за время примерки выяснил о ней много интересного.

У Василисы был старший брат, у отца — своя маленькая фирма по разработке программного обеспечения. Девушка довольно вдохновенно рассказывала, как они разрабатывают собственную платформу по автоматизации бизнес-процессов, и я героически держался, слушая про технические тонкости и требования каких-то там серверов.

Сама Василиса мечтала создать что-нибудь такое же гениальное, как электронная почта. Но никак не могла придумать ничего сложнее сайтика, который разрабатывала для общения со своими друзьями. Здесь я оживился и принялся расспрашивать Василису о деталях проекта, чтобы еще через четверть часа убедиться, что передо мной будущий разработчик синей социальной сети в юбке.

Каюсь, не удержался, докинул парочку идей в костер ее фантазий. Но судя по загоревшимся глазам, девушке они понравились, и она уже мысленно пытается их реализовать.

И вот, когда я примерил очередной костюм и вышел из душного закутка, готовый сказать — все, берем этот и никакой другой больше я в жизни мерить не буду, у меня зазвонил телефон. Пришлось отвечать:

— Да.

— Александр Мирный?

— Я.

— Здравствуйте! Меня зовут Ефим Константинович, я по поручению Виктора Сергеевича.

— Слушаю, — ровным тоном ответил я, не имея ни малейшего представления, кто этот Виктор Сергеевич.

— Мы готовы обсудить с вами продажу винного погреба.

Я поискал глазами часы на стене. Пора бы купить наручные, а то это становится неудобной привычкой.

— Через три часа я смогу подъехать на встречу.

Даже через телефон было слышно, что мужчина на том конце провода хмыкнул.

— Давайте встретимся в шесть вечера во ресторане Охотник.

Прекрасный адрес для сироты, вчера приехавшего в город. Практически как назначить свидание на «улице Сорок лет Победы» у фонарного столба.

— Хорошо, — легко согласился я. — А если назовете точный адрес, я даже не опоздаю.

— Плохо знаете Москву? — с ехидным сочувствием спросил собеседник.

— Вообще не знаю, — не стал стесняться я.

— Большой Черкасский переулок, 15.

— Благодарствую, — сказал я, прежде чем нажать отбой.

— Все в порядке? — спросила Корсакова, весь разговор соблюдавшая приличия и потому стоявшая от меня на максимальном расстоянии, какое позволял магазин.

— Да, — кивнул я. — Но вечером у меня внезапно появились дела. Так что берем костюм.

— Этот?! — возмутилась Василиса. — Я нашла лучше!

— Очень хорошо, — легко согласился я. — В следующий раз начнем с него.

— Следующий раз? — удивленно переспросила девушка.

— Ты против?

— Нет... — растерялась Корсакова, а я подозвал продавца:

— Я беру этот и вон ту рубашку, — я ткнул в первую попавшуюся из тех, что Василиса приносила для примерки.

— Ну уж нет! — возмутилась девушка и, сунув руку в стоящую рядом стойку с рубашками, как фокусник выудила какую-то точно такую же, но другую.

— Эту! — заявила Василиса тоном, не терпящим возражений.

— Хорошо, — не стал возражать я.

— Мы можем доставить его по адресу, — не особенно рассчитывая на оплату дополнительных услуг, предложил консультант.

— Знаете, очень актуально, — согласился я.

Ехать с покупками на многомиллионную сделку было бы совсем смешно. Еще только старого замызганного пакета-майки для денег не хватало для полноты картины.

— К костюму нужны туфли, — вставила Корсакова, едва мы вышли.

— Ага.

— И галстук. И ремень!

Я кинул взгляд на девушку и улыбнулся.

— Что? Я же вижу, что ты купишь первое попавшееся, — вздернула она свой прелестный носик.

— Нет, ничего, — посмеялся я. — Мне просто импонирует то, с каким воодушевлением ты кинулась приводить меня в порядок.

— Ты попросил меня помочь с внешним видом, и я согласилась, — пояснила Василиса. — Мой отец любит говорить: раз уж что-то делаешь, надо делать это хорошо. Кое-

как получится и без твоего участия.

— Мудрые слова, — согласился я и позволил поводить себя еще по магазинам.

Некоторое время спустя, отправив в университет полный комплект одного приличного вида, я достал из кармана телефон, чтобы посмотреть время.

Времени было предостаточно, так что теперь я взял девушку за руку и скомандовал:

— Туда!

«Туда» было магазином часов. В отличие от всех прочих, он не сиял яркими стеклянными витринами, а был оформлен деревянными панелями с выжженным на них рисунком разных летающих часовых циферблатов.

Верхнего освещения внутри не было, и единственным источником света оставались витрины, расставленные по торговой площади.

— Добрый день, — поздоровался с нами седой мужчина в очках на сильный плюс.

— Здравствуйте, — поздоровалась Василиса, я же просто кивнул, рассматривая витрины.

Что и говорить, часы в Российской империи делали шикарные. Здесь были витрины, отведенные под целые дома часовых мастеров разных известных и неизвестных мне имен. Например, дом Фаберже сейчас все еще делал знаменитые яйца по индивидуальным заказам, а вот женские наручные часы были поставлены на поток. Дом Буре до сих пор изготавливал весьма дорогие карманные часы, но основную кассу, конечно, делали мужские наручные самого дешевого сегмента. А вот дом Бронникова мне был неизвестен, но их работы казались ближе к народу — меньше помпы, больше теплых материалов типа кожи и дерева.

Но это все было не то.

Я шел между стеклом и светом, ища что-нибудь, что хотелось бы видеть каждый день на руке. Что-нибудь, что напоминало бы о том, что это все-таки вторая жизнь, и, в конечном счете, она окажется так же быстротечна, как и первая, а потому стоит относиться к своему времени бережнее, и тратить его с умом.

— Александр, — окликнула меня Василиса, — подойдешь? Думаю, тебе понравится.

Без особых ожиданий я подошел к девушке, стучавшей ноготком по стеклу витрины, указывая на свой выбор.

— Вот эти, третьи слева. Как тебе?

Я на несколько мгновений замер, словно заново ощущая тяжесть браслета на левой руке. Это были мои часы. Часы, которые когда-то давно подарила мне жена в том, другом мире. Часы, которые я никогда не менял, хотя мог позволить себе многие понты.

— Как тебе? — тихо и растерянно повторила Василиса, потому что я молчал слишком долго.

— Да, — покивал я в ответ. — Это то, что нужно.

И когда мы вышли, расплатившись, я посмотрел на Василису и, постаравшись вложить все свои эмоции в слова, сказал ей:

— Спасибо.

Девушка просияла, а я привычным, старым-старым жестом тряхнул кистью, чтобы браслет упал на костяшки запястья.

— Здесь есть какое-нибудь местечко, где хорошо кормят? — спросил я, оглядываясь. — Хочу отблагодарить тебя за потраченное время.

— Весь первый этаж к твоим услугам, — ответила Василиса.

В отличие от торговых центров моего мира, хотя здесь и не было фудкортков, но первый

этаж пассажира полностью занимали заведения общепита. Здесь было что-то подороже с очень важными хостес на входе, что-то подешевле с линией раздачи, где толпился народ попроще. Но взгляд мой зацепился не за красивые вывески или длинные очереди.

— Ты была там? — я кивнул на вывеску «Вареничная».

— Нет, — покачала головой девушка. — А ты?

— В этой конкретно нет. Но, если она похожа на ту, что в моем родном городе, думаю, тебе понравится.

Справедливости ради, я имел в виду сеть заведений в другой Москве, но к чему эти незначительные уточнения?

— Давай попробуем, — согласилась Корсакова.

Внутри «Вареничная» не подвела. Обставлена она была так, как бы могла быть обставлена типичная квартира семидесятилетней давности. Чтобы посетители сразу чувствовали, что попали в гости к родной бабушке, которая сейчас их накормит так, что из стола придется выкатываться.

Но самое главное было не в знакомом названии и не антураже, а в том, что свободных столиков почти не было. А это верная примета вкусной кухни.

Собственно, примета не обманула. Так что Василиса осталась в полном восторге от обеда, умяв три тарелки вареников к ряду.

— Какое замечательное место! — фонтанировала эмоциями Корсакова. — Нужно обязательно сходить сюда с девчонками!

— Рад, что тебе понравилось, — улыбнулся я и кинул взгляд на часы. — И я бы с удовольствием продолжил вечер в твоей прекрасной компании. Но мне нужно успеть на одну важную встречу. Ты не будешь против, что раз я не смогу тебя проводить, то хотя бы закажу такси?

— Никаких проблем.

Усадив девчонку в машину, привычно записав номер, сделав водителю внушение и оставив щедрую шуршащую купюру, я поймал второе такси для себя.

Если я правильно помню карту города, ехать мне было минут десять от силы, но марафон по магазинам меня изрядно утомил, и посидеть лишние десять минут, бессмысленно пялясь в окно, казалось мне прекрасной идеей.

Да, собственно, это и было прекрасной идеей, пока в лобовом стекле моего такси не возникла маленькая такая, аккуратненькая дырочка с расходящейся от нее паутиной трещин, а водитель упал лицом в руль.

Твою мать.

Машина завилыла по узкой, удивительно пустой для этого времени улочке. Поскольку я был не пристегнут, меня кинуло на сиденье и, вероятно, только это и спасло от пулеметной очереди, прошедшейся по машине. Труп водителя такого посмертного насилия не выдержал, и его нога соскочила с педали.

В этот момент я подумал — слава богу, механика! Но, конечно, рано обрадовался. Тонны веса было вполне достаточно, чтобы по инерции транспорт тащило и крутило на лопнувших колесах, а я пытался вспомнить хоть одну молитву любому богу, чтобы машина не сделала уши.

Молитву не вспомнил, но все-таки повезло: несчастное такси дотащило до столба, который и поставил точку в этом недолгом путешествии. Не знаю, кто там сверху курирует мое перерождение, но спасибо, братцы, что такси не обняло столб — иначе бы это была

самая бессмысленная реинкарнация.

А за машиной уже раздавались шаги. Не достаточно близко, чтобы пустить мне прицельно пулю в лоб, но и не достаточно далеко, чтобы их не слышать. И при этом я все еще мешком с костями валялся на заднем сиденье, пытаюсь придумать хотя бы один вариант развития событий, при котором я остаюсь живым.

При мне никакого оружия, количество врагов неизвестно и, хуже того, в этот раз мне никто не даст хорошенько прицелиться, чтобы всадить кусок льда кому-нибудь в глаз.

Лед мне сейчас не особенно поможет, но должен помочь туман. Вот только как его создать? Шаги приближались, а я пытался собрать мысли в кучу. Ни о каком планомерном делении капель воды сейчас не могло быть и речи. Я вдруг с особенной четкостью осознал, что предлагаемая Разумовским работа техники — полная чушь, созданная для тренировок и на потеху тренерского состава.

Я сосредоточился и попытался воспроизвести в памяти то, как туман появлялся в ладони Разумовского.

Шаги приближались медленно, осторожно.

Как же тренер создавал туман? Я не помнил деталей. Никаких стадий. Просто раз — и в ладони плотная сфера водяной взвеси. Костяшки пальцев начало привычно покалывать, и я, не придумав ничего лучше, вспомнил улицу, по которой ехал, за мгновение до того, как началась стрельба. Яркое закатное солнце на крашенных фасадах, припаркованные машины, неестественное отсутствие пешеходов...

Магия уже не кололась, она жгла ладони, требуя выхода. И я в порыве то ли вдохновения, то ли просветления, просто представил, как на эту залитую закатным солнцем улицу, в одно мгновение опускается плотный серый туман.

Снаружи раздались короткие матюги, и я понял — сработало. Приподнял голову и еще раз в этом убедился — за разбитым окном висел густой, хоть ложкой ешь, туман.

Водная завеса хоть частично и приглушала звуки, но я все равно постарался создавать меньше шума, выбираясь из машины. Благо, нападавшие не были полными идиотами и не стали стрелять наугад, чтобы не зацепить своих.

За это им отдельное спасибо, конечно, но вот такой расстрел среди бела дня — это уже ни в какие ворота. Чувствуя легко раздражение, я отошел на несколько шагов от разбитой тачки, чтобы спиной прижаться к бочине какого-то припаркованного автомобиля. Повел рукой в тумане, и стихия отозвалась. Приластилась, как котенок, приласкалась к подушечкам пальцев. И с этой игривой отзывчивостью пришло еще одно понимание — техника позволяет однозначно определять местоположение врагов.

Какая полезная штука.

Итак, сегодня на арене нашего цирка выступают восемь отморожков, решивших, что устроить побоище на улице столицы — отличное занятие для вечера субботы. Семеро подходили к машине, а один стоял чуть поодаль, не спеша приближаться.

Вряд ли в стороне стоит самый юный участник охоты на мою скромную персону, которому более взрослые особи показывают азы захвата покоренного металла. Так что, скорее всего, это руководитель мероприятия.

Я создал восемь ледяных пуль — чуть большего размера, чем в прошлый раз. Пистолетом мне разжиться бело негде, так что приходилось полагаться на удачу и новую туманную технику.

Лед с тонким свистом рассек воздух. И раз, два, четыре, семь тел рухнули на асфальт с

пробитой башкой. К восьмому же у меня были вопросы, так что с ним стоило быть аккуратнее. Он уже по звукам падающих дружков понял, что шоу сегодняшней программы слегка переписали, и начал нервно окликать своих павших подельников.

Недолго, правда.

Последняя ледяная пуля сорвалась с места и... Я вообще не был уверен, что попаду, потому как далеко, наощупь и вообще.

Но нет, смотрите-ка, попал.

Главарь взвыл тоненьким голоском, когда моя пуля по очереди пробила ему коленные суставы. И так он был увлечен своим соло, что не сразу заметил, как я подошел к нему, пинком откатил выроненный пистолет и встал рядом.

— Ты-ы-ы! — выпучив глаза, заголосил мужик скучной наружности. — Ты-ы-ы!

— Я, — согласился я. — А ты кто? Кто тебя нанял?

— Да пошел ты!

— О, я-то пойду, — заверил я подвывающего бандита. — А вот ты уже вряд ли. Что тебе было нужно?

Мужик не ответил, лишь кинул быстрый взгляд на лямку моего рюкзака.

Понятно. Решили по легкому подрезать баблишко у зеленого пацана. Пацан оказался с зубами, а случайный водитель погиб.

— Ничему вас жизнь не учит, статисты, — процедил я, всадив в лоб бандита ледяную пулю.

Отошел от трупа на некоторое расстояние и жестом развеял технику тумана.

Солнышко все также ползло по фасадам домов, теплый ветерок трепал мои отросшие волосы, и только покореженный автомобиль и художественно раскиданные по дорожному полотну трупы портили картинку.

— Меня прямо поражает то хладнокровие, с которым вы выходите из опасных ситуаций, — раздался за спиной мужской голос.

Я обернулся и увидел в дверном проеме под вывеской «Охотникъ» мужчину, чье лицо мне кого-то неуловимо напоминало.

— С кем имею честь? — приподнял я брови, не совсем понимая, придется ли сейчас защищаться или будем чесать языками.

До нас донесся тревожный вой полицейских сирен.

— Не лучшее место для знакомства, не находите? — усмехнулся собеседник и кивнул на первую въехавшую на улицу машину со сверкающей синей люстрой на крыше. — Думаю, сначала лучше уладить некоторые формальности.

Боярин Нарышкин, а это был именно он, оказался худым, высоким мужчиной чуть за пятьдесят. Он был не тощим, а, скорее, поджарым, и плавные, уверенные движения выдавали хорошего бойца, хоть уже и посеребреного сединой.

Виктор Сергеевич легко спустился с крыльца ресторана, в котором должна была проходить наша встреча, и подошел ко мне, чтобы осмотреть поле боя. По бегущим от трупа к трупу зрячкам я понимал, что он анализирует произошедшее, но комментарий не последовало.

Когда высыпавшие из полицейских машин стражи порядка двинулись в нашу сторону, вскинув дула автоматов, боярин чуть усмехнулся и, заложив руку в карман брюк, с любопытством наблюдал за полицейскими. Полы незастегнутого пиджака при этом раздвинулись, и в остатках света убегающего за крыши домов солнца тускло блеснула цепочка карманных часов.

Бойцы же прибывшего подразделения растерянно замерли примерно на середине пути, не совсем понимая, зачем их сюда позвали. Наконец, от группы отделился командир и двинулся к нам, поставив автомат на предохранитель.

— Капитан Седых, — представился мужчина, — прибыли на вызов о перестрелке.

— Здравствуйте, капитан, — спокойно поздоровался Нарышкин. — Быстро приехали.

— При всем уважении, Виктор Сергеевич, от вызова до прибытия прошло менее пяти минут, — процедил капитан.

— Я разве высказал какую-то претензию? — склонил голову набок боярин.

— Н-нет... — растерянно ответил мужчина.

— Вот видите, у вас совершенно никаких причин нервничать. Так что позовите ребят, пусть уберут тут по-быстрому.

— А молодой человек? — прищурился Седых, окинув меня нехорошим взглядом.

— А молодой человек со мной, — Нарышкин положил мне руку на плечо. — Какие-то трудности?

Судя по роже Седых, трудности были. И будут у всех участников расследования, когда они поймут, что красоту эту неопишемую раскидал по асфальту один уже немного засветившийся в сводках пацан.

— Никак нет, — нехотя ответил капитан и, развернувшись, начал кому-то звонить.

— Идем, — чуть сжал мое плечо Нарышкин, после чего убрал руку.

Я подавил инстинктивное желание стряхнуть ощущение чужой руки и пошел за Нарышкиным-старшим. Посмотрим, что он мне скажет.

Ресторан «Охотникъ» выглядел, как огромный парад трофеев. Тут была и голова оленя, и вепря, и чучело медведя, куда уж без него. Темные стены, массивная мебель из дерева, тяжелые портьеры, хрустальные люстры — как мечта любой советской женщины. В общем, все максимально дорого, максимально богато и как будто бы немного неформально — охота же. А на охоте, как и на рыбалке, самое оно перетереть за дела без галстуков.

Зал, в котором мы с Нарышкиным сели за стол, был абсолютно пуст — только вышколенный официант с важным видом стоял у стеночки. Мы заняли стол точно посередине, накрытый накрахмаленной скатертью, и боярин сделал неуловимый жест. К нам тут же подскочил официант и протянул меню в красивой, толстой папке.

— Голоден? — спросил Нарышкин.

Я покачал головой:

— Нет, но от кофе я бы не отказался.

— Зря, здесь недурно кормят. Особенно хороша строганина.

— Буду иметь в виду, — вежливо улыбнулся я.

Нарышкин хмыкнул, и мы сделали заказ. Я — кофе по-турецки, а он — кофе со сливками.

— Итак, думаю, мне нет нужды представляться, — произнес боярин. — Собственно, как и вам, Александр.

Я согласно кивнул, не торопясь педалировать тему разговора.

— И, надеюсь, вы понимаете, что я обладаю достаточными компетенциями, чтобы сказать, что вы влезли в очень опасную игру, не зная ни правил, ни игроков.

Любой восемнадцатилетний пацан, только что сорвавший куш, на моем месте должен был начать бить себя пяткой в грудь, что он на самом деле ого-го-го какой умный и продуманный. Но я промолчал, чем вызвал легкое удивление у боярина.

Нарышкин ведь в принципе-то прав — я влетел на всех скоростях в давно идущую драку и иду чисто по приборам. Это выглядит впечатляюще в моменте, но в долгой перспективе — не очень хорошо.

— Собственно, у меня вопрос — зачем тебе тот подвал? — спросил Виктор Сергеевич. — У тебя ни связей, ни реальной власти. Просто крутануть колесо, чтобы он и дальше приносил деньги, не получится. Но ты не кажешься мне глупым мальчишкой. Значит, у тебя есть план.

Я отхлебнул кофе, который, как оказалось, в этом супер пафосном заведении совершенно не умели готовить, и заговорил:

— Как вы видите, политика «хлеба и зрелищ» всегда будет актуальна, доходы клуба это подтверждают. Я бы легализовал это дело, и все бы получили свое. Я — стартовый капитал для поддержания штанов. Бывший хозяин клуба — провокационный тычок в нос. Вы — возможность его выкурить на свет божий.

Нарышкин чуть прищурился, внимательно смотря на меня, словно оценивая сказанное.

— И как ты предполагаешь легализовать бизнес? — медленно проговорил боярин.

Он смотрел в пространство, и, если очень постараться, можно было представить, как перед его глазами прыгают цифры экономических показателей.

— Сделать это спортом, — пожал плечами я. — Ввести судейство. Базовые плавилла. Призовые фонды.

— Что будет основным источником дохода? — прищурился мужчина.

В этот момент Нарышкин был похож на почуявшего добычу дикого хищника перед прыжком.

— Ставки, — чуть улыбнулся я. — И алкоголь.

Боярин откинулся на стуле, и некоторое время обдумывал мои слова.

— Но ты же понимаешь, что бывший владелец клуба рано или поздно придет по твою душу?

— И у вас будет отличный повод схватить его за горло в этот момент, — ответил я.

Нарышкин снова замолчал, обдумывая мои слова. В том, что он согласится, я был абсолютно уверен. Вопрос лишь в размере личной выгоды.

— Ну, хорошо, — наконец произнес мужчина. — Но раз мы говорим о легализации

такого сомнительного бизнеса на моей территории, мне нужен личный интерес.

— Само собой, — кивнул я. — Ваши предложения?

— Семьдесят, — Нарышкин показал на себя, — на тридцать, — и показал на меня.

— Процентка мне нравится, — согласился я, — только семьдесят, — я показал на себя, — на тридцать, — и показал на него.

Боярин хохотнул:

— Мы так не договоримся. Ты же понимаешь, я могу сделать все то же самое, но со своей прослойкой.

— Можете, — не стал спорить я. — Но и я могу сделать все то же, только в другом месте. И, что самое главное, в черную.

— А ты борзый, — продолжил скалиться боярин.

— Я просто не тупой исполнитель, Виктор Сергеевич. Вы же это понимаете.

Нарышкин смотрел на меня нехорошо, пронзительно, с прищуром.

— Шестьдесят на сорок, — наконец произнес он, распределяя, естественно, шестьдесят себе, а сорок мне.

— Сорок на шестьдесят, — ответил я.

— Тебе нужны контакты и связи для легализации, организации и продвижения, — заметил Нарышкин. — А ты сирота, у тебя за душой ничего и никого. Пятьдесят на пятьдесят.

— У меня есть я, и этого вполне достаточно, — усмехнулся я.

В целом, вариант напополам меня вполне устраивал. Прямо скажем, я в него и целился, потому что боярин вообще-то прав, и мне ой как нужен его административный ресурс. Самое время обрастать связями и знакомствами на разном уровне государственной машины, и за это я готов был платить частью прибыли. Тем более что это явно не последнее мое прибыльное дельце. Как говорится, жадность — грех! Но все же хотелось оставить контрольный пакет у себя.

— Пятьдесят один на сорок девять, — произнес я.

Нарышкин снова расхохотался:

— А ты смелый!

Я только что завалил восьмерых бандитов под окнами твоего ресторана, мужик!

Но вместо ответа я лишь красноречиво развел руками, и понимай этот жест как хочешь.

— Ладно, черт с тобой. За твою смелость и чертовскую везучесть сорок девять на пятьдесят один, — согласился Нарышкин, и мы ударили по рукам.

Шампанское распивать было рано, договора подписывать тоже, так что пока Нарышкин искал визитницу по карманам, я сделал еще один глоток остывшего кофе, который холодным стал еще более мерзотным.

— Это визитка Ефима. Он — мой помощник и будет организовывать весь процесс.

Я понятливо кивнул.

— А это моя визитка. На случай, если вдруг что, — чуть усмехнувшись, произнес Нарышкин, выкладывая поверх визитки помощника свою.

Продельывал он это с таким видом, будто у него на руках топовая комбинация в покере, и он ее выкладывает. Ну, в принципе, если сюда добавить визитку министра финансов, обороны и государя, то так и будет.

— Благодарю, — я склонил голову набок.

Нарышкин передвинул обе визитки мне по столу и, как только я взял их, сказал:

— А чтобы сегодняшних происшествий не повторялось, я настоятельно рекомендую положить деньги в банк, — сказал боярин. — Носить с собой по городу внешний долг какого-нибудь небольшого европейского княжества — не самая умная затея.

— Был бы у меня счет в банке, где не задают лишних вопросов, я бы с удовольствием воспользовался этим советом.

— Волжско-Камский коммерческий банк вполне подойдет, — мгновенно ответил Нарышкин. — Ефим организует толкового сотрудника для проведения твоих и наших операций.

— Спасибо, это действительно будет очень полезно, — совершенно искренне поблагодарил я.

— А что, кстати, у тебя с моей Машенькой? — спросил мужчина как бы невзначай.

Я, кажется, целую вечность пялился на собеседника, вспоминая, кто такая «Машенька», почему она его и причем тут я.

— Вам с самого начала нашего знакомства, повлекшего за собой дуэль, рассказывать, или это вы уже знаете? — вопросом на вопрос ответил я.

Виктор Сергеевич на это не купился. Впрочем, я бы тоже — все-таки у меня однажды уже была дочь. И в ее возрасте примерно двух лет я всерьез подумывал о том, что достать из сейфа охотничье ружье, чтобы отстреливать каждого мелкого паршивца, посмотревшего в ее сторону, не самая плохая идея.

— Александр, я бы очень искренне и от души не рекомендовал тебе портить мою девочку, — с нескрываемой угрозой в голосе произнес мужчина.

— Скажу честно, вы в этом вопросе и без меня прекрасно справляетесь, — усмехнулся в ответ. — Давите этой свадьбой на девчонку, а она и рада во все приключения залезть, лишь бы найти благовидный предлог соскочить с обязательств.

— Мария — девушка с живым умом и очень сильным характером. Сейчас она, возможно, меня искренне ненавидит за это решение, но спустя время поймет, насколько я прав, — спокойно ответил Нарышкин. — Не стоит думать, что я бесчувственная скотина, готовая положить собственных детей на алтарь политики. Ты ничего не знаешь ни о Марии, ни о Максиме, ни вообще о том, откуда и куда ветер дует. И не тебе, мальчишке, об этом судить.

Ну просто отец года, вы только посмотрите.

— Я не собираюсь ни в чем оправдываться, — сухо ответил я. — Тем более в том, чего не совершал. Хотите оградить дочку от сомнительных контактов — не давайте ей надираться в сопли по московским барам в одиночку.

Кажется, эта информация как-то ускользнула от Нарышкина, потому что у мужика немного дернулось веко после моих слов. Но пятиться назад он не мог по понятийным соображениям, так что оставил последнее слово за собой:

— Я предупредил. Ты услышал. Договорились?

— Вполне.

Боярин вздохнул, и на лице у мужика читалось «все проблемы из-за баб, даже таких маленьких», но делиться печалью он не стал.

— Был рад познакомиться, Александр, — вполне искренне произнес Нарышкин, протягивая мне руку на прощанье.

— Это взаимно, — ответил я, крепко пожав внезапно узкую ладонь мужчины.

Из ресторана «Охотникъ» я вышел вполне удовлетворенный беседой. Нарышкин готов

был щедро давать мне контакты, я же за это обещал заниматься вполне необременительным тыканьем раскаленной палкой в глаз его недруга. И все это за свой приятный гешефт.

Я на мгновение замер на последней ступеньке крыльца, окидывая взглядом улицу. Мельком подметил, что ответственные полицейские даже организовали мойку асфальта с шампунем, чтобы кровавые следы не шокировали общественность. Как будто та общественность после сегодняшнего шоу могла вообще чем-то шокироваться.

Но, вообще, искал я не следы собственного побоища, а совершенно определенную вывеску. И нашел ее прямо напротив входа в ресторан. Хорошо проведенные переговоры требовали срочно совершить какой-нибудь добрый поступок. Под понятие «добрый», это бы, конечно, вряд ли подошло, но настроение одному конкретному человеку определенно должно было подняться.

И я зашагал к входу под вывеской «Цветы».

Ресторан «Охотник», Виктор Сергеевич Нарышкин

Виктор Сергеевич хоть и торопился домой, но во вкусном обеде просто не мог себе отказать. В конце концов, когда ему еще удастся вырваться из скучных кабинетов?

Вот и он думал, что нескоро.

А пока официанты таскали один за другим подносы с разными вкусами, которые Нарышкин не собирался есть, а только пробовать, мужчина читал отчет из подразделения Серова, уже прилетевший на почту.

По нему выходило, что бандиты, позарившиеся на будущие денежки Нарышкина, сидели на улице давно. Задолго до того, как на ней появился Мирный. А это могло значить только одной — где-то у боярина подтекает. Вот только как залатать брешь, если не знаешь, где искать?

— Антон, привет, — проговорил боярин в трубку, накалывая на вилку кусок мяса какой-то дичи. — Слышал про сегодняшнюю перестрелку?

Трубка удовлетворительно и немного зло что-то пробухтела.

— Ты видел заключение экспертов? Думаешь о том же, о чем и я?

И снова на другом конце было сердитое согласие.

— Давай ты своих ребят поднапряжешь, м? Мне что-то не нравятся такие истории.

Серов отчитался, что задачу принял, и вообще она почти сразу оказалась в работе по его инициативе, но боярина такие мелочи не интересовали, и он повесил трубку.

Найти крысу — не такая фатальная задача на самом деле. А вот грамотно выпотрошить ее — здесь нужен настоящий профессионал. Желательно с набором начинающего палача по мотивам древней Руси.

Императорский Московский Университет, Василиса Корсакова

Из пассажа Солодовникова Василиса возвращалась в странно приподнятом настроении. И вот вроде бы она понимала, что это не свидание, и вообще, Александр мог без задней мысли и очень даже по-дружески попросить помочь, но поделаться с собой ничего не могла. Ей страшно-престрашно хотелось верить, что это все не просто так! Это все начало настоящего красивого романа. Ну, такого, как в книжках пишут.

Если бы Василиса в тот момент додумалась позвонить старшему брату, то тот бы расхохотался где-то в районе фразы «сходили по-дружески». Уж он-то бы ей объяснил, что мужчины «по-дружески» с женщинами по магазинам не ходят даже под дулом пистолета. А

еще сразу бы начал задавать разные неудобные вопросы про этого парня, который «подружески» тянет ручонки к его младшей сестре.

Но Василиса не стала звонить брату. Она вообще ни с кем не захотела делиться своими эмоциями на счет проведенного с Александром времени. Это было только ее. И не просто ее, а что-то очень личное, сокровенное. О таком не рассказывают подружкам, даже с матерями не делятся, а бережно хранят в сердце, наслаждаясь своими эмоциями.

Собственно, девушка рассчитывала сохранять произошедшее в секрете максимально долгое количество времени и, заходя к себе в комнату, никак не ожидала, что на нее накинется соседка с вопросами:

— Кто он? Кто этот счастливчик?

Василиса не сразу поняла, о чем речь, а когда соседка ткнула в письменный стол, то Корсакова впала в глубокую задумчивость.

— Сегодня привезли курьеры, — рапортовала соседка. — Я сколько ни допытывалась, а про отправителя ни слова не сказали!

Меж тем Василиса подошла к своему письменному столу и растерянно смотрела на два шикарнейших букета, вставленных в обрезанные пластиковые бутылки вместо ваз.

Один из букетов был побольше и состоял исключительно из бело-зеленых роз. Это производило двойственное впечатление, если честно. Девушка головой понимала, что букет, наверное, ужасно дорогой, но если бы ее спросили, она бы даже не смогла ответить, чем он ей не нравится. А если бы очень стали допытываться, то сказала бы, что букет без души. Впрочем, как и вложенная в этот букет открытка с напечатанным текстом «Самой прекрасной девушке ИМУ».

Второй же букет был совсем небольшой и, наверное, легко бы уместился в руку. Зато он был скомпонован из разных ярких цветов, и создавалось ощущение, что именно этого красно-оранжевого малыша собирали с искренней любовью к работе. Внутри тоже была вложена открытка с исчерпывающей надписью «Тебе от меня».

И вот, стоя рядом с этим ночным кошмаром кухонного секатора, Василиса задавалась одним вопросом.

А среди отправителей вообще есть Александр?

Москва, Александр Мирный

Волжско-Камский коммерческий банк имел не так много представительств, как Сбергательный, но зато работал по всем заветам клиентоориентированности — до победного конца.

Сложно сказать, как остальные отделения, а вот центральный офис был прям в духе «стильно-модно-молодежно»: стеклянное высокое здание резко контрастировало с малоэтажными домиками старой Москвы. Сразу видно, кому-то не кисло отбашляли за нарушение исторического облика города.

На входе клиентов встречала улыбчивая девушка в ярко-голубой корпоративной футболке, обтягивающей ее бюст так, что создавалось ощущение, будто ткани на одежду пожалели. Меня усадили в очередь, предложив кофе, сок, печенек. Прекрасный сервис, особенно учитывая, что тут вроде как не задают квадратных вопросов. Я ожидал увидеть какое-нибудь обшарпанное полуподвальное помещение, но, видимо, как и во всех мирах не задавать лишние вопросы — весьма прибыльное дело.

У обслуживающей меня менеджера тоже были какие-то проблемы с одеждой. Я даже начал подозревать банк в услугах с преференциями: так томно вздыхала девица, демонстрируя свое декольте. Впрочем, возможно дело было во мне. Точнее, в той сумме, которую я клал на счет. Вряд ли тут каждый день приходят молодые симпатичные парни, чтобы закинуть сто семьдесят два миллиона.

— Что-то еще? — активно хлопая веером накладных ресниц, спросила менеджер, когда я вскрыл конверт с картой, которую тут мне организовали не в пример быстрее Сбергательного банка.

— Ага, — пробормотал я, проверяя документы.

Девица аж дыхание затаила.

Она, конечно, была хорошенькая, но я все-таки предпочитаю женщин, которым нравлюсь я, а не мой кошелек. Так что пришлось ее немного обломать.

— Еще мне нужна аренда сейфовой ячейки.

— Этим занимается другой отдел, — немного расстроено сказала девушка. — Вас перевести?

— Будьте столь любезны, — широко улыбнулся я.

Ячейку мне открывал уже парень со скучающим выражением лица. Я его понимал — на улице последние теплые деньки, а приходится торчать в пыльном офисе, обслуживать унылых клиентов и слушать скучный треп коллег. Но тут кто на что учился, как говорится.

Закинув в ячейку драгоценности и расписки, я оплатил ее на год вперед. И, выйдя из дверей одного банка, почти сразу же зашел в двери другого, практически первого попавшегося.

Первый попавшийся банк был «Русско-Азиатский», и, как показал поверхностный поиск в сети, он был одним из крупнейших в Российской Империи, если не самый крупный. В основном занимался юриками, но простые операции были доступны и физикам. А мне как раз ничего особенно сложного и не требовалось — просто положить на счет последние три миллиона. Ну, точнее, два миллиона семьсот тысяч, потому что триста шпук я решил оставить себе в виде налички. Здесь все-таки еще нельзя было пикировать карточкой на любом

овощном рынке, так что иметь при себе немного купюр никогда не лишнее.

Возможно, стоило побить внезапно образовавшийся у меня капитал на более мелкие суммы, но торчать в офисах всех банков Москвы мне никак не улыбалось.

Так что в университет я возвращался в десятом часу вполне довольный собой. По пути еще подвернулся какой-то торговый центр, то есть пассаж, для простых смертных, где я немного освежил гардероб.

Помнится, когда в прошлой жизни денег стало достаточно, жена предложила обновить мои шмотки. Вроде бы как уже несолидно ходить в безымянных джинсах при моей должности. На что я спросил, почему она все еще не ходит каждый день на высоченных шпильках, а бегаёт в тряпичных чешках. После обиженного сопения, возмущения и бурного примирения выяснилось, что чешки — это удобно, а на шпильках она себя может выгуливать только на мои официальные мероприятия, чтобы соответствовать. На мой резонный вопрос, на кой хрен тогда она пытается вытащить меня из моих любимых, вытянутых штанов ради какого-то шильдика, благоверная печально вздохнула, что мы, мужики, ничего не понимаем.

В шильдиках-то, мы конечно не понимаем, но зато понимаем в удобстве. А еще в том мире была какая-то болезненная тяга к дорогим фирмам, пусть даже это будет реплика, зато как будто с лейблом. И больше всего от этого страдали молодые нувориши или люди, которым больше просто было нечем доказать свою значимость.

В сословном обществе этот момент выглядел немного иначе, и аристократы не могли себе позволить выглядеть бедно. Бедно выглядящий аристократ, скорее всего, не умеет вести дела, а если не умеет, то как с таким сотрудничать?

Но я-то слава богу не аристократ! Так что вполне мог прикупить себе барахлишко в первом попавшемся магазине. Главное, чтоб нормально село.

От воскресенья оставалось всего ничего, и по-хорошему стоило, наверное, заглянуть в столовую да завалиться спать, но я закинул пакеты в общагу и пошел на полигон.

У меня прямо-таки зудело исследовательское любопытство этой вашей магии, о которой раньше я читал только в книжках, позаимствованных у младшего сына в особенно скучные отпуска.

И вот воскресенье, одиннадцатый час вечера, полигон с дремлющим где-то на отшибе дежурным, тускло горящие фонарные столбы, я и никого больше.

Стою, пытаюсь разложить воду на сотни тысяч крошечных капелек, и, естественно, ни хрена не получается. Уже весь взмок, немного озверел, а этой гребанной сфере еще очень далеко до состояния тумана.

— А ты чем это таким интересным тут занимаешься? — нарушил мое сосредоточенное пыхтение над водной стихией Юсупов.

— Зверею, — честно ответил я, рукой смахивая злосчастную сферу в лужу под ногами. — А ты?

— Вообще планировал побегать, — ответил Юсупов, задумчиво почесав затылок.

— Хочешь спросить — спрашивай, — разрешил я, видя, как на лице княжича борются любопытство и воспитание.

Княжич еще немного потерзался сомнениями, но потом все же не выдержал:

— Говорят, ты отжал бойцовский клуб, — произнес он, внимательно смотря на меня.

— Ну, «отжал» — сильно сказано. Бывший его владелец... Или точнее управленец, решил, что самый умный и может поставить меня на счетчик. А я буду, как цирковая собачка, прыгать в клетке по его щелчку. Как ты понимаешь, он сильно ошибся.

Юсупов хмыкнул:

— Да уж, не такого результата я ждал, приглашая тебя туда. Что теперь будет с клубом?

— Останется на месте, — пожал я плечами. — Только немного изменятся условия участия. Люди на такие бои должны идти добровольно, а не от отчаяния.

— Отчаяние придает ярких красок боям, — покачал головой Алмаз. — Ты можешь потерять часть аудитории.

— Может быть, — не стал спорить я. — Но зрители хотят красивое шоу. Им без разницы, дерутся бойцы потому, что к виску их ребенка приставили пистолет, или потому что многомиллионный призовой фонд может помочь вылезти из долговой ямы. В первом случае бойцом движет слепое отчаяние. А во втором — это добровольное решение.

Княжич задумался.

— Возможно, ты и прав, — наконец, произнес он. — В любом случае, это будет более честный бой. И у таких вещей есть своя аудитория, ностальгирующая по эпохе щита и меча, — а потом он резко сменил тему: — Так чем ты тут, говоришь, занимаешься?

— Пытаюсь создать туманную сферу, — кисло ответил я.

— Зачем? — округлил глаза Алмаз. — Ты с тем же успехом мог бы кувалдой забивать выкрутившиеся болты в очках у Лобачевского. Кто тебе вообще эту технику показывал?

— Разумовский.

Юсупов хохотнул:

— Ну, все понятно. Дмитрий Евгеньевич наверняка считает, что для дрессировки щенка волкодава, его нужно сначала хорошенько вымотать. Но в твоем случае так не получится. У тебя изначально неплохой резерв и очень большой потенциал. Ты просто физически не способен к ювелирной работе, пока не научишься манипулировать даром в должной степени, на самом высоком уровне. Снести кусок стены — это пожалуйста. Оборвать листик у ромашки — ни при каких условиях.

— Но у меня все-таки однажды получилось создать туман, — нахмурился я. — Но это было какое-то интуитивное действие.

— Почему нет? — пожал плечами Юсупов. — Весь полигон, небось, накрыло?

— Ну, почти... — ответил я, вспоминая перестрелку.

— Туман — одна из самых сложных базовых техник и в малом объеме она вообще бесполезна. Так, понты, — с этими словами Юсупов показал на ладони туманную сферу.

В отличие от Разумовского, у Тугарина шар был с нечеткими, местами рваными краями.

— Эта техника изначально была разработана для сверхсильных магов как раз твоего разряда, чтобы они могли прощупывать большие территории на наличие вражьих отрядов. Но с развитием техники типа тепловизоров или камер ночного видения это стало неактуально. Тем более что маги первого разряда встречаются чуть чаще, чем дед мороз.

Алмаз сжал кулак, и туман развеялся, просочившись призрачными щупальцами меж пальцев парня.

— Теория понятна, господин учитель, — усмехнулся я. — А как быть с практикой-то?

— Ну, ты перестань рубить одну капельку на кусочки, а материализуй сразу много маленьких, — пожал плечами княжич.

— Типа так просто? — хмыкнул я.

— Один раз сделал — сделаешь второй, — резонно заметил Юсупов.

— Логично... — вздохнул я.

На этом мы разошлись: Алмаз бегать, а я — пыжиться над техникой. Часы показывали

уже двенадцатый час, но я был упрям, и все пытался вспомнить, как же у меня так получилось создать туман в прошлый раз.

Прикрыл глаза, представляя полигон. Огромное пространство, слабое освещение, почти что футбольный газон под ногами и беговая дорожка по краю. Если магия в голове, то вода — она же повсюду?

Повсюду...

Костяшки пальцев опять раздражающе закололо, и я сжал кулаки. А в следующее мгновение тишину полигона нарушил злой вопль Тугарина:

— Мирный, мать твою, ну-ка выруби нахрен! Я себе чуть ноги не сломал!

Я распахнул глаза и ничего не увидел. Вокруг стоял тяжелый, тягучий, чуть желтоватый от фонарей туман. И совершенно неаристократические матюги Тугарина Змея.

Императорский Московский Университет, Николай Распутин

Род Распутиных идет от одного очень ловкого и ушлого малого, получившего титул сначала боярский, а потом и княжеский за дела мутные-мутные. Шли века, поколения, но талант мутить воду и интриговать так, что комар носа не подточит, передавался с кровью, впитывался с молоком матери и был буквально тайной техникой рода.

И юный княжич полагал, что овладел этим даром в полной мере. Отправляясь в университет, юноша получил наказ от отца — максимально обострить личностные конфликты между будущими членами фракций. Ведь нет человека более управляемого, чем человек в гневе. И нет гнева более ослепляющего, чем гнев личный.

Не все, конечно, шло гладко у младшего Распутина. С порога университета вляпаться в дуэль — это надо было постараться. Еще и проиграл на дуэли! Хорошо хоть всем известно, что физическая сила — не конек их рода, и эту дуэль не так чтобы мусолили в малом свете. Да и вторая схватка — Долгорукова с плебеем, затмила успех этого никому не известного боярича Новикова. Так что мало кто уже помнит об участии Распутина в том непотребстве.

С другой стороны, игра стоила свеч. Нарышкина была невероятно ценным ресурсом, которым можно было нервировать Меншикова. Максим казался Распутину легко управляемым человеком. Да и в целом Меншиков-младший был незлобным, неглупым, неагрессивным и неплохо образованным, что может и делало из него приятного аристократа, но никак не подходило на роль главы Свободной фракции.

С таким лидером и фракция быстро кончится. Особенно, если он все-таки женится на Нарышкиной.

То ли дело Долгоруков — абсолютно самовлюбленный, крайне избалованный идиот. Такого тыкать зубочисткой было одно сплошное удовольствие — заводился Денис с полуоборота и остановить его дурь не могли ни устав университета, ни законы Русской Империи, ни даже родной отец.

Просто прелесть, а не соратник.

Но, несмотря на то, что первый подход к снаряду с разборками из-за дам-с у Распутина не вышел, Николай был настроен оптимистично. Тем более что в классической расстановке сил появилась прекрасная лишняя фигура. К тому же еще и не обремененная титулами и защитниками, с абсолютно никакими знаниями о высшем свете, и в целом пребывающая в кругу аристократов на довольно птичьих правах.

Поэтому что может быть лучше, чем сравнить Меншикова с Мирным? За этим конфликтом потянется конфликт Ермакова и Меншикова, все же чувство локтя у

императорской фракции было исключительное. А там, глядишь, и остальные окажутся вовлечены, чтобы переругаться, если калейдоскоп хорошо сложится.

Всего-то и надо, чтобы за девицей Мирного поволочился кто-то из доверенных людей. И у Распутина был такой!

— Георгий, — проговорил княжич в трубку, — есть предложение на миллион. Тебя как, интересуется?

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

Помимо профильных пар по магии и по соответствующему факультету, у первокурсников были еще и общеобразовательные предметы. Вот, например, понедельник начинался с лекции по безопасности жизнедеятельности.

Помимо того, что я сам мог читать лекции по этому предмету, преподавателем была старушка-божий одуванчик. Ее абсолютно белые от седины волосы были накручены какой-то бабской магической супер-техникой так, что казалось, будто милая бабуся сунула спицы в розетку, прежде чем явиться в аудиторию. И это помимо миленького костюма в цветочек, который делал ее еще более воздушной.

Короче, когда я все это увидел, то сразу же отправился на галерку досыпать.

— Молодой человек! — сильным прокуренным голосом окликнул меня кто-то, и я порядком обалдел, когда понял, что этот «кто-то» — та самая бабуся. — На моих парах все юноши садятся на первые ряды, а девушки — на все остальные, — глядя в упор на меня, произнесла лектор.

— А что это за дискриминация по половому признаку? — возмутился один из парней.

— Про дискриминацию по половому признаку вы можете поговорить со своими бабками, которых сговаривали замуж без их согласия, — отрезала лектор. — А у нас с вами будет полная диктатура. Так что сели по местам, а недовольные могут покинуть лекцию и университет в целом.

Сказать, что студенты охренели от такого — ничего не сказать. Но, удивительное дело, никто не стал больше высказывать какие-то недовольства. Все вообще как-то очень резко притихли и начали рассаживаться по огромной аудитории.

Признаюсь, мне был совершенно не интересен предмет, однако, бабуля сумела меня заинтриговать.

— Итак, раз вы все изволили рассестись и, надеюсь, уже перестанете копошиться, поясню. Мой предмет не для того, чтобы вы на нем сладко спали. И не для того, чтобы заполнить дыру в расписании. Мой предмет является основой для любого здравомыслящего жителя Российской Империи. Потому что каждый год прорва людей мрет и калечится по собственной дури. А поскольку большинство мужчин любит хвастаться своей молодецкой удалью без оглядки на последствия, наши юноши будут сидеть на первых рядах и на большом экране наблюдать, к каким чудным последствиям приводит чужая безалаберность.

Аудитория молчала, а потом раздался чей-то отчаянно-смелый голосок:

— Но мы же проходили все это в школе...

— Мда? — ехидно прищурилась бабуся, найдя взглядом говорившего. — Многое отсюда помните?

— Ну, что-то да помним, — раздался нестройный ряд недовольных голосов.

— Ладно, хорошо... Кто помнит, что нужно делать, если у человека рядом припадок эпилепсии?

— Разжать ему зубы ложкой!

— Отлично, ты только что оплатил длинный счет бедолаге на имплантацию новых зубов, — кивнула лектор. — А что делать, если произошло, например, обморожение щек?

— Растереть? — уже не так уверенно предположил другой студент.

— Прекрасно, сразу делаем обморожение второй степени, чтоб не мелочиться, — покивала бабуся. — Так, ну и контрольный — сколько работает огнетушитель?

— Полчаса?

— Да не, пятнадцать минут.

— Или десять?

Я закусил кулак, чтобы не заржать. Она б еще спросила, как надолго можно накладывать кровеостанавливающий жгут, чтобы по итогам опроса нашего воображаемого пострадавшего наверняка покалечили.

В принципе, когда вот так каждый день живешь в цивилизации и не сталкиваешься с травмами опаснее пореза бумаги, а про то, как фиксировать перелом, тебе рассказывали в пятом классе, то к первому курсу ты уже это вряд ли вспомнишь.

Но бабуля тут еще всем даст прикурить, это однозначно.

— Огнетушитель работает тридцать секунд, уважаемые магически одаренные студенты. И раз мы с вами только что убедились, что вы ничего не знаете о безопасности при банальных травмах, то всем придется тихонечко сидеть на моей лекции в том порядке, что я сказала, внимательно слушать, и молиться, что сможете сдать мне зачет. Итак, тема сегодняшней лекции...

Москва, особняк Долгоруковых

В отличие от большинства сверстников Виталий Михайлович Долгоруков кризисом брака не страдал. В основном, конечно, потому что и брака-то у него не было — мужчина уже очень давно стал вдовцом. К счастью, супруга успела родить ему сына, что стало гарантом соглашений с ее родом, а еще сняло с Виталия Михайловича обязательства по продолжению своей ветки.

Передав заботу о ребенке на руки нянькам и мамкам, Долгоруков-старший вгрызся в большую и малую политику, ломая правила наследования в собственном роду. А еще укрепляя позиции Долгоруковых как внутри Свободной фракции, так и среди прочих родов Российской империи.

И, с одной стороны, это привело к тому, что сына своего Виталий Михайлович упустил, и это оказалось большой проблемой. С другой стороны, все запланированные задачи он выполнил. Так что если разменивать одного наследника на силу и стабильность рода, то выходит не такая уж и большая цена. Тем более что Виталий Михайлович еще не был стар и вполне способен обеспечить себя парой-тройкой запасных детей.

Да и женщина по сердцу давно есть. А что она неблагородная — ну так теперь никто ему поперек слова не скажет. К тому же у них есть уже двое маленьких детей, которых признать — дело одного ДНК-теста и пары бумажек. Они как раз еще пешком под стол ходят, самое время рассказывать байки о величии дома Долгоруковых и прививать субординацию.

— Я женюсь, — спокойно сказал Долгоруков-старший, глядя на своего сына.

Тот сидел в гостевом кресле, вальяжно забросив ногу на ногу, и, видимо, ожидал очередной выволочки, нудных нотаций или поручений, которые не собирался выполнять.

Чего парень не ожидал, так это таких шокирующих новостей.

— На ком? — спросил Денис.

Парень, конечно, очень пытался сохранить невозмутимый вид, но не мог — слишком сильны были эмоции.

Долгоруков-старший выдержал паузу, не столько положенную при сообщении такой новости, сколько из желания прощупать пределы собственного сына.

— На Кристине.

Реакция была мгновенной.

— На этой шлюхе?! — брызгая слюной, завопил наследничек, мгновенно оказавшись на ногах.

— Сядь, — процедил глава рода, и парня буквально вжало обратно в кресло. — Если ты еще раз откроешь свой поганый рот и попытаешься оскорбить мою невесту и будущую жену — пеняй на себя. Ни словом, ни делом не смей ее задевать. Иначе вся твоя беспечная и бессмысленная жизнь мгновенно превратится в филиал ада на земле. Я понятно объясняю?

Наследник молчал, и Долгоруков-старший усилил давление, заставив собственного сына сипеть.

— Не слышу ответа.

— По... понятно... — с трудом протолкнул слова сквозь зубы парень.

Давление тут же исчезло, и наследник бесформенной тряпкой сполз на пол.

— Возьми себя в руки, Денис, — спокойно проговорил Виктор Михайлович. — Иначе однажды ты навориши таких дел, что даже я не смогу тебя защитить.

Сын не ответил. Лишь кинул на отца злой взгляд и, одним рывком поднявшись на ноги, вылетел из кабинета, не прощаясь.

И почему детям нельзя приставить собственную голову?

Императорский Московский Университет, факультет международных отношений

Георгий Дантес был сыном прославленного рода, оказавшегося в Российской Империи по довольно спорному стечению обстоятельств. Его дальний предок, обласканный королевой у себя на родине до такой степени, что это стало неприлично, под первым же благовидным предлогом сбежал в Россию.

Имея на руках массу рекомендаций от французского двора, этот предок Дантеса устроился в Российской Империи с повышенным комфортом, со временем поменял титул барона на титул боярина и оставил потомкам весьма впечатляющее состояние, которое поколения Дантесов мотали с разной степенью интенсивности.

И вот теперь Георгий Дантес, названный в честь того самого предка, вынужден был хвататься за разного рода дела спорной этики. Он был довольно неплохим бретером, но не очень любил это дело, предпочитая волочиться за дамами. Молодой, красивый, с по-аристократически тонкими чертами лица он был милым другом многих женщин и с каждой имел свой маленький гешефт.

Но одно дело — маленький гешефт, а другое — хорошие деньги за действительно сомнительные дела. Впрочем, такие подворачивались редко, однако каждое стоило вложенных усилий, потому что наниматель не обманывал и не скупился.

Распутин-старший вообще был весьма щедрым человеком, особенно когда желал притопить ближнего своего. Как правило, это были несложные просьбы раздобыть качественный компромат. И под словом «раздобыть» обычно предполагалось «сделать». А что может быть проще пары фотографий в век стремительно развивающихся цифровых технологий?

Поэтому на телефонный звонок Распутина-младшего Георгий ответил сразу же и согласился на его предложение, практически не вдаваясь в детали.

Поволочиться за безродной девчонкой? Пф!

Унизить ее безродного хахаля? Пф!

Отделать того на дуэли? Или отпинать в переулке? Пф! Пф!

Работы на два дня, и миллион на кармане. Красота.

Но, как говорится, детали надо было все-таки выяснить...

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

После бурных выходных Мария Нарышкина вела себя на удивление тихо и сдержанно. Если бы я познакомился с ней только сейчас, то подумал бы, что они с княжной Дарьей Демидовой оканчивали один пансион благородных девиц — такая Нарышкина была образцово-показательная.

— Батюшки, Мария Викторовна, неужто вас совесть заела? — картинно ахнул Юсупов, приложив руки к груди.

Нарышкина зло зыркнула на него, продолжая жевать какой-то скучный салат из травинки и сыра. А я подумал о том, что папенька, наверное, устроил девице строгий

выговор с занесением розгой, и не без моего участия.

Однако стыдно мне за это не было ни капли. Лучше отец ей сейчас всечет, чем потом по частям из реки вылавливать будет, потому что у молодой дурочки вовремя не сработают морально-этические тормоза.

Все же, возможно, Нарышкина бы как-нибудь огрызнулась, язык-то у девчонки был острый, но Дарья накрыла ладонь подружки своей рукой и стрельнула глазами мне за спину.

Тут все присутствующие подобрались, словно им сейчас придется держать круговую оборону, а мне почему-то подумалось, что сейчас явятся по мою душу.

— Господа, дамы, доброе утро. Мария, рад видеть тебя в добром здравии. Александр, будьте любезны, уделите мне минутку, — подчеркнуто вежливым тоном произнес Максим Меншиков.

Ты смотри-ка, угадал.

Пришлось вздохнуть над недоеденным завтраком и подняться на ноги, на ходу вытирая губы салфеткой. Технически, Меншикова можно было послать по общеизвестному адресу, и в присутствии всех этих благородных правых он бы мне ничего не сделал. Но зачем драконить парня? Тем более что я примерно догадываюсь о теме минутной беседы.

Из столовой мы вышли на улицу, и Меншиков повел меня по территории университета, все отдаляясь от людных мест. Хотелось бы верить, что парень не кинется на меня с кулаками, как тут в последнее время принято, иначе, боюсь, не сдержусь и начну калечить благородных деток.

А меж тем Меншиков привел меня к берегу небольшого озера и остановился, с задумчивым видом взирая на водную гладь.

— Александр, так получилось, что вы вошли в круг благородных людей, не зная элементарных правил этикета, — начал свой монолог Меншиков, заставив меня вскинуть бровь.

Впрочем, моей мимики парень не видел — он все еще рассматривал умиротворяющий пейзаж.

— Это, конечно же, не ваша вина, но тем не менее нельзя находиться в социуме и думать, что его законы и правила не коснутся вас. Ваша недавняя прогулка с Марией приобрела слишком большую огласку. И, согласно правилам, я, как оскорбленный жених, должен вызвать вас, человека, отбросившего тень на репутацию моей невесты, на дуэль. И результаты дуэли, как мы понимаем, могут быть весьма непредсказуемы.

Ага, надеюсь, папаша тебе по большому секрету уже рассказал о количестве отправленных мной на тот свет идиотов.

— Да и я прекрасно понимаю, что, скорее всего, у вас не было никакого злого умысла. Да и Мария, она... — Меншиков запнулся, видимо, пытаясь найти более приличный синоним слову «коза». — Она девушка с непростым характером. Но мы с вами оказались заложниками ожиданий нашего общества. Если я никак не прореагирую на произошедшее, общество будет считать, что я слаб. Причем слаб в сравнении с человеком, находящимся ниже по социальной лестнице. Это, как вы понимаете, неприемлемо.

Меншиков совершенно искренне и печально вздохнул. И мне даже стало немного жаль парня. Мало того, что из левых, под высоким давлением семьи и социума, так еще и невеста — Нарышкина. Вот уж кому просто хронически не везет.

Впрочем, Меншикова было не настолько жалко, чтобы разрешать бить себя по лицу. Но попытаться помочь все же стоит. В конце концов, сохранение репутации — это по местным

понятиям неплохой такой должок. А иметь в должниках сына главы Свободной фракции — весьма полезный актив.

— Максим, вам знаком эксперимент про кота Шредингера? — спросил я княжича.

Меншиков удивленно посмотрел на меня:

— Знаком, но какое это имеет отношение к нашей проблеме?

— Ну, бегать и доказывать вам или вообще кому бы то ни было что бы то ни было я не собираюсь. Равно как и вы не горите желанием биться за необдуманные поступки своей прекрасной невесты. Тем более что, как вы правильно заметили, исход дуэли может быть не таким уж и радужным.

Максим молчал, чуть мрачно смотря на меня.

— И вот я подумал, а если мы создадим условия, при которых, так сказать, дуэль — это кот Шредингера? Может быть, была. А, может быть, и нет.

— Увы, — вздохнул Меншиков. — Вся суть таких историй в их гласности. Чем громче... — парень окончательно помрачнел, — тем лучше.

— О, ну гласность-то я организую без проблем, — усмехнулся я в ответ.

— Пожалуй, при такой постановке вопроса, это было бы интересно, — признался Меншиков.

Все-таки он не совсем безнадежен и чувствует, что выходить в лобовое столкновение со мной опасно. И это хорошо.

— Тогда — пожалуйста, — усмехнулся я и демонстративно шелкнул пальцами.

Меня, Меншикова, озеро и еще добрый кусок этого закоулка территории университета покрыл магический туман. И тут же взвыла местная сигнализация:

— Несанкционированное применение магии!

Кабинет ректора Императорского Московского Университета, те же, полчаса спустя

— Да вы вконец распоясались! — орал ректор. — Ладно, Мирный — он простолюдин без мозгов, но вы-то, Максим Павлович! Вы ведь княжич! Древний, уважаемый род! Ну как вы могли!

Мы с Меншиковым стояли на ковре у ректора и изображали элементы интерьера. Проще сказать — молчали, демонстративно отказываясь обсуждать произошедшее в тумане. Ректор орал, угрожал ужасной расправой вплоть до отчисления, взывал к разуму, совести, личной выгоде — все бесполезно. Мы с Максимкой стойко держали оборону с самыми суровыми мордами лица.

Через сорок минут Шмелев выдохся, плюхнулся в свое кресло, опрокинул в себя стакан воды и сделал громкое «уф-ф-ф». Посмотрел на нас с мрачной миной и вяло рыкнул:

— Уйдите с глаз моих, позорники.

Мы с Меншиковым вышли и почти синхронно усмехнулись. Делать хорошую мину при плохой игре — это надо постараться. А вменить нам по сути нечего, кроме как магию тумана. И то неизвестно, кто ее создал: безродный я или родовитый Меншиков? Меня-то, конечно, можно вздрючить, но поди попробуй наехать на сына уважаемого человека. Сразу получишь по шапке, а то и с тепленького местечка да из мягонького кресла вылетишь.

После ректорского концерта мы отправились каждый на свои пары, но прежде чем разойтись в разные стороны университета, Меншиков очень серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Я запомнил.

В ответ я лишь слегка кивнул, принимая благодарность, и мы разошлись.

Я надеялся, что лимит приключений у меня на сегодня исчерпан, и шел по учебному корпусу весь такой расслабленный и спокойный, размышляя, а не прогулять ли пару истории государства Российского и не потратить ли время в пользу столовой? Все-таки вряд ли лектор сможет рассказать что-то новенькое, а старенькое можно прочитать в учебнике.

И вот, шел я шел, скользя рассеянным взглядом по студентам и студенткам, пока вдруг не увидел Корсакову. А как увидел, так и застыл посреди коридора, чувствуя нечто среднее между параличом и бешенством.

Девушка в обнимку с книгами стояла возле лестницы, облокотившись спиной о перила. А рядом с ней терся сладенький лощеный тип. С такой правильной, красивой внешностью, что сразу видно — мужик ходит к косметологу. Модно уложенные волосы, стильная одежда, аристократический перстень и голодный взгляд.

Этот мудака стоял рядом с моей женщиной и раздевал ее взглядом.

Чувствуя, как из ушей потихоньку начинает подтравливать пар, я медленно подошел к беседующей парочке.

— ...это очень мило с твоей стороны, и мне правда жаль, но я действительно очень занята...

— Не будь столь жестока ко мне, прекрасная Василиса! Одно невинное свидание — кино и кофе, это не займет много времени.

Я положил ладонь на плечо парню и вкрадчивым голосом поинтересовался:

— Она же сказала, что занята. Уж не проблемы ли у тебя со слухом, друг мой?

Василиса кинула на меня благодарный взгляд, а парень изобразил демонстративное недоумение, рассматривая мою ладонь на своем плече.

— Боже, где это я так испачкался? — воскликнул парень, округлив глаза.

— Не знаю, может быть, в маминой помаде, когда утром красился? — оскалился я, сжимая ладонь.

Сломать так кость, к сожалению, вряд ли получится. Все-таки у этого тонкого-звонкого упыря имелась и какая-никакая, а мышечная масса. Да еще и одежда затрудняла прямое воздействие. Но, если удачно впиться пальцами, все равно будет ну очень неприятно.

Парень резко дернулся, пытаясь высвободить плечо из хватки, но у него ожидаемо не получилось. Он попытался достать меня свободной рукой, но я выворачивал его так, что дотянуться было невозможно.

— Ты что себе позволяешь, чернь?! — прошипел взбешенный красавчик, стремительно бледнея и теряя весь свой лоск. — Убери руки живо!

— А то что? — изобразив на лице живейший интерес, спросил я.

Вокруг нас уже начала образовываться толпа любопытных студентов, затрудняя передвижение по лестнице.

— Тебе конец! — сыпал многообещающими угрозами парниша.

— Боюсь-боюсь, — согласился я в ответ и еще поднажал.

— Отпусти, живо! Ты даже не представляешь, с кем связался!

— Я связался? Да я просто мимо шел.

— Тебе конец! — заявил парнишка.

Ну просто набор пафосных штампов, а не человек.

— Очень многообещающе, — согласился я.

И тут в наш содержательный диалог вклинились:

— Студент Мирный! — с возмущением и укором воскликнула бабушка божий одуванчик. — Отпустите бедолагу, вы же ему так ключицу сломаете!

— Да ничего я ему не сломаю, — возразил я. — Мог бы — давно бы сломал.

— Студент Мирный! — нахмурилась бабуся. — Живо отпустите студента Дантеса!

Услышав эту фамилию я, признаться, не удержался и заржал. Это было очень смешно, но вряд ли кто-нибудь мог бы оценить всю курьезность ситуации.

— Мирный! — рявкнула лектор, а я закатил глаза и демонстративно отпустил плечо парня.

Тот от меня такой щедрости не ожидал, а потому в очередной раз, и теперь уже крайне не вовремя, дернулся и...

Очень красиво, громко и со всеми спецэффектами полетел с лестницы, неловко цепляясь за перила и людей. Докатившись с веселыми матюками до пролета, Дантес посидел пару секунд в тишине, видимо, собирая остатки своего куриного мозга в кучу, потряс головой, наверняка ища эти самые остатки, а затем, оценив всю ситуацию и свое положение, мгновенно оказался на ногах, ткнул в меня пальцем и выплюнул:

— Дуэль!!!

Рядом ахнула Корсакова, закрыв рот ладошкой. Толпа одобрительно загудела, но тихонечко так, чтоб не обратить на себя случайно гнев преподавательский, а бабуся — божий одуванчик ехидно заметила:

— Да у вас талант, студент Мирный. Вы первый, кто смог вывести боярина Дантеса из себя, причем так, чтобы он вызвал вас на дуэль.

Да, у меня просто талант бесить людей. Это еще от бати из того мира передалось.

А затем бабуся, словно потеряв всякий интерес к происходящему, отправилась дальше по лестнице, лишь на секунду замедлив шаг рядом со мной, чтоб еле слышно сказать:

— Бретер.

Москва, кальянная

Как правило, все новые модные редкости сначала были доступны лишь аристократам, а потом уже попадали к широкой публике. Так что количество кальянных по Москве можно было сосчитать по пальцам одной руки, и все они были заведениями закрытого типа. Попасть туда можно было, лишь получив приглашение от уже приглашенного гостя.

Долгоруков-младший сидел, развалившись на низком диване, и с отсутствующим видом грыз мундштук, периодически выдыхая облачка густого дыма. В огромном полутемном помещении было немногочленно — сказывались дневное время и рабочий день недели. Играла мягкая, тягучая музыка, и парень то и дело впадал в медитативное состояние.

Но это была злая медитация.

Отец собирался жениться. И на ком? На простолюдинке. Простолюдинке!!! Да, это дочь какого-то там промышленника, с которой папаша вроде бы долго крутил роман. Но это не меняло дела — глава рода собрался взять в жены безродную потаскуху. И от этой мысли у наследника рода Долгоруковых просто кипела кровь.

— О чем думаешь? — спросил Распутин, развалившийся на диване напротив.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся Долгоруков.

— А может, именно моего? — спокойно возразил Николай. — Я ведь не чужой тебе человек. Мы давно дружим, и я вижу, что тебе плохо. И я за тебя беспокоюсь.

Долгоруков затаился и, запрокинув голову, выдохнул длинную седую струю. Помолчал, рассматривая, как тает дым, и произнес:

— Отец женится.

— Ох... — сочувственно выдохнул Распутин, после чего немного помолчал и произнес: — Но, возможно, это не так уж и плохо? Все-таки брак — это всегда определенные договоры и выгоды.

— Его жена — одна из дочерей Второва, — скривился Денис.

— Второвы — довольно богатая семья. Пожалуй, одна из самых богатых среди неблагородных, — заметил Распутин.

Долгоруков зыркнул на того с ненавистью, а Николай, словно бы и не заметил его взгляда, продолжил:

— Хотя странно, конечно. Отдавать дочь за вдовца... нелюбимая совсем, что ли?

— Понятия не имею.

— А ты ее не видел?

— Как же не видел? Видел... Частенько у нас дома ошивалась. По «рабочим» делам.

— Слу-у-ушай... — Распутин довольно достоверно изобразил озарение, даже сел ровно и вперед подался. — А это не та ли дочка Второва, которая, говорят, двойню родила? Уж не от твоего ли отца дети?

— Не знаю, может, и она, — равнодушно пожал плечами Долгоруков. — Какая разница? Они ж внебрачные. Бастарды не наследуют.

— Ты, конечно, прав, — покивал Николай, — но сейчас же есть ДНК-тест.

Распутин выдержал паузу, чтобы собеседник осознал сказанное.

— Мне, конечно, не хочется этого говорить... Но я ведь твой друг и не могу остаться в стороне, когда твоя жизнь начинает рушиться. Мне кажется, та твоя дуэль с Мирным, она

разочаровала твоего отца. Сам посуди, все неприятности начались после нее. И скандалы, и угрозы урезать финансирование. И вот эта внезапная свадьба. Зачем она? Ну, трахал бы он ту бабу и ладно, денюжат бы отстегивал папаше за пользование. Так нет же, решил жениться. Может... — Распутин оборвал себя на полуслове. — Черт, нет, это слишком невероятно.

— Говори уж, — мрачно произнес Долгоруков.

— Нет, это бред, — покачал головой Николай. — Просто так не может быть.

— Все равно скажи.

— Да глупости, я даже не знаю, как мне это в голову пришло!

— Да говори уже! — рявкнул Долгоруков.

Распутин печально картинно вздохнул, посмотрел на «друга» грустными-грустными глазами и ответил:

— Может быть, отец решил сменить наследника? Может, та дуэль с Мирным подкосила твой авторитет в его глазах до такой степени, что он решил от тебя отказаться? И как раз для этого нужно жениться, признать бастарда.

Долгорукова как ушатом холодной воды облили. Он шокировано смотрел на Распутина, открывая и закрывая рот, точно рыба, выброшенная на берег. А Николай меж тем решил дожать парня:

— Знаешь, если ты решишь эту проблему, возможно, отец посмотрит на тебя иначе?

Денис выплюнул мундштук кальяна и, вынув из кармана трубку, начал решительно кому-то набирать. А Николай меж тем уселся поудобнее на диване и принялся наблюдать за процессом найма убийц для слишком удачливого парня из сиротского приюта.

Распутиным всегда доставались лучшие места в партере жизни. Ведь они сами выбирали сцену и актеров к ней.

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

Я ткнул в кнопку вызова и поднес трубку к уху.

— Привет, ты очень занят?

— Иду на пары, так что, считай, свободен, — ответил Новиков.

— Мне нужен секундант.

— Опять?!

— М-м-м...

— А с тобой не соскучишься! — хохотнул Иван. — Кто?

— Дантес.

— Ну вот! — разочарованно цокнул боярич. — Я уж подумал, ты решил дожать Меншикова.

Как и положено хорошо воспитанному человеку, я не стал раскрывать тайну сговора с политическим оппонентом и перевел тему:

— Так ты согласен или мне звонить Тугарину?

— Даже не думай! Я уже иду, — ответил Новиков и нажал отбой.

А когда мы с ним встретились, парень уже не был так весело и позитивно настроен.

— Я все узнал, — с мрачным видом заявил Новиков. — Этот Дантес — бретер и любитель поволочиться за дамами. И его излюбленное оружие — револьверы.

— А ты вроде бы говорил, что в университете только пробники дуэли, — удивился я.

— Все так, — кивнул Иван.

— Я, может, чего не понимаю, но как может быть пробник дуэли на огнестреле?

— Может быть, — усмехнулся парень. — Оружие заряжают артефактными пулями. Попадая в конечность, они вызывают временный паралич.

— А в туловище?

— Ходить оппонент будет, а вот держать в себе кишечник — нет, — усмехнулся Иван.

— А в голову?

— Спячка по типу анабиоза на пару дней обеспечена.

— Как интересно. Но это же, наверное, ужасно дорого — заряжать детские пистолетики артефактами?

— И да, и нет, — пожал плечами Иван. — Расход на самом деле невелик. Любителей пострелять на дуэлях раз-два и обчелся. Неблагородные предпочитают кулачные бои для выяснения отношений, а благородные понимают, что если им попадут в туловище, то даже контрольный в голову оппоненту не затмит испачканных портков.

Парень вздохнул, но спохватился.

— Я в тебя верю, ты не подумай. Просто Дантес такая падлюка. Вся семейка шулеры, дуэлянты и дамские угодники. Так что вариантов с выбором оружия просто нет.

Тут до меня дошел смысл сказанного, и я расхохотался:

— Не я его вызвал. Он меня!

— Серьезно? — округлил глаза Новиков.

— Вполне.

— Ну так это же в корне меняет дело! Выбирай клинки и...

— Ну не-е-ет! — протянул я. — Теперь я точно обязан пострелять по гаденышу.

— Зачем? — ужаснулся Иван. — Он же этим на жизнь промышляет, а ты?

А я владел стрельбой, еще когда вас всех в проектах зачатия не было.

— Это сложно объяснить.

— Ну ты попробуй. Я все-таки не просто твой сосед по комнате, но еще и друг.

Друг, хм... Я попытался вспомнить, были ли у меня в той жизни друзья или только товарищи по оружию. Или мои товарищи по оружию и были моими друзьями?

— Этот убогий пытался приударить за Василисой, — проговорил я.

— Это, конечно, аргумент подравнять ему лицо, — не стал спорить Новиков. — Но, может, все-таки выберешь более верный способ?

Я честно не знал, как подобрать слова, чтобы фраза «Хочется хоть тут отомстить за Пушкина — наше все» не выглядела как признание в душевных болезнях.

— Просто так надо. Поверь мне, — произнес, наконец, я, после длительного молчания.

— Ладно, — нехотя согласился Новиков. — Но я тебя предупреждал.

К тому моменту, как мы дошли до полигона, там уже собрались зрители.

— Слушай, а ты становишься популярнее с каждым разом, — заметил Иван не без ехидства.

— Мне больше интересно, как они все узнают о том кто, с кем и когда, — ответил я.

— Ну, это не сложно, — отмахнулся Новиков. — Есть же система бронирования полигона под дуэли, она публичная. Это вам сейчас повезло, и здесь пусто, а так Тугарин рассказывал, что обычно надо ждать до вечера, а то и до следующей недели.

— Ну, если это считать везением... — пробормотал я.

Распорядитель от ректората был тот же, и на нашу парочку он посмотрел ну очень выразительно.

— Опять вы? — спросил мужчина.

— Не опять, а снова, — парировал я.

Мужчина вздохнул, и была в этом вздохе вся печаль уставшего взрослого, который курирует детскую песочницу. В этот момент на полигон вошел Дантес с каким-то парнем. Эти двое что-то горячо обсуждали, как будто бы даже ругались, но с нашего места слышно не было. А когда оппоненты подошли достаточно близко, чтобы можно было погреть уши, то их пылкий разговор прервался.

В принципе, мне было без разницы бретер он или просто debil, но на определенные мысли это наводило. Это ж кому-то было не лень нанимать полулегального бойца, платить ему деньги, чтобы тот спровоцировал меня на дуэль, чтобы... Чтобы что? Вот какую цель преследует этот наниматель?

— Представьтесь, — следуя протоколу, произнес распорядитель.

— Александр Мирный.

— Георгий Дантес.

Ну, почти Жорж! Александр Сергеевич, не беспокойтесь, сейчас все сделаем красиво.

— Возможно ли решить ваши разногласия мирным путем? — спросил распорядитель, поочередно смотря то на меня, то на Дантеса.

— Нет! — воскликнул боярич, задрав свой по-женски тонкий нос.

— Оружие? — уточнил мужчина.

Новиков выразительно посмотрел на меня, и я лишь демонстративно закатил глаза.

— Револьверы, — произнес Иван.

Тут у Дантеса случилась прямо-таки образцово-показательная пантомима. Из перекошенного злобой лицо превратилось в вытянутое от удивления. Но такой ответ поразил не только его, распорядитель тоже оказался в замешательстве.

— Револьверы? — уточнил мужчина таким тоном, каким преподаватели подсказывают на экзамене, желая вытянуть любимого студента.

— Револьверы, — подтвердил Новиков с такой кислой миной, что все вокруг поняли сразу, что он по этому поводу думает.

— Револьверы... — немного обалдевшим тоном повторил распорядитель.

Затем вздохнул и подозвал кого-то из помощников, которые принесли довольно тяжелый с виду ларец, и началась процедура проверки оружия. При этом Дантес и его секундант лишь кинули беглый взгляд на стволы, а вот Иван с дотошностью отличника чуть ли не на зуб попробовал и сами револьверы, и каждый патрон, коих было по шесть на оружие.

Пока Иван изучал содержимое ларца, мне и Дантесу принесли магические блокираторы, которые я просто надел, а мой противник нацепил с таким гордым и независимым видом, будто больше никогда в жизни не собирался пользоваться магией.

Затем секунданты загнали пули в барабаны, и мы разобрали стволы. Оружие было очень эффективным: белый металл, светлая ручка из кости с резьбой в виде двух дерущихся мишек, красивые травяные узоры от рукояти до мушки. Револьвер удобно лег в ладонь, приятно оттянул весом руку.

Распорядитель меж тем зачитывал правила дуэли, суть которых сводилась к следующему: нам выделяли кусок полигона размером пятьдесят на пятьдесят метров, давали по пистолету с волшебными пулями в барабане, и выпускали резвиться в это чисто поле. Кто первый потеряет способность сражаться, тот и проиграл. Если так получается, что пули истрачены, а оба противника еще на ногах, то тут уже смотрят, кто обосрался, то есть по

количеству попаданий. Если и количество попаданий одинаковое, оружие перезаряжают вновь.

И так до победного конца.

Мы с Дантесом вошли в зону дуэли, встали у ее границы, а помощники распорядителя одновременно в углах выделенной нам площадки опустили какие-то предметы, издав издали похожие на шайбы. Едва они коснулись земли, я почувствовал холодок за спиной — магическая преграда, призванная защитить зрителей от шальной пули.

Снова, как в прошлый раз, на полигоне стояла неестественная тишина, которой просто не может быть в местах столь большого скопления народа. А ты погляди-ка, все так увлечены, что молчат и, кажется, даже не дышат.

Распорядитель еще раз хмуро посмотрел на меня, вздохнул, покачал головой и гаркнул во всю силу своих легких:

— БОЙ!

Дантес мгновенно вскинул руку и выстрелил. Пуля просвистела, оставляя за собой красивый голубой магический след, но меня уже там не было.

Раз.

Парень такой прыти от меня явно не ожидал и выпустил еще одну пулю, в надежде поймать меня, как движущуюся мишень. И снова мимо.

Два.

Я вскинул руку и спустил курок. Дантес слишком поздно сообразил, что я не от отсутствия мозгов и не понтов ради выбрал огнестрел. Жорик все же успел дернуться в сторону, так что я попал не в коленную чашечку, а рядом.

— ПОПАДАНИЕ! — рявкнул распорядитель, и зрители ахнули.

Жорик, он же Георгий Дантес, смотрел на меня бешеным взглядом, но упорно уходил с траектории, чуть подволакивая ногу. В одно мгновение мы оказались замершими друг напротив друга: я вскидывал руку, и он. Секундное замедление, два выстрела и...

Я перекатом ухожу с траектории пули, летевшей мне явно в живот, а вот Дантес чуть не выронил свое оружие — его правая рука онемела.

— ПОПАДАНИЕ!

Это три.

Зрители восхищенно ахнули, ну и немного подрастерялись, тут уже вроде бы как должно было быть все понятно, но Жорик перекинул револьвер в левую руку.

А вот это уже интересно.

Парень высокомерно вскинул подбородок, насколько это вообще возможно в его ситуации, а затем резко выстрелил от бедра.

Четыре!

И это правда было очень близко, на самом деле близко. Только старые-старые интуитивные рефлексы, сработавшие быстрее, чем мозги, помогли уклониться от попадания в бедро.

Ладно, парень, ты, вне всякого сомнения, хорош, но, прости, я все-таки лучше. Сказывается переизбыток опыта.

И я рванул на него, на ходу кидая себя влево-вправо и спуская курок. Дантес то ли не верил собственным глазам, то ли не ожидал от меня такой убийственной атаки, то ли не думал, что я попаду с такого расстояния... В общем, он успел, конечно, один раз выстрелить, но даже близко не попал.

Нога, рука, живот.

— Тройное ПОПАДАНИЕ!

Публика рукоплескала и улюлюкала. Не каждый день увидишь обгадившегося аристократа, который стоит тупо потому, что ему повезло сохранить равновесие до того, как онемело тело.

Я же медленно подошел к парню с опущенным в землю дулом и негромко спросил:

— Кто тебя нанял?

— Да пошел ты! — выплюнул Дантес, пуча глаза от бешенства.

— Что ж вы меня все посылаете, — вздохнул я в ответ. — У меня осталась последняя пуля, а у тебя не осталось ни чести, ни... — я глянул вниз, намекая на обгаженные штаны. — Ни достоинства. Да и какое достоинство у бретера. Итак?

— Я тебя убью. По-настоящему, — прошипел Дантес.

— Ну, рискни, — усмехнулся я. — Передавай своему хозяину, чтоб держал своих псин на привязи. Ты же знаешь, да, что бешеных собак должны отстреливать?

Может, Жорик бы еще что-то многообещающее добавил, но я приставил дуло револьвера вплотную к его лбу и нажал на курок.

— ПОПАДАНИЕ!

Найду ту падлу, которая решила добраться до меня через девчонку, все кости переломаяю.

Полигон Императорского Государственного Университета, Василиса Корсакова

— Васька, твой друг отчаянный, — причитала рядом соседка по комнате, третьекурсница ростом с восьмиклашку. — Дантес — он же самый заядлый дуэлянт университета! И всегда только на пистолетах дерется!

— Револьверах, — высокомерно поправил какой-то парень из толпы.

— Да без разницы, хоть на пищалях! — огрызнулась Светка. — Кранты твоему парню, точно тебе говорю.

Василиса хотела сказать, что парень-то формально вроде бы не ее. Но, судя по происходящему, это ненадолго.

— БОЙ!

Кажется, между этим воплем и завершением дуэли прошла целая вечность. От звука каждого выстрела девушка вздрагивала, словно стреляли по ней. Она стояла, закусив костяшки пальцев, чтобы не кричать, чтобы держаться за реальность через эту боль в руке.

Толпа рядом вопила, улюлюкала, смеялась и восхищалась, а Василиса испытывала на самом деле только одну эмоцию — ужас. Ужас от того, что Александр сейчас один на один с этим подонком, и что по нему стреляет один из лучших дуэлянтов университета.

А когда поединок окончился, и толпа, точно насытившийся зверь, немного отхлынула от центра полигона, девушка, наоборот, рванула вперед. Точно вода меж корней и камней она текла сквозь людей к Александру, чтобы... Сказать? Спросить? Сделать?

И когда совершенно внезапно толпа кончилась, а Василиса вылетела на зеленый газон полигона, то сорвалась на бег. Быстрее, чем на тренировках у Разумовского, на одном выдохе она подлетела к Мирному, о чем-то негромко беседовавшему с Новиковым, и замерла буквально в шаге от парня.

Тот развернулся и посмотрел ей в глаза пробирающим до самого сердца взглядом. Такой высокий. Такой сильный. Такой спокойный. Уверенный в себе. Он, словно древнее

античное божество, выточенное из камня, застыл на мгновение, смотря на нее взглядом человека, который повидал жизнь.

А затем одним шагом пересек разделяющее их пространство, обжег ощущением широкой, горячей ладони на ее талии и...

Впился поцелуем в ее губы прямо на глазах у сотен студентов.

Императорский Московский Университет, Александр Мирный

Что мне нравилось в моем повторном студенчестве — это юность, энергия и ощущение, что вся жизнь впереди. Что мне не нравилось в студенчестве — домашние задания.

Особенно по-идиотски это ощущалось, если вспомнить, сколько людей я успел тут отправить на новый круг сансары.

Но вот приходилось вечером отложить все наполеоновские планы на жизнь и, развалившись на кровати, читать скучнейшую книжку по «Теории государства и права». Некоторые абзацы были настолько увлекательными, что я чувствовал, как залипаю: глаза бегали по строчкам, а мысли разбегались, как тараканы после включения света — куда угодно, лишь бы подальше.

Поэтому дробный стук в дверь я посчитал добрый знаком и отличным поводом закончить на сегодня с высшим образованием.

— Друг мой! — воскликнул ворвавшийся в комнату Иван. — Традиции нельзя нарушать! — он плюхнулся на стул за моим рабочим столом. — И у меня предложение, от которого ты не сможешь отказаться!

Я захлопнул книгу и продемонстрировал соседу обложку:

— Знаешь, сейчас я готов даже еще раз пройти инициацию, лишь бы не этот талмуд канцелярита.

— Это ты еще настоящие договоры в своей жизни ни разу не видел! — хохотнул парень. — Вот где засыпаешь на первом абзаце.

В ответ я лишь неопределенно хмыкнул и спросил:

— Итак?

— Итак... — Новиков жестом фокусника извлек из складок одежды две бумажки, с моего места напоминающие билеты на какое-то увеселительное мероприятие типа цирка или музея. — Знаешь, что это?

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответил я, принимая вертикальное положение.

— Это билеты в одно из самых закрытых мест в Москве! — с таким восторгом произнес Иван, что я грешным делом подумал про какой-нибудь супер-элитный бордель с ролевыми играми.

— Что-то мне боязно спрашивать, куда билетки, — честно признался я, не спеша разделять воодушевление боярича.

— Кальянная!

— Что? — не понял я.

Я почти ничего не знал о ночной жизни города и как-то не рассчитывал, что кальянная — это такая редкость, что в них проходят по билетам. Но Иван понял мой вопрос по-своему.

— Кальянные — это такие... типа закрытые бары в восточном стиле, — принялся пояснять мне боярич, — но помимо всего прочего там еще и подают такие курительные штуки, кальяны. Это такая колба с...

— Да, я понял, — не выдержал я и перебил парня. — Я знаю, как выглядят кальяны.

— Да, я тоже раньше видел только в иллюстрациях про Шахерезаду. А теперь можно попробовать! Идем?

Честно сказать, в прошлой жизни я смолил, как паровоз, и, соответственно, кашлял как узник рудников. В этой жизни на хорошие сигареты денег еще ни разу не было, а снова курить пыль индийских дорог не особенно-то и хотелось.

Но кальян все-таки не «Прима», тем более, если заведения «закрытые». «Закрытые» значит для благородных, а если для благородных, значит, паленой продукции быть не должно по идее.

— Идем, — согласился я, с легкой душой бросая книгу на стол.

Ну «идем» было сильно сказано, в кальянную пришлось ехать. Располагалась она в районе Старого Арбата. То есть просто Арбата, который здесь тоже был пешеходным и парадно-выставочным для выгула туристов, сохранив, однако трамвайные пути по центру улицы, по которым пару раз в день ходили декоративные трамвайчики с экскурсиями.

Стены Цоя, правда, не было, но общее настроение улицы сохранилось. Уличные артисты, дорогие магазины, крошечные заведения общепита с конскими ценниками, а еще прорва интеллигенции, проживающей на самом Арбате или рядом с ним.

Сама кальянная располагалась в одном из прилегающих к Арбату переулков. Типичный для центра этой Москвы домик в три этажа, принадлежащий какому-то частному лицу, сдававшему всю площадь внаем. Я ожидал, что вывески не будет, но нет, она имелась. Такая строгая, суровая, из латуни со шрифтом под арабскую вязь, как будто тут работал нотариус, а не размещалось заведение увеселительного типа.

Поскольку вокруг Арбата улицы с односторонним движением были как-то странно организованы, а таксист по традиции немного заплутал, нам пришлось чуть-чуть прогуляться. Время было позднее, горели фонари, шумела Москва и, если честно, настроение было приподнятым и хотелось, если не пьяной драки, то какого-нибудь веселого движа. Шедший рядом Иван усиленно крутил головой, пытаясь одним махом в вечерних сумерках рассмотреть все: и дома, и фонари, и знаки на дороге, и вообще. В принципе, я уже был морально готов, что вечер наш окончится если не в проститутушной, то хотя бы в полицейском участке, в прошлый-то раз мы программу минимум не выполнили.

Подходя к кальянной, я ожидал увидеть тут пробку из люто дорогих автомобилей, но все было вполне себе прилично. Машины подъезжали с довольно большим интервалом, высаживали по паре-тройке гостей и сразу же растворялись в городе. Случайных людей почти не было, лишь пара компаний плелась в разных концах улицы, и вряд ли это были посетители кальянной.

Пешеходами, видимо, сюда только мы с Иваном пришли, потому что охрана на входе не поверила в подлинность наших приглашений. Они смотрели их на свет, сквозь свет, скребли ногтем, нюхали.

— На зуб еще попробуйте, — посоветовал я, не выдержав.

Охранник зыркнул на меня недобро, но терзать листики прекратил.

— Проходите, — нехотя сказал он, и мы, наконец, попали внутрь.

Ну что сказать про самую пафосную кальянную Российской Империи? Ее владелец определенно бывал в Душанбе. По крайней мере, в каком-то из городов стран Центральной Азии. Потому как на шикарные панно с типичными восточными узорами человек, выросший в европейской части страны, тратить бы явно не стал, если бы не знал, какое впечатление производит это великолепие на гостей.

Нас встретила красивая девушка в строгом черном платье и прическе с убранными назад волосами, вежливо поклонилась и еще раз попросила наши приглашительные. Сверив

их серийные номера с каким-то списком в планшете в своих руках, она еще раз вежливо улыбнулась:

— Прошу за мной.

Нас провели в общий зал через несколько длинных коридоров с коврами и фонарями из цветного стекла, где за каждой перфорированной деревянной дверью с восточным ажурным узором были видны небольшие кабинеты на компанию.

И если двери в коридорах, пусть и с дырочками, но больше скрывали, чем показывали, то вот общий зал демонстрировал всю роскошь заведения.

Это было просторное помещение, ради которого сломали перекрытия двух этажей, с огромными панно на стенах из кости и цветного стекла в традиционных восточных узорах. Тяжелые люстры из хрусталя висели больше для красоты, потому как их свет бы разбил уютный полумрак зала. Потолок утопал в дыму и сумраке, но все же даже так угадывалось, что он был украшен стеклянной мозаикой, тоже складывающийся в красивый узор, тускло блестящий в свете нижнего освещения. Мягкие пушистые ковры, которые даже мне, равнодушному до всей этой мишуры, жалко было топтать туфлями.

Официантки в наглухо застегнутых одеждах и убранных под платок волосах, идеально вышколенные официанты. Ну, прямо не бар, а образцово-показательно заведение.

Нас посадили за небольшой столик, оставили несколько книжек меню на каждого, и положили кнопочку вызова официанта.

И если бы глаза могли светиться, напротив меня бы сидел человек с софитами на лице — такой восторг испытывал боярич. Я-то, конечно, всякое повидал, так что в целом вся кальянная хоть и была безусловно шикарна, но все же Наврузгох в моей памяти отпечатался сильнее.

— Потрясающе! — проговорил Иван, крутя головой.

— Да, атмосферное место, — согласился я.

Правда, как и всегда в любых пафосных местах обязательно найдется компания мудаков, желающих поскандалить с администрацией. Так и тут недалеко от нас четверо мужиков, в которых угадывались очень агрессивно настроенные силовики, немного повздорили с администратором, но все же выбрали себе стол где-то в глубине зала. Мне подумалось, что ребята приехали после командировки из тепленького местечка, с таким напором они продавили персонал. С другой стороны, надраться можно в любом баре Москвы, зачем для этого ехать в самый пафосный?

— Где ты так научился стрелять? — вырвал меня из раздумий голос Ивана.

Парень смотрел на меня серьезно, и я филеем почувствовал, что история про «одного парня» в приюте не прокатит. В принципе, ее можно было, конечно, скормить Новикову, но, боюсь, тогда нашей только-только складывающейся настоящей мужицкой дружбе придет скоропостижный конец.

Но и рассказывать про реинкарнацию человеку, выросшему в христианских традициях — такая себе история. Точно в местный аналог Кащенко упекут.

— Это не та история, которую я бы хотел рассказывать, — произнес я, спокойно глядя в глаза парню. — Просто, считай, у меня была возможность однажды подержать в руках оружие. И я сегодня решил рискнуть.

Вот, и не соврал почти. Однажды подержал оружие в этом мире? Даже дважды.

— Хорошо. Уважаю твое право на тайны, — кивнул Иван с достоинством, но без лишнего пафоса. — Будем делать заказ?

— Будем, — с радостью согласился я соскочить с неудобной темы.

По итогам заказа на нашем маленьком столе появилось два кальяна, напитки и какая-то еда. Я решил не выделываться и заказал нестареющую классику всех миров — дынная чаша с мятным табаком на молоке. А вот Иван выбрал что-то ягодное на ягодном, так что ему принесли кальян с кубической колбой, полной какого-то смузи веселенького алого цвета.

— Жесть, — прокомментировал я.

— Погоди, надо попробовать, — пробормотал парень, затягиваясь и закашливаясь.

— Ну-ну, — хмыкнул я.

Мы сидели каждый на своем диване, выдыхали белый, почти что осязаемый дым, лениво тянули алкоголь, закидывая в рот мелкие бутербродики и канапешки и, честно говоря, больше молчали, чем говорили, каждый погруженный в свои мысли.

Да и атмосфера кальянной не располагала к буйному веселью или задушевым беседам после литра на рыло. Народ был крайне приличный, очень редко плавное течение музыки прорывал чей-то залиvistый, задорный смех, а затем снова все погружались в медитативное состояние.

Не знаю, как Иван, а я потерял счет времени. Угли тлели и менялись, табак прогорал раз за разом, а мы все сидели и сидели. Наконец, когда я поймал себя на том, что меня начинает рубить, да и сидящий напротив парень начал клевать носом, мы попросили счет, который я, весело подмигнув Новикову, полностью оплатил.

— Алмаз работенки подкинул, — пояснил я на немой вопрос Ивана, отмусоливая купюры на чай.

К счету прилагались приглашения — по два на каждого.

— Тебе бы сюда Василису сводить, — заметил Иван, когда мы шли по коридорам на выход.

— Интересный вопрос. Я даже не знаю, курит ли она или нет, — ответил я.

— Ты вообще хоть что-нибудь о ней знаешь? Или бился за нее с Дантесом просто потому что мог? — хохотнул Иван.

— Знаю, — усмехнулся я. — Знаю, что женюсь на ней. А ты — будешь свидетелем.

Парень гордо распрямил плечи:

— Это я с превеликим удовольствием.

За спиной послышались возгласы и шум потасовки. Я обернулся, чувствуя, как меж лопаток буквально чешется от волн агрессии, исходящих из-за оставленного коридорного поворота, но Иван положил мне руку на плечо.

— Оставь. Там и без нас справятся.

— Ладно... — нехотя согласился я с логичным, в общем-то, замечанием.

Мы вышли на улицу, и я вдохнул полной грудью холодный и сырой ночной воздух и потянулся. Рассвет еще не занялся, и был тот самый, самый темный предрассветный час, который должен был вот прямо сейчас рассеяться дымкой.

— Надо бы выйти на Смоленскую площадь, тут такси не поймать, — предложил Иван.

— Ага, — согласился я и посмотрел на товарища.

И увидел, что в предрассветной тьме ярко и абсолютно четко на груди парня алела кровавая точка прицела. Прямо на месте сердца.

— Вниз! — рявкнул я, дернув Ивана за собой.

Мгновением позже пуля просвистела и выбила крошку из фасада здания.

— Ходу-ходу-ходу! — толкнув парня вперед себя и пригибая его за шею, скомандовал я.

На абсолютно пустом, даже ничем не запаркованном переулке, нигде нельзя было скрыться. Идеально для хорошего снайпера даже с учетом мечущейся мишени.

Я никогда не был телохранителем, но бывало, что приходилось вытаскивать гражданских из весьма неприятных мест. Пожалуй, именно этот опыт позволил сохранить Ивану жизнь.

Рядом с нами чернел провал проезда в какой-то двор, перегороженный красивыми коваными воротами. Я вдарил по ним ледяной магией, и ковку просто порвало в клочья, а мы, преодолев небольшой туннель, оказались во дворе-колодце. Парень смотрел на меня широко распахнутыми глазами, а я шарил взглядом по пространству, ища, есть ли где-нибудь вторые ворота или фальш-стена между домами, которую можно выбить.

Конечно, снайпер не побежит догонять нас, как кроликов, но что если у него есть поддержка?

Словно в подтверждение моих мыслей по ту сторону въездного туннеля во дворе засвистели тормоза, и раздался звук откатывающейся двери микроавтобуса.

Твою мать.

— Сейчас придется биться по-настоящему, — предупредил я парня, отводя его за себя и сам отходя к стене.

Иван судорожно что-то отбивал в телефоне.

— Ты меня слышишь? — спросил я.

Топот армейских ботинок, усиленный эхом туннеля, подтвердил мои слова. Парень вскинул на меня слегка ошалелый взгляд, убрал телефон в карман и кивнул.

— Постарайся держаться за мной, — сказал я.

— Я не собираюсь прятаться за твоей спиной, как трус, — процедил Иван, сжимая кулаки, вокруг которых начала искрить магия.

Идиот.

— Мертвый ты никому ничего не докажешь, — зло кинул я.

— А я не собираюсь умирать, — прищурился парень.

И в этот момент во двор влетели...

Собственно, кто?

Бойцы влетели и, растянувшись шеренгой, замерли. Это были крупные мужики, одетые в неброские кожаные куртки, берцы, джинсы, с кастетами и битами. У каждого на шее болтались армейские жетоны.

— Хозяин передавал привет и просил сделать котлету! — гаркнул один из них.

Снайпер промазал, и явилась гопота? Что за чушь?

Но анализировать и размышлять было некогда. Я создал перед собой по ледяной пуле и резким движением ладони отправил их в полет. Все снаряды долетели до цели, но, словно столкнувшись с невидимой преградой, рассыпались искрами, так и не проломив ни одну буйную голову.

— Блокираторы, — процедил Иван, коснувшись груди в том месте, где у нормальных людей нательный крестик, а у этих козлов жетоны.

— Ладно, придется по старинке, — ответил я, и тут же предупредил: — Не лезь вперед батьки в пекло.

— Кто тут еще батька, — оскалился Новиков.

Впервые я увидел парня таким. Сильным, хищным, как будто бы старше своих лет. Впрочем, когда вы вдвоем против десяти, и мухлевать магией не выйдет — придется быть

старше.

Один из нападавших крутанул битую в руке, и все пришло в движение.

Нападающие сорвались в атаку, нам же ничего не оставалось, как защищаться. Их было больше, и в этом было их преимущество и недостаток. Они тупо мешали друг другу в ограниченном пространстве двора. Со спины к нам подойти было нельзя — мешала стена дома. А чтобы атаковать в лоб, приходилось тесниться.

Я уклонился от первого удара битой, взяв руку атакующего на захват. И, выломав оружие из пальцев, кинул врага на другого бойца, устроив небольшую кучу-малу. Краем глаза приходилось с переменным успехом контролировать, как там Иван, но парень вполне себе справлялся.

Каким-то невероятным образом, отжав себе вражеские кастеты, он довольно ловко, а, главное, весьма уверенно метелил противников. Я же, орудуя трофейной битой, увеличивал количество пациентов домов скорби и клиентов гробовщиков.

В конце концов, черепно-мозговая травма — это не то, что проходит бесследно.

Один придурок, конечно, подумал, что он самый умный, и вынул нож. Но что такое нож против дубинки? Раздробив ему кисть в крошево, которое уже не восстановить обратно, я впечатал его нос в лицо. Этот к гробовщикам.

Парочку я просто угомонил удачным попаданием в черепушку. Эти будут клиенты в дурку.

Еще один почему-то решил, что может потягаться со мной в махании руками и ногами. Пришлось маленько подправить ему количество работающих конечностей. Этому вряд ли уже кто-то соберет кости в единое целое.

Еще двум досталось по вискам. Может, пора брать процент с местных похоронных бюро? Я что-то стал их регулярным поставщиком.

Пока я угомонил шестерых, Иван справился с двумя и рубился с третьим. Наверное, это была бы хорошая схватка, если бы не одна проблема — парень слишком увлекся и отошел от стены. И к нему со спины подкрадывался последний урод.

Я подхватил нож того неудачливого придурка и метнул в крадущегося сзади к Ивану противника. Тот успел лишь коротко и тонко взвыть, прежде чем кончиться, но этого хватило, чтобы неопытный боярич отвлекся.

Противник легко пробил его защиту, вдарив четко по челюсти.

Стопроцентный нокаут для мальчишки.

Я стоял слишком далеко, чтобы протянуть руку и переломать конечности бандиту. В такие моменты каждая секунда на вес жизни, и все это понимали.

Наемник схватил Ивана за грудки, чтобы вдарить еще раз, и я сделал то единственное, что успевал — швырнул битую ему в голову.

Хэдшот.

Занесенный кулак медленно опустился, и бандит осел, выпуская Ивана. Который, надо сказать, начал падать на асфальт вместе с врагом.

Я подлетел к парню, пинком отшвырнул наемника и, присев на корточки, приложил два пальца к жилке на шее парня. Ворот футболки разодран, нательный крестик остался в руках у бандита.

А парень хоть и помятый, но живой.

Уф-ф-ф...

Я оглядел двор, оценивая побоище, и даже усмехнулся, подумав, что мы с Иваном все-

таким образом выполнили программу минимум для ночного загула двух холостых парней по Москве.

А когда снова повернулся к парню, то все смешные шутки мгновенно вышибло из головы.

У внешности лежащего передо мной человека не было ничего общего с Иваном Новиковым.

Зато с цесаревичем Российской Империи одно лицо на двоих.

Твою мать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net